

vk.com/kn_books

если один уйдёт

~ Б.Н. Толер ~

ЕСЛИ ОДИН УЙДЕТ

Книга: Если один уйдет

Автор: Б.Н. Толер

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серий

Главы: 37 глав+Эпилог

Переводчик: Мария Е. (1-7 гл), Александрина Царёва (с 8-ой главы)

Редактор: Таня П.

Вычитка и оформление: Натали И.

Обложка: Eli Black.

ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения переводчиков запрещено!

Специально для группы: K.N.

(https://vk.com/kn_books)

Аннотация

Что случается, когда то, что губит вашу жизнь, в конце концов, спасает ее?

Я никогда не верила в духов, до тех пор, пока шесть лет назад кошмарное ДТП не изменило мою жизнь... навсегда.

Меня зовут Шарлотта, но большинство людей называет меня Шар... и у меня есть особый дар.

Я разговариваю с мертвыми.

Не заблуждайтесь, я не могу призывать их. Я могу только видеть и говорить с умершими, которые не способны перейти в иной мир и по какой-либо причине задерживаются на земле. Они каким-то образом зависают в мире с незаконченными делами. И за последние шесть лет я неустанно использовала свой дар, чтобы помочь их заблудшим душам.

Но это дорого мне обошлось. Моя жизнь словно погрузилась во мрак. Чувство подавленности привело к тому, что я начала сдаваться. Помогая мертвым, я поняла, что не живу. Без денег, без жилья, и самое главное... никакой надежды, я решила, что есть только один выход — покончить со всем этим.

Но судьба — забавная штука. В одну минуту я собираюсь прыгнуть навстречу своей смерти, а в следующую — спасаю Айка МакДермотта. Сильный, великолепный солдат помешал мне положить конец моему отчаянию. Он из тех людей, от улыбки которых озаряется вся комната.

Сладкий и нежный.

Он — мой спаситель.

И он мертв.

Мы заключили соглашение. Он поможет мне найти место, где я могла бы жить, и новую работу, а я помогу ему с его незаконченным делом, чтобы он смог перейти в иной мир.

Незаконченное дело Айка связано с его братом-близнецом, Джорджем. С момента гибели Айка, Джордж потерял себя, пустился по наклонной, и Аик не может покинуть этот мир до тех пор, пока не будет уверен, что с братом все в порядке.

Согласившись помочь, я не подозревала, что влюблюсь в очаровательных братьев из округа Бат, в... Айку и Джорджа МакДермоттов.

Теперь, когда оба брата владеют равными кусочками моего сердца, я столкнулась с жестокой и несправедливой ситуацией. Спасение Джорджа предполагает освобождение и уход Айку.

Но как можно отпустить половину своего сердца?

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Посвящается

Ханне Грэхэм, Морган Харрингтон, Кассандре Мортон и всем женщинам, погибшим от рук жестоких убийц.

Мое сердце бьется за вас и ваши семьи.

Покойтесь с миром, прекрасные девушки.

Глава 1

Шарлотта

У моей бабушки была присказка, которую она всегда говорила мне, когда я была разочарована жизнью. *Это тоже пройдет*. Учитывая, что для меня она была самым удивительным и потрясающим человеком, я верила ей. Она была такой; одно ее присутствие могло исправить мир в одно мгновение. По сей день я цепляюсь за эти слова, повторяя их с каждым вдохом и выдохом. Иногда это все, что нас действительно поддерживает в трудные времена. Что-то такое пустое и бесполезное, как слова, могут быть тем, что удерживает в бушующем и неумолимом течении жизни. И это именно то, чем они были для меня. Слова были прекрасны тем, что удерживали меня в этом мире, не позволяя исчезнуть, когда все инстинкты говорили мне покончить со всем.

Просто уйти.

— Здесь.

Мои мысли прерывает Кейси, указывая на мост рядом с шоссе в Шарлоттсвилль, штат Вирджиния. Уже прошло три часа с нашей последней остановки, опустилась ночь, скрывая красочные горные склоны, охваченные закатом. Я съезжаю на моей Toyota 4Runner с дороги в траву, прежде чем мы достигаем моста. Я устала. Не только физически, но и всеми возможными способами. Эта поездка заняла дни, истратила мои тающие средства и подвела меня ближе чем когда-либо к темным мыслям.

— Он оставил меня под мостом, в зоне, покрытой низкорослым кустарником. Но «это» больше не похоже на меня, — предупреждает она, и я дарю ей самую успокаивающую улыбку, которую могу выдавить. Я хотела бы прикоснуться к ней, утешить ее таким физическим жестом, как объятия.

Но я не могу прикоснуться к мертвым.

Я могу только видеть их и говорить с ними.

— Кейси, я...

— Ты не должна идти смотреть, — перебивает она, — но ты сказала, что тебе нужно это, чтобы убедиться, что это реально.

Это правда. Я говорила об этом. В конце концов, если я собираюсь сообщить в полицию о мертвом теле, мне нужно знать наверняка, что это реально.

Льет сильный ливень, и я смотрю устало вперед, глядя, как дождь громко барабанит по моему внедорожнику в лобовое стекло. Я надеваю мою дождевую парку, ладно, моего брата, Акселя, но она стала моей, когда тот скончался шесть лет назад, когда мир отклонился от своей оси и отправил меня в небытие.

Наклонившись, я открываю бардачок и беру синий фонарик. Я не пользовалась им несколько лет и молюсь, чтобы проклятые батарейки все еще работали.

— Я сейчас вернусь.

Я вздыхаю и натягиваю капюшон на голову, прежде чем вылезти из машины, и почти падаю на задницу, поскользнувшись на траве. Я должна была догадаться, что это произойдет. Я знала, что это был только вопрос времени, прежде чем душа найдет меня и попросит раскрыть место, где ее тело было оставлено после жестокого убийства. Ничего не происходит, когда я включаю фонарик, но, ударив его ладонью несколько раз, очень слабо начинает мигать свет, но мне хватает и этого. Земля погружается в темноту, когда фонарик освещает мост и кругую гору. Там внизу ручей, и, кажется, уровень воды выше, чем обычно, поэтому я аккуратно сползаю вниз, надеясь, что не поскользнусь в нем. Дождь неумолимо хлещет жесткими, холодными каплями по коже. Вселенная всегда против меня. Ясное небо, возможно, сделало бы осмотр моего первого убитого тела немного менее травматичным, хотя бы чуть-чуть.

Стоя внизу, я чувствую себя неловко. Вода достигает коленей, просачиваясь в мои резиновые сапоги и мгновенно их наполняя. Просматривая местность моим очень тусклым фонариком, я сразу же вижу Кейси в зарослях вокруг ближайшей ко мне колонны моста. Сделав глубокий вдох, я сглатываю желчь в горле и кладу руку на грудь, будто это каким-то образом может успокоить мое грохочущее сердце. Пройдя десять шагов, я добираюсь до кустарников. Застываю и делаю еще один глубокий вдох.

— Давай, Шарлотта. Просто сделай это, — говорю я сама себе.

Дрожащей рукой я хватаю несколько мокрых веток и отодвигаю их. Убийца Кейси не потрудился хорошо ее скрыть. Как только я убираю ветки, становится полностью видна ее голова с небольшим количеством прилипших светлых волос. Я отпускаю кустарник, поворачиваюсь, теряю равновесие и падаю в воду, потеряв при этом фонарик. Свет сразу гаснет, и я шарю вслепую в темной и мутной воде, но после нескольких минут понимаю, что это бесполезно. Поднимаясь, я закрываю глаза и молюсь, чтобы меня не стошнило. Это последнее, что Кейси нужно видеть прямо сейчас.

Взобравшись вверх по склону к внедорожнику, я опираюсь на капот, чтобы снять сапоги и вылить из них воду. Когда я забираюсь внутрь машины, Кейси смотрит на меня, но ничего не говорит, так как я смотрю прямо перед собой, погружившись в свои мысли. Кейси нашла меня за пределами штата Вермонт в ресторане, где ели ее родители и сестра. Когда я взглянула на ее, она знала, что я вижу ее, хотя она была мертва. Когда мертвые являются мне, нет странного звука или расплывчатого изображения. Было бы прекрасно, если бы был какой-нибудь предупреждающий знак, но такая роскошь мне не предоставлена. Они выглядят как все. Только когда они видят, что я их замечаю, я могу выяснить, что они мертвы.

— Что сейчас, Кейси?

Она мягко заправляет свои светлые волосы за ухо. Она была красивой девушкой, из тех, которые не помогут, но привлекут внимание каждого встречного. К счастью, умершие показываются мне в таком виде, как они выглядели в их повседневной жизни; не так, как они выглядели, когда умерли.

— Теперь ты позвонишь в полицию, — просто говорит она.

— И что именно сказать? Они могут подумать, что я замешана в убийстве каким-то образом.

— Сделай анонимное сообщение.

— Что ты можешь сказать о парне, который убил тебя? Разве ты не хочешь, чтобы они нашли его?

— Они найдут. В свое время. Есть более важные вещи.

Я завожу внедорожник, поворачиваю регулятор тепла до предела и отдыхаю несколько минут.

— И это все? Это то, что тебе нужно для перехода?

— Моя мать и отец не смогут двигаться дальше, пока не узнают, что случилось со мной. После того как они узнают, что я мертва, конечно, они могут оплакать меня и двигаться дальше. Незнание разрушает их, и моя младшая сестра чувствует себя разбитой. Я не могу уйти, пока не буду знать, что они в порядке.

— Хорошо, — киваю я и переключаю коробку передач в режим «Движение». *(Примеч. Режим «Движение» (англ. Drive) — режим работы автоматической коробки передач).*

Я промокла до костей и замерзла, но чем быстрее сообщу о теле, тем скорее Кейси обретет покой, и я смогу побыть в одиночестве. Хотя мое одиночество всегда длится недолго. Везде, куда бы я ни пошла, всегда есть души, нуждающиеся в завершении каких-либо незаконченных дел.

Кейси убил парень, которого она встретила в баре на первом году обучения в колледже. Когда вышла из бара, она не заметила, что он последовал за ней. Меня расстраивает

пересказывать все детали; честно говоря, лучше бы я этого не знала. Некоторые вещи слишком трудно себе представить. Ее последние мгновения в этом мире были сущим кошмаром. Но ее семья не в состоянии отпустить ее, поэтому она не может уйти.

— Спасибо тебе за это, Шар. Я знаю, ты считаешь свой дар видеть мертвых проклятием, но ты подарила мне успокоение.

Я не отвечаю. Я знаю, что даю ей покой, как и другим до нее, но их покой стоит мне моего собственного. Этот «дар», как она назвала это, стоил мне хоть какой-нибудь видимости нормальной жизни; это стоило мне моей семьи, моих друзей и моей надежды. Мы подъезжаем к ближайшей заправочной станции. Я хватаю свой рюкзак с заднего сиденья и достаю блокнот и ручку.

Тело по шоссе 501 под мостом Юкон.

Коротко и ясно. Нет необходимости вдаваться в подробности. Я беру конверт, вписываю имя детектива, занимающегося ее делом, и продиктованный Кейси адрес. Как только это сделано, я запечатываю письмо и наклеиваю марку. Мы направляемся в город и находим ближайшее почтовое отделение, где я бросаю письмо в ящик.

Кейси издает слышимый вздох, наполненный тем, что я могу описать только как облегчение.

— Я навещу их в последний раз и тогда смогу уйти.

— Удачи, Кейси, — говорю я.

Я не знаю, что еще сказать. Что еще я могу сказать? *Безопасного путешествия? Пришли мне открытку?*

— Спасибо, — говорит она мягко. И потом исчезает.

Глава 2

Шарлотта

После исчезновения Кейси я еду в течение нескольких часов. По крайней мере, кажется, что несколько часов. У меня нет карты или плана, куда я направляюсь, но я еду куда угодно. Моя жизнь стала одной огромной неопределенностью.

Мой внедорожник набирает обороты на хорошей скорости, поскольку он едет по горным дорогам, виляя на опасных поворотах, увозя меня дальше во тьму в прямом и переносном смысле. Я никогда не видела такой темной ночи, как здесь в горах. Я почти все израсходовала, и, как ни странно, это не беспокоит меня. Смешно, как иногда работает разум. Я провела последние шесть лет испуганной и одинокой. Не страшись мертвых, по иронии судьбы, но страшись того, что моя жизнь принадлежит им, и что я никогда не верну ее себе. Но сегодня я решила. Сегодня вечером я верну мою жизнь. Я обрету контроль. Меня охватывает оцепенение и в голове образуется пустота. И я знаю, что сделала правильный выбор. Когда мой 4Runner начинает шипеть, двигатель работает на оставшихся парах бензина, я направляю его в сторону от дороги. В бардачке есть сто долларов на мое имя, но там, куда я иду, они не понадобятся. Тот, кто первым найдет внедорожник, может его забрать. Оставив фары включенными, я иду, дрожа, моя оцепеневшая душа не может найти выход из тьмы. Это не жизнь — это кошмар. Бесконечные мучения смерти и рабства. И боли стало слишком много, чтобы ее вынести.

Я не блуждаю далеко, когда оказываюсь на мосту. Под ним протекает большая река, и вода яростно бушует вместе с дождем. Прогуливаясь посередине, я скольжу рукой по мокрым перилам и смотрю на воду, гадая, каково это — спрыгнуть с моста, позволить воде утащить меня вниз и забрать из этой жизни, этого кошмара.

Это тоже пройдет, повторяю я себе снова и снова, но слова потеряли свою магию и власть надо мной. Может быть, все это время я думала об этих словах, как о спасательном круге, когда в действительности они были грузом, прикованным к лодыжке, который медленно утаскивал меня на дно, удерживал от реального мира. Это никогда не пройдет. Я всегда буду принадлежать мертвым, и поэтому я никогда не буду по-настоящему жить.

Время просто отпустить.

Глава 3

Айк

Находиться в подвешенном состоянии — отстой. Все, что ты делаешь, это смотришь, как твои близкие страдают, и не можешь помочь им. Мои родители, кажется, в порядке, по большей части. Младший брат тоже. Но меня тревожит Джордж. Большинство братьев и сестер близки, но у близнецов создается связь, которую нормальные братья и сестры никогда не поймут. Мы были лучшими друзьями с первого дня.

А сейчас я мертв.

— Да, ма. Я буду дома в воскресенье к обеду... — он делает паузу. — Нет, я не пьян, — уверяет Джордж по телефону маму. Он не лжет. Он не пил, во всяком случае, пока.

— Нет, ма! Он просто чертовски подсел на кокаин! — кричу я, хотя ни один из них не слышит меня. Это и хорошо тоже; если бы она когда-нибудь услышала, как я матерюсь, она бы отхлестала меня по заднице.

Я не слышу, что мама говорит Джорджу, но слышу ее приглушенный плач по телефону.

— Знаю, ма. Я тоже по нему скучаю, — он прикрывает глаза рукой, его лицо принимает страдальческое выражение.

— Черт, Джордж, — вздыхаю я.

Я ненавижу видеть его таким.

— Я должен идти, ма. Я люблю тебя, — он нажимает на телефоне «отбой» и швыряет его на диван.

На стеклянном журнальном столике перед ним остатки белого порошка, пакет кокса, бумажник и пустые пивные бутылки. Джордж наклоняется вперед и поднимает мою фотографию в рамке, где я в военной форме, в тот день, когда закончил базовую подготовку. Он смотрит на фотографию долгое время, прежде чем аккуратно ее поставить. Сползая с дивана на колени, он достает водительские права из бумажника. Через несколько секунд он разделяет горку кокса на три небольшие полоски. Сложив права назад в бумажник, он берет долларовую купюру, плотно сворачивает, а затем использует ее, чтобы вдохнуть первую полоску.

— Джордж! — кричу я. — Боже, чувак. Почему ты это делаешь?

Но это бессмысленно, потому что он не может слышать мои слова огорчения.

Я не могу больше смотреть. Кроме того, я знаю, что эта шлюха, Мисти, направляется сюда, и мне противно видеть его с ней. Мой брат, очевидно, запутался, оплакивая свою потерю, и она по полной использует это: приносит ему наркотики, нюхает их с ним до тех пор, пока он платит, а затем они трахаются, хотя у нее есть парень, который выбьет все дерьмо из Джорджа, если когда-нибудь узнает.

Я исчезаю и снова появляюсь рядом с мостом недалеко от города. Мы с Джорджем приезжали сюда, когда были детьми, и ловили рыбу. Это одно из моих любимых воспоминаний. Когда я иду к мосту в темноте ночи, я слышу, как бушует вода в реке Джексон. Здесь в последние несколько дней шел сильный дождь, и уровень воды поднялся. Я завидую реке. Она движется, течет и продолжает жить. В отличие от меня. Я застрял в собственной западне и мне как-то нужно исправить то, с чем я не могу ничего сделать.

Я умер почти десять месяцев назад, и «белый свет», о котором говорят — это полная фигня. Во-первых, я не понимал, что я мертв. На самом деле, я думал, мне приснилось. Я был дома с мамой и папой, но когда попытался заговорить с ними, они не услышали и даже не отреагировали. Сообщение о том, что я был убит самодельным взрывным устройством в Афганистане, не пришлось долго ждать.

Шок — это все, что я чувствовал, все были разбиты этими новостями. В тот момент я думал, что это просто кошмар. Мне хотелось проснуться рядом с моим приятелем, Снайпером, в наших казармах и трепаться с ним о всякой фигне. Но этого не случилось. Вместо этого, я был вынужден смотреть, как моя семья скорбит, не в состоянии предложить им никакого утешения. Джордж вышел из-под контроля с тех пор, как я умер, и я не могу видеть его таким. Не сомневаюсь, что он — мой якорь здесь, удерживающий от перемещения куда бы то ни было.

— Это ад, — бормочу я себе под нос.

Погрузившись в свои размышления, я не заметил слабый свет впереди, пока не ступил на мост.

— Мне очень жаль, бабушка. Мне очень жаль, Аксель. Мне жаль, что я не сильнее.

Мои мысли прерываются, когда я слышу женский плач. Мой взгляд перемещается на звук ее голоса. Худенькая девушка одета в слишком большую дождевую парку, ее темные волосы прилипли к голове из-за дождя. С кончика носа капает вода. Она стоит на перилах моста, громко рыдая. Я останавливаюсь, не зная, как реагировать, но когда рыдания вдруг прекращаются и она поднимает голову, мое дыхание замирает. До этого ее эмоции показывали ее неуверенность покончить с собой. Теперь на ее лице лишь пустота, как будто она на что-то решилась. Она глубоко вдыхает, будто соглашается с принятым решением и с тем, что собирается сделать. И я уверен, что она собирается прыгать.

— Не надо! — кричу я, подбегая к ней, хотя знаю, что она меня не слышит, но не могу остановить себя. Когда ее голова дергается на звук моего голоса, я чуть не падаю в шок на задницу. Ее темные глаза встречают с моими, и она напрягается. *Она услышала меня.*

— Уходи! — кричит она в ответ. Я смотрю на нее, широко распахнув глаза и открыв рот. Она видит меня! Она слышит меня!

— Просто уходи! — снова кричит она, утирая нос рукавом куртки.

— Ты можешь видеть меня? — я качаю головой в недоумении.

Она зажмуривает глаза и стонет.

— Ты мертв.

Это не вопрос, а скорее утверждение. Дождь прекращается и между нами наступает тишина.

— Ты действительно видишь меня? — спрашиваю снова. Я убежден, что схожу с ума.

— Мертвый и тупой, — бормочет она. — Конечно, я вижу и слышу тебя.

— Но... как?

Она отворачивается от меня, и я смотрю на ее профиль, когда она снова зажмуривает глаза.

— Уходи. Я не могу тебе помочь. Я уже помогала мертвым. Просто оставь меня в покое.

Она смотрит на воду, ее взгляд затуманивается тоской.

Дерьмо. Она собирается прыгать.

— Слушай. Как тебя зовут?

— Неважно как меня зовут.

— Это важно для меня, — убеждаю я. — Меня зовут Айк. Айк МакДермотт. Пожалуйста, просто спустись вниз. Давай поговорим об этом.

— Зачем? — она истерически смеется, и это звучит загадочно. — Так я помогу тебе решить незаконченное дело, чтобы ты мог перейти в иной мир? Ну, ты так предполагаешь, Айк? — говорит она горько.

Ее голос дрожит от волнения, злые слезы заполняют глаза, когда она продолжает:

— У меня ничего нет. У меня есть сто долларов на мое имя, машина без бензина, нет друзей или членов семьи, чтобы помочь мне, и это все из-за таких, как *ты*. Потому что мертвые не позволяют мне быть собой.

Я потираю голову, стараясь подобрать правильные слова. Она может видеть мертвых людей. Хотя это кажется плюсом для меня, это, вероятно, приносит ей одни неудачи. Она, очевидно, совершенно одинока.

Снова встретившись с ней взглядом, я спрашиваю:

— Что, если я могу помочь тебе со всем этим? Ну... с большинством из этого. Что, если мы заключим сделку?

— Сделку?

— Я познакомлю тебя с некоторыми милыми людьми, которые помогут тебе получить работу, место для проживания, а ты... ты поможешь мне уладить некоторые дела.

Она смотрит вниз на воду и качает головой, не соглашаясь со мной.

— Слушай, я не знаю тебя или через что ты прошла, но я знаю, что все бы отдал, чтобы быть сейчас живым, неважно что.

Слезы текут по ее лицу, и я думаю, что мои слова дошли до нее.

— Не трать то, на что многие из нас никогда не получают шанс, — умоляю я.

Она продолжает смотреть вниз на воду, только звук ее дыхания прерывает тишину, когда она качает головой и слезает с перил назад на мост.

— Вы, люди, не позволяете мне быть собой. Я не могу даже убить себя! — тяжело вздыхает она, идя в противоположном направлении к машине.

— Куда ты идешь? — кричу я и бегу, чтобы догнать ее. Моя голова перегружена. Она может видеть меня и говорить со мной. Я мертв, и в течение нескольких месяцев разговаривал только сам с собой. Это невероятно!

— Здесь мой 4Runner, — бормочет она, и я вижу, как она дрожит.

— Ну, если тебе нужен бензин, то ближайшая заправка там, — я махаю рукой себе за плечо. — Мерсеры владеют ею. Они хорошие люди. Они помогут тебе.

Она останавливается и смотрит мгновение на меня. Ее лицо повернуто так, что свет от автомобиля дает возможность увидеть ее серые глаза, и у меня перехватывает дыхание. Это трудно объяснить, почему боль в ее взгляде кажется такой прекрасной. Она выглядит как дикое, свободное, заблудившееся создание, каким-то образом попавшее в западню. Темные волосы намокли и прилипли к лицу, и я так сильно хочу протянуть руку и отодвинуть их назад, чтобы увидеть ее всю. Мы пристально смотрим друг на друга, пока я не замечаю, что ее почти синие губы начинают дрожать. Она замерзла.

— Тебя нужно согреть. Позволь мне помочь тебе... — я позволяю моему последнему слову повиснуть в воздухе, намекая, что она не сказала, как ее зовут.

Она делает глубокий вдох и вздыхает.

— Шарлотта, — говорит она спокойно. — Но люди зовут меня Шар.

Шарлотта. Я мягко улыбаюсь. Красивое имя, как и она сама.

— Хорошо, Шарлотта. У тебя есть с собой какая-нибудь сухая одежда?

— В машине.

Она бежит впереди меня, открывает заднюю дверь со стороны водителя и залезает внутрь. Через несколько мгновений она выходит с рюкзаком и маленькой сумкой. Выключив фары, она захлопывает дверь, и дождь снова усиливается. Она смотрит в небо, позволяя дождю лить на лицо. Поднимает свободную руку вверх и показывает средний палец темной бездне — это заставляет меня усмехнуться. Я хочу укрыть ее, нести ее сумки, но... Я не могу.

Рассердившись, она проходит мимо меня, и я быстро присоединяюсь к ней.

— Мне жаль, что я не могу тебе помочь их нести.

Она тихо смеется.

— Мне тоже жаль, что ты не можешь, — она делает паузу, прежде чем добавить: — Я имею в виду, мне жаль, что ты не можешь их нести, потому что ты не живой.

Ее слова тяжело повисают в воздухе, пока дождь льет на нас.

— Как ты умер?

Я засовываю руки в карманы и говорю, вздохнув:

— СВУ. Афганистан. *(Примеч. СВУ — самодельное взрывное устройство, часто используется в нетрадиционной войне).*

— Дерьмо, — вздыхает она. — Мне жаль.

— Ну, если бы я собирался уйти... — я замолкаю, и она кивает, понимая меня.

Смерть — отстой. Нет никаких «если», «и», или «но» в этом. Но, по крайней мере, я умер благородной смертью. Есть худшие способы уйти.

— Так, куда же ты меня ведешь?

— Ты не знаешь, где находишься?

Она робко улыбается.

— Мне все равно куда идти. Я планировала ехать, пока мой внедорожник не выдохся бы и... хорошо... ты сорвал остальное.

— Не могу сказать, что сожалею об этом, — отвечаю я честно. — Неужели все настолько плохо?

Дождь снова внезапно прекращается, как будто сам Бог повернул выключатель, и мы оба останавливаемся и смотрим вверх. Через некоторое время она снова начинает идти, и я следую за ней. Ее сапоги издают хлюпающие звуки, прерывающие тишину.

— Каждый день моей жизни за последние шесть лет был проведен с мертвыми. У меня нет друзей, а те, которые были, думают, что я сошла с ума. Мои родители не знали, что делать со мной, и просто сделали вид, будто меня нет, и еще, забудь о бойфренде. Итак, ты видишь, у меня нет ничего, кроме смерти. Моя жизнь — это решение дел мертвых, чтобы они могли перейти в другой мир, и, черт возьми, я устала.

Она действительно выглядит уставшей. Ее бледное лицо и впалые глаза рассказывают историю нелегкой жизни.

— Мы можем помочь друг другу, Шарлотта. Это хорошее место. Тебе здесь понравится.

— А где это здесь?

— Это Уорм-Спрингс. Маленький городок в округе Бат. *(Примеч. Уорм-Спрингс (англ. Warm Springs — «Теплые источники») — городок в округе Бат, штат Вирджиния, с населением 123 человека. Известен своими круглогодичными теплыми источниками).*

— Уорм-Спрингс?

— Да. Люди приезжают сюда, чтобы омолодиться, — говорю я голосом лучшего диктора на радио. — «Купальни Джефферсона». Никогда не слышала о них?

— Нет, — отвечает она.

— Это особые источники... они остаются теплыми круглый год. Генерал Роберт Э. Ли и Томас Джефферсон часто посещали их.

— И что с этого? — спрашивает она сухо, показывая, что это ее не впечатлило.

— В любом случае, — продолжаю я, — ты в хорошем месте.

— Я все еще в Вирджинии?

— Да.

— И как именно ты сможешь мне помочь?

— Тебе нужно место, чтобы отдохнуть. Тебе нужна работа. Я могу помочь тебе с этим.

— Как это? Ты же мертв, — отмечает она очевидное.

Я останавливаюсь как вкопанный.

— Я? Ты это серьезно?

Я притворяюсь шокированным, она закатывает глаза, и тень улыбки проскальзывает на ее губах. Мы начинаем идти снова, и я отвечаю на ее вопрос:

— Я знаю людей из этого города. Что они любят, и что нет. Я помогу тебе стать милой с ними.

— И что ты хочешь взамен?

В голове проносится мысль о Джордже, и я чувствую тяжесть в груди.

— У меня есть брат, который переживает трудные времена.

— Незаконченное дело, — бормочет она и вздыхает.

— Слушай, я знаю, что ты устала помогать таким, как я. Но я другой. Я также хочу помочь и тебе. Если я смогу помочь тебе, ты поможешь мне?

— Думаю, что у меня нет выбора, — опять бормочет она, и, пожимая плечами, поправляет сумки, чтобы удобнее их нести. — Я согласна на сделку.

Глава 4

Шарлотта

Забавно, когда ваши планы могут так резко измениться всего за несколько минут. Моя жизнь должна была закончиться сорок минут назад. Я была в этом уверена. Но появился Аик и разрушил мои планы. Я думаю, что его слова вернули меня назад.

«Слушай, я не знаю тебя или через что ты прошла, но я знаю, что все бы отдал, чтобы быть сейчас живым, неважно что».

Самоубийство эгоистично. Это пощечина всем, кто умер и хотел жить. И с огромным трепетом, высокий, крепкий парень привел меня в чувство. Теперь я стою возле магазина Мерсера «Стоп энд гоу». Магазин старый, светящиеся символы выглядят так, будто сделаны несколько десятилетий назад.

— Похоже, мистер Мерсер работает сегодня. Он очень дружелюбный. Просто зайти и скажи ему, что твоя машина сломалась. Он поможет тебе, — говорит Аик и криво улыбается. Насколько я понимаю, это его способ подбодрить меня. Он красивый, широкоплечий и мускулистый, ростом примерно сто восемьдесят сантиметров, но улыбка — это его лучшая черта.

Я делаю глубокий вдох и мельком оглядываю себя в отражении: темные волосы спутаны на голове, одежда тяжело висит. Я выгляжу как двоюродная сестра *Тряпичной Энни*. Я выгляжу как черт. (*Примеч. Raggedy Ann (Тряпичная Энни) — тряпичная кукла с красными волосами и треугольным носом, персонаж одноименной серии книг Джона Груэлла*).

— Он подумает, что у меня не все в порядке с головой, — говорю я и запускаю пальцы в свои мокрые и спутанные волосы. — Посмотри на меня.

Аик смеется, и его светлая улыбка согревает мое сердце.

— Нет, не подумает. В этом городе много хороших людей, Шарлотта. Мерсеры одни из лучших. Поверь мне.

— Хорошо, — тяжело вздыхая, я толкаю дверь и вхожу. Меня встречает пожилой джентльмен с густыми седыми бровями и добрыми глазами.

— Ты не очень хорошо выглядишь, дитя. Ты в порядке? — спрашивает он, обходя прилавок и двигаясь ко мне.

— Да, сэр. Моя машина сломалась приблизительно два километра назад, и мне пришлось идти под дождем.

— Мой Бог, тебе повезет, если ты не подхватишь какую-то болячку, — он качает головой и искреннее беспокойство отражается на его лице. — Я могу осмотреть твою машину утром. Тут есть мотель около четырех километров вниз по дороге, мы можем зарегистрировать тебя на ночь. Я отвезу тебя.

Он быстро надевает куртку, вешает табличку на дверь «Вернусь в 10», выпускает меня и закрывает магазин.

— Это так мило с вашей стороны, — бормочу я шокировано. Кто, черт возьми, предлагает совершенно незнакомому человеку — тому, кто выглядит, как наркоман — поездки посреди ночи? Мистер Мерсер просто улыбается и кивает, когда мы отходим от здания.

Я удивлена, когда он подходит к «Форду Хайбой» и открывает пассажирскую дверь для меня. «Какой славный старик», — думаю я про себя. После того как он садится и заводит грузовик, он устанавливает высокую температуру, и я не могу быть более благодарной. Когда мы едем, Аик сидит слева от меня, между нами, хотя, конечно, мистер Мерсер не может видеть его. «Okie from Muskogee» Мерла Хаггарда тихо играет по радио, и меня передергивает. (*Примеч. «Оки из Маскоги» — песня американского кантри исполнителя*

Мерла Хаггарда. Оки — сленговое название для кого-то из Оклахомы, а Маскоги — одиннадцатый по величине город в штате).

— Я Билл Мерсер, кстати, — кивает он.

Мне приходит на ум, что он думает, что я просто села в его автомобиль и не знаю его имени. Я должна представиться, но Айк уже сказал мне его имя. Я так устала, что неясно думаю.

— Шарлотта, — отвечаю я. — Но большинство людей зовут меня Шар.

— Откуда ты, Шар?

— Родилась и выросла в Оклахоме.

— Эй... ты Оки, — говорит он, и его лицо озаряется улыбкой. — Песня, — отмечает он.

Я улыбаюсь.

— Я только что подумала об этом.

— Ты далеко от дома, — добавляет он и бросает на меня обеспокоенный взгляд.

— Вы правы, — соглашаюсь я.

Мы добираемся до мотеля «Уорм-Спрингс», и мистер Мерсер заводит меня в здание с мигающей неоновой вывеской: СВОБОДНЫЕ НОМЕРА.

— Эй, Билл. Как дела? — поднимаясь с кресла перед телевизором с плоским экраном, спрашивает большая и крепкая женщина с рыжими волосами цвета пожарной машины и огромным количеством фиолетовых теней для век.

— Джинджер, это Шарлотта, но ей нравится, чтобы ее называли Шар.

— Ну, привет, Шар, — здоровается Джинджер с приветливой улыбкой на пухлых щеках. — Ты выглядишь так, будто у тебя была тяжелая ночь.

Яжимаю плечами и застенчиво улыбаюсь.

— Можно и так сказать.

— Горячий душ это не исправит, — усмехается Айк, но я его игнорирую. Мне понадобились годы практики, чтобы научиться игнорировать мертвых и не отвечать им в присутствии других людей. Даже беглый взгляд в их сторону может заставить других людей думать, что я странная.

— Ну, номер сорок долларов за ночь, но у тебя будет телефон и горячая вода.

Сорок долларов? Это чертовски дешево. Я скидываю сумки на пол и раскрываю рюкзак. От мысли о горячем душе и теплой постели я начинаю дрожать, но вдруг понимаю, что оставила деньги в бардачке моей машины. *Черт!* Мое лицо пылает красным, когда я встаю и поднимаю свои сумки.

— Мне так жаль, что я впустую потратила ваше время, мистер Мерсер, но я оставила свои деньги в машине. Я просто вернусь к ней сегодня вечером.

Волна унижения проходит через меня, и я смотрю на Айку, который закрывает глаза, понимая, как мне неловко.

— Ерунда, дитя, — отмахивается мистер Мерсер. — Я заплачу. Ты сможешь вернуть мне деньги, когда заберешь их из машины.

— Я не могу принять это, сэр, — яростно качаю головой. Я не хочу подачек.

— Почему нет? — спрашивает Айк, протягивая руки. — Ты замерзла и нуждаешься в отдыхе!

Опять же, я игнорирую его, что очень сложно, когда язык его тела и тон такой оживленный.

— Милая, тебе нужен отдых. Если ты сбежишь завтра и не заплатишь мне, моя жизнь не закончится без сорока долларов. По крайней мере, я буду знать, что у тебя был безопасный ночной отдых. Это бы успокоило меня.

Мистер Мерсер мягко смотрит на меня сверху вниз и протягивает Джинджер деньги. Я ненавижу жалость в его глазах. Я, наверное, похожа на бездомную бродяжку, которой, предполагаю, технически и являюсь.

— Тогда вот, — говорю я и расстегиваю мою цепочку с серебряным крестиком. За всю жизнь я никогда не снимала его. — Возьмите и храните его, так вы будете знать, что я вернусь. Это одна из моих самых ценных вещей, и я никогда не оставила бы его. Но пожалуйста, не продавайте его. Я верну вам деньги завтра.

Мистер Мерсер берет крестик в руку, и мягкая улыбка появляется на его губах.

— Я даю тебе слово.

Он направляется к двери и, прежде чем выйти, говорит:

— Спокойной ночи, Шар.

— Спасибо вам, мистер Мерсер. Вы очень добры, — киваю я.

— Дорогая, номер для тебя готов, — говорит Джинджер, обходя стойку.

— Поразительно. У нее только один жилец, — фыркает Аик, и я стараюсь не улыбнуться.

Джинджер проводит меня в комнату тринадцать, самую отдаленную от ее стойки. Предполагаю, что она любит свою частную жизнь.

— Удостоверься, что дверь заперта, когда я уйду, и если тебе понадобится что-нибудь просто набери ноль на телефоне.

— Спасибо, мэм, — с благодарностью улыбаюсь я.

— Когда ты в последний раз ела, дорогая? Ты выглядишь так, что легкому ветерку будет просто подхватить тебя. Я приготовила жареного цыпленка на ужин, и осталось несколько штук. Я могла бы разогреть их для тебя.

— Вы так добры, но я думаю, горячий душ и хорошая кровать — это то, что мне действительно нужно прямо сейчас. Но спасибо, — киваю я.

— Хорошо, дорогая. Спокойной ночи.

После того как она закрывает дверь, я падаю на кровать. Аик садится в желтое, обтянутое кожзаменителем кресло у двери.

— Это единственный мотель в городе?

Он смеется.

— Ну, в этом округе чертова куча мотелей с включенным завтраком и также есть «Плантация», куда заселяются в основном богатые люди. Этот мотель находится на нижней ступени, но в ближайшие несколько недель я не сомневаюсь, что он будет максимально заполнен.

— Почему это?

— Потому что осенью туристический сезон. Люди приезжают со всех концов, чтобы насладиться источниками и понаблюдать за сменой листьев, — объясняет он.

Пока слушаю его, я дрожу в по-прежнему холодной и мокрой одежде.

— Тебе нужно снять эту одежду и принять горячий душ, — замечает Аик.

— Да, мамочка, — громко вздыхаю я, прежде чем встать. Я смотрю на него мгновение, и он просто смотрит в ответ. — Ты дашь мне немного уединиться?

— Не обращай на меня внимания. Я мертв, — он лучезарно улыбается, и от его улыбки все внутри меня начинает трепетать.

— Я не разденусь перед вами, солдат, — сообщаю я.

— Павший солдат, погибший и в подвешенном состоянии, не может даже украдкой взглянуть? Это жестоко, Шарлотта, — шутит он, в притворной боли закрывая глаза.

Я еле сдерживаю смех, и, копаясь в сумке, предупреждаю:

— Тебе лучше не наблюдать за мной в душе.

Он громко смеется. Его смех настолько богатый и глубокий, что я тоже начинаю смеяться.

— Ну же. Какой смысл быть мертвым, если я не могу наблюдать за девушкой в душе без ее ведома?

— Но я узнаю, — напоминаю ему и бросаю одежду на кровать. — Черт!

— Что случилось?

— Все мои дерьмовые вещи промокли, — хнычу я.

— У тебя маленький грязный ротик, — замечает он с ухмылкой.

— И что?

— Мне нравится, — он пожимает плечами.

— Думаю, что сегодня мне придется спать голой, — вздыхаю я.

— Есть Бог на свете, — Аик смотрит в потолок, сложив руки в молитве.

— Ты не будешь здесь спать, — говорю я.

— Но попытаться стоило, — сокрушенно фыркает он.

По пути в ванную комнату я оборачиваюсь и вижу, что Аик сидит, уставившись в пол.

— Ты в порядке?

Его глаза встречаются с моими, и он качает головой.

— Ты не знаешь, каково это — ходить в течение нескольких месяцев, а никто не видит и не слышит тебя.

Он не первый умерший человек, который говорит мне об этом. Я стараюсь сочувствовать и вспоминаю, что каждый раз расстраиваюсь о новой появившейся душе, но иногда это немного тяжелее.

Мы смотрим друг на друга долгое время.

— Я собираюсь пойти проверить моего брата и оставлю тебя ненадолго в покое. Вернусь до того, как ты проснешься.

Его военные жетоны звенят, когда он встает.

— Хорошо, — соглашаюсь я. Как ни странно, я опечалена тем, что он уходит. Обычно, я бы это отпраздновала. В одиночестве. Но по какой-то причине я хочу узнать его. Он первая встреченная мной душа, кто поставил меня на первое место. — Увидимся утром.

— Спокойной ночи, Шарлотта, — говорит он и исчезает.

Глава 5

Айк

Я проверяю Джорджа. Он отключился рядом с Мисти, ее сиськи выставлены напоказ всему миру. Но он дышит. Мой самый большой страх, что он умрет от передозировки. За эти десять месяцев с тех пор, как я ушел, Джордж сильно похудел и сам выглядит полумертвым. Он винит себя в моей смерти; как будто он мог помешать мне вступить в вооруженные силы или, возможно, спасти, если бы он тоже был там. Вступление в войска — это мой выбор. Это то, чего я хотел, и я не сожалею об этом. За исключением того, что моя смерть делает с ним.

Но теперь есть надежда. Есть Шарлотта. Дикое и красивое существо может быть ответом. Но она также нуждается в спасении, насколько я вижу. Только подумать, если бы я всего на несколько минут позже появился на том мосту, я бы никогда не встретил ее. Мне только нужно выяснить, как я могу помочь ей, пока она помогает Джорджу. Мне нужно выяснить, как спасти ее и моего брата от уничтожения самих себя.

В девять утра Шарлотта все еще спит. При свете дня и с высохшими волосами она выглядит по-другому. Ее темные, блестящие и мягкие волосы разметались по подушке. Губы теперь розовые, а не синие, как вчера вечером. Она лежит на животе, одеяло слегка прикрывает попку. Ее кожа выглядит настолько гладкой и нежной, что я отдал бы что угодно, лишь бы прикоснуться к ней. Я знаю, что не должен так пялиться, но не могу удержаться. Я могу быть мертвым, но я все еще мужчина, и мне нравится смотреть на красивых девушек.

Я должен разбудить ее. Ей нужно добраться до своего внедорожника, и мы должны немедленно найти ей работу.

— Просыпайся! Подъем! Подъем! — кричу я и хлопаю в ладоши перед ее лицом. Она подскакивает с безумными глазами. Мне открывается великолепный вид на ее грудь и, *Боже, она прекрасна*. Называйте меня придурком, но мне не стыдно разглядывать ее. Шарлотта начинает дергать одеяло вверх, пытаясь прикрыться. Черт, я скучаю по женскому телу. Его мягкости и теплоте.

— Я убью тебя! — кричит она.

— Ты немного опоздала с этим, детка, — отвечаю я.

Она бросает в меня подушку, но та пролетает сквозь меня и приземляется на пол.

Я делаю вид, что зеваю.

— Ауч.

— Никогда не буди меня так снова! На мне нет одежды!

— Действительно? Я не заметил, — я делаю вид, что смущен.

— Придурок!

— Какие мы сердитые утром, — хихикаю я, пока она пытается завернуться в одеяло. У мертвых все еще может встать. Я должен отвернуться, чтобы она не увидела, как я мысленно облизываю ее высокое, стройное тело. *Проклятье!*

Она хватает свою сумку и бежит в ванную, хлопая за собой дверь. Когда Шарлотта выходит, на ней надеты поношенные, продырявленные по всей длине джинсы и черная майка. Темные волосы распущены, немного косметики на лице. Она все еще выглядит уставшей и слабой, но немного обновленной, и это меня радует. Я не знаю ее достаточно хорошо, но надеюсь, что, когда все будет сказано и сделано, я смогу помочь ей обрести счастье.

— Как много ты успел разглядеть? — спрашивает она, застегивая свой рюкзак.

— Немного, — пожимаю я плечами, и она облегченно вздыхает. — Только твою грудь, — добавляю беспечно, и она бросает в меня расческу, которая, пролетев сквозь меня, ударяется о стену.

— Я думал, мы уже поняли, что это не работает.

— Ты достал, — она раздраженно забрасывает рюкзак на плечо.

— Она действительно прекрасна, Шарлотта.

Я делаю ей комплимент, она краснеет, но не может не улыбнуться.

— Тебе повезло, что мой дар ограничен тем, что я могу только видеть и слышать. Если бы я могла дотронуться до тебя, ты бы сейчас разговаривал исключительно высоким голосом.

Я смеюсь, когда она открывает дверь и захлопывает ее перед моим лицом. Я материализуюсь снаружи, и мы направляемся в главный офис, чтобы выписаться из мотеля. Джинджер улыбается и качает головой.

— Видимо, мистер Мерсер вернулся домой и рассказал миссис Мерсер о тебе. Она приехала этим утром и в первую очередь заплатила за твою комнату до воскресенья.

— Что? — Шарлотта смотрит на женщину, будто у нее выросла дополнительная голова.

— Также она оставила для тебя вот это, — Джинджер вручает ей пластиковый пакет на застёжке с цепочкой внутри.

— Почему они сделали это для меня? — спрашивает Шарлотта, но вместо того, чтобы смотреть на Джинджер, она смотрит на меня.

— Я думаю, что ты напоминаешь им их дочь. Она умерла более десяти лет назад, — говорит Джинджер, печально улыбаясь.

Шарлотта глубоко вздыхает, и я вижу, как эта новость влияет на нее.

— Спасибо, Джинджер.

— О, и это, — Джинджер ставит коричневый бумажный пакет на прилавок. — Это мои домашние черничные кексы. Тебе нужно поесть, девчушка. Добавь немного мяса на свои кости. Здешним мужчинам нравятся округлости у женщины.

— *Не стану лгать — люблю большие попки.* (Примеч. строчка из песни американского исполнителя Sir Mix-A-Lot «Baby Got Back» (1986). Песня вызвала споры своими откровенными и сексуальными словами о женщинах, конкретно, о женских ягодицах).

Я читаю реп как Sir Mix A-Lot и двигаю бедрами. Я вижу тень улыбки на губах Шарлотты, и знаю, что ей хочется посмеяться надо мной.

Шарлотта улыбается Джинджер и берет пакет.

— Вы очень добры. Огромное спасибо.

— Увидимся позже. О, и миссис Мерсер, я зову ее Сьюзен, сказала, что твою машину этим утром отбуксировали на автозаправку. Они заправили ее и привезли сюда. Она сказала, что она припаркована за мотелем.

Шарлотта смотрит прямо на меня. Я заметил, что она редко делает это в присутствии других людей.

— Я же говорил тебе, что они хорошие люди, — пожимаю я плечами. — Пойдем.

— Спасибо, Джинджер, — Шарлотта машет рукой, перед тем как выйти.

— Что это за место? Гребаное Мейберри? Почему все такие безумно милые? (Примеч. Мейберри (англ. Mayberry) — вымышленное сообщество, место действия двух популярных американских комедий).

— Не все, — фыркаю я. — Достаточно скоро ты встретишь и здешных придурков.

Глава 6

Шарлотта

Я чувствую себя так, будто попала в альтернативную Вселенную. Я поехала на автозаправку Мерсера, где мистер Мерсер отказался забирать сотню долларов. После долгих уговоров он согласился держать у себя мою цепочку, пока я не смогу заплатить, и сказал, что я должна найти работу, прежде чем он возьмет с меня хотя бы десять центов. Так что мы с Айком сели в мой 4Runner и проехали два километра к югу, пока не припарковались перед местом, называющимся «У Айка и Джорджа».

— Ты владеешь рестораном? — спрашиваю я, рассматривая вывеску.

— Уже нет. Теперь это все Джорджа.

— «У Айка и Джорджа»? Оригинально, — я пытаюсь шутить и мельком смотрю на него. Он пристально рассматривает вывеску и качает головой.

— До моего возвращения оставалось два месяца. Я не собирался продлевать контракт на дальнейшую службу. Я хотел вернуться сюда и управлять рестораном вместе с ним. Но... — он шумно вздыхает, — планы изменились, не так ли?

— Могу я спросить, как ресторан выживает в таком небольшом городе? — я пытаюсь сменить тему.

— Это здание принадлежит моей семье, поэтому мы не платим за аренду, и в городе всего три бара. Это большое туристическое место, особенно осенью, как я и говорил тебе. «Плантация» занимает там огромное место, — он указывает назад, где я вижу огромные каменные колонны гигантского особняка. — Мы получаем от них большую прибыль.

— Ясно, — я понимающе киваю. — И ты думаешь, что здесь я найду работу?

— Думаю, да. Ты же можешь работать официанткой?

— Да.

— Тогда давай зайдем.

Интерьер ресторана обустроен в деревенском стиле: вдоль барной стойки расставлены бочки, полы выглядят неотшлифованными и потертыми, из динамиков льется кантри. Стараясь не шуметь, я подхожу к барной стойке вместе с Айком, сажусь и оглядываюсь вокруг, пытаюсь разыскать кого-нибудь, кто здесь работает. На стойке стоит банка с арахисом, и мой живот урчит. Я еще не съела кексы Джинджер, поэтому хватаю горстку орешков и начинаю очищать их от шелухи.

Неожиданно передо мной появляется блондинка с широкой улыбкой и огромным количеством подводки на глазах.

— Я не слышала, как вы вошли. Вы в порядке? — спрашивает она.

— Это потому что она была, вероятно, в задней комнате, нюхая кокс или отсасывая боссу, — добавляет Аик, и требуется вся моя сила воли, чтобы не посмотреть на него, широко раскрыв глаза.

— Все хорошо. Спасибо, — отвечаю я ей, отходя от шока.

— Желаете посмотреть меню?

— Скажи ей, что ты здесь, чтобы поговорить с Джорджем, — инструктирует меня Аик.

— Вообще-то, я здесь, чтобы поговорить с Джорджем.

При этих словах она хмурится и бросает на меня оценивающий взгляд.

— Он ждет вас? — спрашивает она и в ее тоне проскальзывает подозрение.

— Тупая сука, — рычит Аик.

— Нет, не ждет, — быстро отвечаю я.

— И что вы хотели? — спрашивает она.

Аик закипает рядом со мной, но я не понимаю почему. Ее вопросы тоже начинают действовать мне на нервы, но я не настолько рассержена, как он.

— Меня зовут Шарлотта. Но люди зовут меня...

— Мисти! — низкий голос доносится из кухни. Я оборачиваюсь на голос и почти падаю с табурета, когда он выходит из-за поворота на кухню. — Мисти! Где уцененные товары с прошлого вечера?

У меня отвисает челюсть, и все, что я могу делать, это смотреть. Это Айк. Это Айк во плоти.

— Разве я не упоминал, что мы с Джорджем близнецы? — шепчет позади меня Айк, тихо посмеиваясь.

Не подумав, я шокировано оглядываюсь на него. Я не могу объяснить, каково это — видеть кого-то мертвого и одновременно его живое зеркальное отражение. В моей голове сейчас сплошная каша.

— Джордж, эта маленькая девочка говорит, что хотела бы говорить с тобой, — Мисти игнорирует его вопрос и указывает подбородком в мою сторону, в ее голосе отчетливо слышится отвращение ко мне.

Маленькая девочка? Она действительно назвала меня так? Обычно я бы разозлилась, но я все еще в ужасе от того, что брат Айка выглядит так же, как и он. Поэтому я отмахиваюсь от оскорбления и сосредотачиваюсь на происходящем.

— О, да? — пристальный взгляд Джорджа встречается с моим, и он наклоняет голову набок. — Мы знакомы?

Я все еще ошеломлена и стою с широко открытым ртом.

— Ладно. Я должен был тебе сказать, но, пожалуйста, ты не могла бы закрыть рот и не выглядеть, как идиотка? — просит Айк, стоя за моей спиной.

Быстро захлопнув рот, я выпрямляюсь.

— Мм... нет. Мы никогда не встречались, — говорю я, запинаясь.

Джордж поворачивается к Мисти.

— Мисти, ты не могла бы пойти помочь Снайперу разгрузить продукты?

— Конечно, — она улыбается ему и бросает быстрый взгляд на меня.

Как только она исчезает из поля зрения, Джордж заходит за барную стойку и кладет свой планшет на столешницу. Теперь, когда я могу лучше его разглядеть, я замечаю некоторые различия. Айк мускулистый и широкоплечий, а Джордж более худой. Волосы у Джорджа длинные и спутанные, Айк коротко подстрижен в военном стиле.

— И? — говорит Джордж, и я встряхиваю головой, пытаюсь включить свои мозги.

— Меня зовут Шарлотта. Я плохо знакома с городом и остановилась в мотеле, — я делаю паузу, не зная, как спросить его о работе.

— Просто спроси! — командует Айк.

— Я слышала, что вам нужна официантка, — я слегка огрызаюсь, рассердившись на Айка. Нелегко разговаривать о том, чего ты не можешь знать.

— И от кого вы слышали это?

Дерьмо! Что я должна сказать? От твоего мертвого брата?

— Мистер Мерсер упоминал об этом, — лгу я. Надеюсь, это никогда не всплывет в разговоре между ними.

— У вас есть опыт работы?

— Некоторый. Я работала официанткой во время учебы в колледже.

— И когда это было?

— Меня исключили после первого года обучения шесть лет назад. Из-за семейных проблем.

Больше из-за того, что я начала видеть мертвых людей и думала, что схожу со своего гребаного ума, но я не говорю об этом Джорджу.

— А после этого?

— Мм... — *после этого я разъезжаю по всей стране и помогаю мертвым людям, вообще не получая денег.* — У меня было немного денег на некоторое время, но сейчас мне нужна работа.

Это не совсем неправда. Мой отец заплатил мне, чтобы я исчезла. Я получила чек на определенную сумму, и отец сказал мне уехать знакомиться с новыми людьми. Другими словами, я должна была исчезнуть. Со мной было слишком сложно, и я всех пугала, потому что видела мертвых. Я взяла деньги, крепко обняла родителей и исчезла из их жизни.

Джордж изучающе осматривает меня и скрещивает руки на груди.

— Я хотел бы помочь, но вас просто занесло в город, и у меня нет гарантии, что вы не уедете без предупреждения. Можете попробовать устроиться в продуктовый магазин дальше по дороге.

Он поворачивается и наклоняется, сортируя что-то в шкафчике, а я смотрю на Айку и пожимаю плечами.

— Боже, он высокомерный придурок, — бормочет Айка. — Хорошо. Он всегда принимает вызов. Скажи ему, что сможешь выбрать его любимую песню на музыкальном автомате, и если ты выберешь правильно, он должен дать тебе шанс.

Я искоса смотрю на Айку, давая ему понять, как глупо это звучит.

— Верь мне. Он дерзкий сукин сын и примет пари, думая, что ты не победишь.

Я отрицательно качаю головой.

— Сделай это, Шарлотта. Пожалуйста.

Он хлопает ресницами, и я стараюсь не улыбаться. Вместо этого впиваюсь в него взглядом и глубоко вздыхаю.

Джордж поднимается и снова удивленно смотрит на меня. Возможно, он ожидал, что я уеду после того, как он отказал мне.

— Вы похожи на человека, который держит слово, — я поднимаюсь и начинаю искать в рюкзаке мелочь. — Если я смогу выбрать вашу любимую песню на музыкальном автомате, вы дадите мне работу. Если не смогу, то я уезжаю и никогда не возвращаюсь.

Я нахожу пятьдесят центов, и, кокетливо улыбаясь Джорджу, дерзко пожимаю плечами.

Он фыркает и снова скрещивает руки на груди.

— И кто сказал, что я признаюсь, если это моя любимая песня? Я могу солгать.

— Он не солжет, — добавляет Айка, глядя на брата. — Он не идеален, но не лжец.

— Я хорошо разбираюсь в людях. Вы производите впечатление честного человека, — отвечаю я, сжимая в кулаке мелочь.

Джордж хмурится и пристально смотрит на меня. Его глаза очень темные, не такие, как у его брата. У Айку они песочно-карие, светлые и теплые. Глаза Джорджа холодные, цвета черного кофе. Холодные не в смысле жестокие, скорее безжизненные, они словно предупреждают держаться на расстоянии. Безучастно-холодный взгляд.

— Как ты сказала тебя зовут? — спрашивает он, подходя ко мне.

— Шарлотта, но люди зовут меня Шар.

Кроме твоего брата.

— Хорошо, Шарлотта, — ухмыляется он. Очевидно, ни один из братьев МакДермотт не планирует называть меня коротким именем. — Иди, выбери мою любимую песню, и я дам тебе шанс.

Я киваю и направляюсь к музыкальному автомату у входа. Айка опирается одной рукой на автомат, когда я бросаю монеты в ячейку.

— Джонни Кэш, «*God's Gonna Cut You Down*», — говорит он.

Я не могу удержаться и улыбаюсь.

— Что? Тебе не нравится Кэш? — он выглядит расстроенным.

— Нравится, — шепчу я.

— Что? У тебя фантастически прекрасный музыкальный вкус! Где ты была, когда я был жив?

Я слегка улыбаюсь его комплименту и стараюсь, чтобы Джордж, наблюдающий за мной, словно ястреб, ничего не заметил. Просматриваю список, пока не нахожу песню и ввожу номер. Пока я иду назад к бару, музыкальный автомат шелкает, меняя диски. Джордж и я не спускаем глаз друг с друга. Я останавливаюсь перед баром, скрещиваю руки, копируя его позу, и приподнимаю одну бровь.

Знакомая мелодия начинает играть из динамиков, и я не могу не ухмыльнуться, когда у Джорджа, *сукиного сына*, отвисает челюсть и опускаются руки. Я торжествующе улыбаюсь и небрежно пожимаю плечами.

— Когда я могу начать? — я хватаю свой рюкзак и вешаю его на одно плечо.

— Ты можешь начать обучение сегодня, но если провалишься, то уйдешь.

— Поняла. Я могу переодеться и вернуться?

— Да, у тебя есть черные шорты и кроссовки?

Удивительно, но есть.

— Да.

— Я дам тебе футболку. Возвращайся через час.

Кивнув, я разворачиваюсь и направляюсь к двери.

— Эй, Шарлотта! — зовет Джордж, и я оборачиваюсь. — Как ты узнала?

Я ухмыляюсь.

— Просто угадала, — пожимаю плечами перед тем, как выйти.

Айк искренне смеется, когда мы забираемся в мой внедорожник. Ну, я забираюсь, а он просто телепортируется, или что там делают мертвые люди?

— Боже, я так хорошо его знаю. Это было слишком легко.

— Спасибо, что предупредил о том, что он твой близнец, придурок, — огрызаюсь я, заводя 4Runner.

— Должно быть, тяжело находиться сразу с двумя безумно горячими парнями?

Я закатываю глаза, но если честно, то да — это тяжело. Эти двое такие горячие, что мои мозги просто плавятся. Но я не говорю ему об этом.

— Да. От вас, ребята, коленки подкашиваются, — усмехаюсь я. — Так, Джордж и Мисти вместе?

— Нет, скорее всего, у них просто приятельский перепих. Все слишком сложно.

Я вижу, что ему не нравится говорить об этом.

— Я не хочу говорить о ней. Давай лучше обсудим, насколько горячим ты меня считаешь, — шутит Айк.

Качая головой, я сжимаю губы, чтобы не улыбнуться.

— Ты не исправим.

— Так что? Тебе нравится мое тело? — говорит он.

— У тебя слишком большая голова. Должно быть, это из-за твоего эго, — парирую я.

— *Если ты хочешь мое тело и думаешь, что я сексуален, ну же, милая, дай мне знать*, — Айк напевает песню Рода Стюарта, двигая бедрами в такт.

— Вау. Остановись прямо сейчас, — смеюсь я.

— Почему? Это тебя заводит? — спрашивает он, продолжая двигать бедрами.

— Когда я смотрю на это, погибают клетки моего мозга. Не отвлекай меня. Я должна подготовиться к своей новой работе.

Он исчезает, и я оборачиваюсь. Одна. Я одна.

Спустя час, я стою за баром с Мисти, пока она объясняет мне, как пользоваться автоматом с содовой, как будто я идиотка. Я раньше работала официанткой, и это не ядерная физика, но я вежливо киваю и улыбаюсь, пока она болтает. Она говорит быстро и постоянно останавливается сглотнуть, так как у нее пересыхает горло. Интересно, это побочный эффект употребления кокса? Айк же говорил, что она его принимает.

Айк появляется и осматривает меня оценивающим взглядом. Обтягивающая черная футболка с надписью «У Айка и Джорджа» не оставляет простора для воображения.

— Ты будешь получать внушительные чаевые, — говорит Айк, приподнимая брови. Я краснею и пытаюсь сосредоточиться на Мисти.

Наконец, она разрешает мне сесть за стол, и учит меня наполнять солонки, перечницы и сахарницы, пока мы ждем наплыва посетителей на время ланча. Так как я новенькая, то не обслуживаю сегодня, а только наблюдаю, и я уверена, что она поручит мне наиболее трудную работу. Айк сидит напротив и наблюдает за мной, напевая «*Get Rhythm*», и я не говорю ему, что это моя любимая песня Кэша. Моим родителям нравились Джонни и Элвис. Когда все шейкеры и коробочки с чаем наполнены, я расставляю их на столах и неосознанно пою «*Get Rhythm*» вслух.

Я пою и покачиваю бедрами, когда врезаюсь в чье-то крепкое тело и почти роняю поднос. Джордж пристально смотрит на меня, подхватывает поднос и кладет его на стол.

Схватив меня за руку, он спрашивает:

— Почему ты поешь эту песню? — его глаза темные, обвиняющие.

Должно быть, я выгляжу ошеломленной, потому что Айк говорит:

— Это моя любимая песня Джонни, — он проводит ладонью по своему лицу и смотрит на брата.

— Я не понимаю, — говорю я Джорджу, но на самом деле обращаюсь к Айку.

— Как ты выбрала мою любимую песню сегодня утром?

Я смотрю в его темные глаза, не мигая. Я знаю, каково это — быть сломленным. Черт возьми, я сломлена. Он не сможет напугать меня.

— У любого человека хороший вкус, если ему нравится Джонни. Ты похож на человека с хорошим вкусом, — в этот момент приближается Мисти, и я подчеркиваю, — я имею в виду в музыке, по крайней мере, — говорю я, взглянув на Мисти.

— Мило, — хихикает Айк.

— Джордж? — робко спрашивает Мисти. — Все хорошо?

— Все отлично, — он выпускает мою руку, задерживая на мне взгляд, поворачивается и уходит с ней.

Я возвращаюсь к своему столу и шепчу:

— Какого черта, Айк? Ты специально это сделал. Ты знал, что когда я запою, он услышит меня.

Я смотрю на него. Он потирает голову и наблюдает, как Джордж уходит с Мисти. Его рубашка приподнимается, обнажая накачанный пресс, и мой рот наполняется слюной. В то же время я понимаю, что пускаю слюни по мертвому парню.

Типично для меня.

Хотеть невозможного.

— Я пытаюсь помочь тебе достучаться до него, — говорит он, когда его взгляд возвращается ко мне. К счастью он не заметил, что я разглядывала его.

Я перехожу к другому столу и протираю полки, чтобы поставить шейкеры на место.

— Пойми меня, я не хочу делать ему больно. Он выглядел так, как будто хотел что-нибудь ударить.

— Он никогда бы не ударил тебя. Клянусь.

— Он, наверно, уволит меня.

— Нет. Но он *будет* думать о тебе.

— О, да. О том, как я напоминаю ему о тебе и насколько это больно.

— Он наркоман, Шарлотта. Мисти его дилер. Я должен отдалить ее от него, прежде чем он умрет от передозировки.

Я закрываю глаза. Сделка, которую мы заключили, с каждой секундой становится все сложнее. Я помогаю Айку уладить дела, спасая его брата-наркомана, и должна каким угодно способом убрать его подружку-дилера как можно дальше.

— Слушай, Айк. Ты можешь давать мне подсказки и информацию, но должен позволить мне управлять этим. У меня есть немного опыта.

— Хорошо, — раздраженно вздыхает он. — Мы попробуем твой способ.

— Спасибо.

Я улыбаюсь и направляюсь к бару, где вижу Мисти, пристально наблюдающую за мной. Она видела, что я говорила с Айком. Учитывая, что он невидим для нее, она видела, как я говорила сама с собой. Я решаю проигнорировать этот факт и делаю вид, что не замечаю ее пристального взгляда.

— Что мне сейчас делать, Мисти?

Вечер сменяет день, и к началу счастливых часов (*Примеч. счастливые часы — часы скидок на алкогольную продукцию*) в бар стекаются люди, спешащие с работы домой, а также туристы со всего округа. Кроме бара «У Айка и Джорджа», единственное место, где можно перекусить в городке — это ресторан «Сэм Свид» и крошечный гриль-бар «Линдси Руст» (*Примеч. Курятник Линдси*). Также есть парочка пиццерий и закусочных, но они за городом. Я следую за другой официанткой, Анной, она вводит меня в курс дела и попутно пересказывает все сплетни.

— Итак, Мисти и Джордж трахаются, — шепчет она, закуривая, когда мы стоим за мусорным контейнером.

Ее выющиеся светлые волосы собраны в аккуратный «конский хвост», на губах помада насыщенного ярко-красного оттенка. Этот цвет ей не очень идет, хотя она довольно прелестно выглядит со своими ярко-голубыми глазами и белоснежными зубами.

— Мисти встречается с Роджером и гуляет за его спиной, но он не знает, — говорит она со своим южным акцентом. — Он бы сошел с ума, если бы узнал.

— И никто не говорит ему?

Ну, серьезно, этот город размером с острие иглы, и я думаю, что это достаточно сочная сплетня, чтобы об этом болтал весь город.

— Ты знаешь, как говорят, «гонца с дурными вестями не убивают»? Так вот, Роджер бы убил, — Анна выразительно округляет глаза.

— В самом деле? Ты думаешь, он бы убил Джорджа, если бы узнал? — несколько встревоженно спрашиваю я, задаваясь вопросом, станет ли это еще одним препятствием для спасения Джорджа.

— Нет, — качает головой Айк.

— Хорошо, может и нет, но он определенно выбил бы дерьмо из него. Бедный Джордж, — Анна качает головой. — Он все еще не отошел от смерти брата. У него был брат-близнец Айк, ты знала? Он был таким же восхитительным и сексуальным, как и Джордж. Такая досада.

— Я разбил много сердец юных леди, когда умер, — шутит Айк, и я грустно улыбаюсь. Я верю, что это так.

— Не знала, что у него был брат-близнец, — лгу я. — И как Роджер до сих пор не знает?

Затянувшись сигаретой, она отвечает, и облако дыма выходит из ее рта:

— Только между нами, он дилер в нашем городе и владеет ремонтной мастерской на Беркли. Думаю, он слишком занят, чтобы заметить, как его шлюшка-подружка им вертит. Если честно, то она мне не нравится. Она думает, что если трахается с боссом, то управляет этим местом.

— Мисти шлюха, — соглашается Аик.

— Я думаю, что у нее предвзятое отношение ко мне, — признаюсь я.

— Это потому, что ты симпатичная и новенькая в городе. Просто не испытывай ее терпение, подруга, — Анна стряхивает пепел с сигареты в мусорный контейнер. — В любом случае не говори ни единой душе, что я тебе рассказала. Обычно я не сплетничаю, но нам еще вечером вместе работать.

— Она — могила. Ты можешь полностью доверить ей все свои самые глубокие и самые темные тайны, — бесстрастно говорит Аик, и я улыбаюсь.

— Об этом разговоре я никому не расскажу.

Когда мы заходим в бар, Джордж замечает меня, и я ощущаю его подозрительный взгляд. У него нет других причин подозрительно относиться ко мне, кроме как из-за песни Джонни Кэша. Я улыбаюсь, но он отводит взгляд.

— Так это ты новая девушка?

Ко мне приближается высокий парень с пронзительными голубыми глазами. Я видела его на кухне, но нас не представили, и у меня не было возможности хорошо его рассмотреть. У него то ли шотландский, то ли ирландский акцент — какой-то иностранный. Я знаю, что он работает здесь, поскольку он носит футболку «У Айка и Джорджа», которая настолько плотно облегает его широкую, мускулистую грудь, что я вижу очертания его сосков.

— Ты не могла бы закрыть свой ротик, милочка? Ты пускаешь слюни, — предупреждает Аик, и я быстро исправляюсь и закрываю открывшийся в изумлении рот.

— Гм, да, — отвечаю я.

— Ты не говорил мне, что она чертовски горячая, — кричит парень через весь бар. Я краснею, и Джордж бросает на него предупреждающий взгляд. Некоторые посетители оборачиваются и посмеиваются над нами; мужские взгляды начинают блуждать по моему телу. Мои щеки заливаются румянцем от смущения.

— Я Снайпер, еще один менеджер здесь. Если ты будешь обижаться на сексуальные намеки, то лучше для тебя будет уйти сейчас. Если я думаю, что ты сексуальна, я скажу об этом, — он протягивает руку, и я беру ее, замечая, насколько маленькой и изящной кажется моя рука.

— Это мой лучший друг... помимо Джорджа, — объясняет Аик, скрещая руки. — Мы вместе служили в вооруженных силах.

— Приятно познакомиться, Снайпер. Я Шар. Я не очень обидчива, но если ты прикоснешься ко мне неподобающим образом, то я сломаю твои коленные чашечки, — дружелюбно улыбаюсь я, и в глазах Снайпера появляется блеск. Думаю, что этим я только возбудила его.

— Он больной придурок, Шарлотта. Ему нравится боль.

— Милая и сильная. Я думаю, что встретил свою родственную душу, — он подходит ближе и смотрит жарким, голодным взглядом. Он все еще удерживает мою руку. — В городе ходят слухи, детка. Ты знаешь... таинственная девушка въезжает в город посреди ночи.

— Боюсь, здесь нет ничего таинственного, — нервно смеюсь я.

Снайпер сжимает мою руку и пристально смотрит мне в глаза.

— Я чувствую такие вещи. Ты — нечто особенное, — шепчет он, наклоняясь, и я с трудом сглатываю. Он так чертовски хорошо пахнет.

— Ты должна знать, что будешь в дерьме каждый раз, когда он рядом. Он кто-то вроде дамского угодника, — говорит Аик, закатывая глаза.

Забирая руку от Снайпера, я говорю:

— Спасибо. Я так и думала.

— Снайпер! — зовет Джордж, и я чувствую, что он почти прожжет дыру, глядя на нас.
— Возвращайся к работе!

— Не позволяй Джорджу быть мудаком по отношению к тебе. Он проходит через некоторые трудности. Если что-нибудь понадобится, приезжай ко мне, детка. Я о тебе позабочусь, — он подмигивает и уходит. — Джордж, тебе нужен секс!

— Проваливай, — смеется Джордж, хватая пульт и увеличивая громкость на телевизоре. Когда я смотрю на экран, то чуть не падаю.

«Под мостом за пределами Шарлоттсвилля полицией обнаружено тело двадцатидвухлетней Кейси Перселл». Мое горло сжимается от боли, и я с трудом сглатываю, глаза округляются, пока я смотрю на экран. Репортер продолжает: «Детектив Эндрюс получил анонимное письмо, в котором говорится, что под мостом Юкон найдено тело. Полиция обнаружила его, и сейчас проводится анализ ДНК, но власти полагают, что это может быть тело без вести пропавшей студентки Университета Вирджинии Кейси Перселл. Детективы просят звонить по номеру внизу экрана любого человека, владеющего информацией. Был найден след от шин, и полиция в настоящее время изучает видеоматериалы с местной автозаправочной станции, чтобы найти какие-либо зацепки».

Черт...

— С тобой все хорошо? — спрашивает Айк, и я киваю более энергично, чем должна. *Они собираются искать меня. Я подозреваемая.*

— Проблемы, Шарлотта? — спрашивает Джордж.

Я быстро качаю головой и улыбаюсь.

— Нет. Никаких проблем, — я пытаюсь избавиться от охватившего меня беспокойства. *Успокойся, Шар. Ты не убивала ее, даже если они найдут тебя, тебе не о чем беспокоиться.* Я глубоко вздыхаю и пытаюсь расслабиться.

— Ты уверена? — спрашивает Айк, сдвинув брови в беспокойстве.

— Подойди сюда, пожалуйста, — подзывает Джордж жестом, и я направляюсь к нему. Его спутанные волосы немного прикрывают глаза, обтягивающая черная футболка демонстрирует крепкое телосложение. За весь день он лишь однажды улыбнулся, но когда сейчас женщина напротив него что-то говорит, он фактически смеется.

— О, дерьмо, — стонет Айк.

Прислонившись к бару, Джордж стоит напротив пожилой женщины. У нее темные волосы до плеч с седой прядью спереди и насыщенно-карие глаза. Я подхожу к Джорджу, он полностью выпрямляется и показывает на женщину перед ним.

— Шарлотта, это моя мать, Беверли. Она здесь помогает с книгами. Я решил представить вас, чтобы ты знала кто она такая, если увидишь ее здесь.

— Приятно познакомиться, миссис МакДермотт, — я протягиваю руку, и она берет ее, дружелюбно улыбаясь.

— Значит, ты Шарлотта. Какое симпатичное имя.

— Можно просто Шар.

— Конечно. Я слышала, что ты новенькая в городе. Тебе все еще нравится Уорм-Спрингс?

— Тут довольно мило, — вежливо говорю я. *То есть, я не могу ничего плохого сказать о нем... пока не могу.*

— Ну, поскольку ты недавно в городе и работаешь на моего сына, ты должна приехать ко мне домой на воскресный ужин.

Буквально кожей я почувствовала, как рядом со мной напрягся Джордж.

Я открываю рот, чтобы отказаться, но она добавляет:

— Ответ «нет» не принимается. Ты любишь лазанью?

— Гм...

— С чесночным хлебом и тирамису, — мурлычет Айк. — Боже, я скучаю по маминой стряпне.

Я не знаю, что сказать. Не задумываясь, я повторяю слова Айка:

— С чесночным хлебом и тирамису.

Бeverли замолкает. Она смотрит на меня, затем переводит взгляд на Джорджа. *Черт.* Почему я это сказала?

— Мм, я не думал, что ты это повторишь. Это было мое любимое блюдо. Она готовила его на каждый мой день рождения и каждый раз, когда я приезжал домой со службы.

— Хорошо, — мягко говорит она, ее глаза наполняются слезами. — Я делаю замечательный тирамису.

— Нет. Я не хотела вас огорчить. Я просто... — я качаю головой, не в силах закончить предложение. О Боже, я только что напомнила ей о ее мертвом сыне, и теперь она плачет. Ну и дура же я.

— В это воскресенье, — заявляет она. — Джордж, почему бы тебе не забрать ее и не приехать вместе?

— Я могу приехать на своей машине, — быстро добавляю я.

— Не глупи. Вам же будет по пути. Бессмысленно приезжать на двух машинах, — Бeverли слегка подмигивает Джорджу, и он закатывает глаза. — Рада была с тобой познакомиться, Шарлотта. Жду тебя в воскресенье.

Пока она встает со своего табурета, я бросаю взгляд на скривившегося Джорджа.

— Мою маму не переспоришь, — говорит Айк. Теперь понятно, почему Джордж не настаивал, чтобы мы поехали отдельно.

— Рада была с вами познакомиться, — говорю я ей вслед.

— Я заберу тебя в воскресенье в пять, — ворчит Джордж и уходит. Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, мой взгляд встречается с испепеляющим взглядом Мисти. Думаю, она слышала, что меня пригласили на ужин в дом МакДермоттов. *Прекрасно!* Это будет просто незабываемый вечер.

Джордж избегает меня остаток вечера, и когда мы закрываемся, я помогаю Анне посчитать кассу. Она поручает мне отнести деньги в кабинет Джорджу, и тогда я смогу уехать. Я делаю, как она говорит, и без стука открываю дверь в кабинет.

От увиденного, мои глаза практически вылезают на лоб: Мисти вдыхает дорожку кокса со стола, а Джордж зажимает нос, очевидно, уже употребив свою дозу. Увидев меня, он вздрагивает, Мисти тоже. Она отворачивается, судорожно вытирая лицо.

Я знаю, что мне нужно с ним сблизиться, чтобы помочь ему, но я не могу сдержаться и позволяю неприязни выплеснуться:

— В самом деле, босс? — сомневаюсь, что мой тон способен полностью передать все мое осуждение. Джордж смотрит на Мисти, затем обратно на меня, вытирая нос. Впервые с момента нашего знакомства он не выглядит равнодушным. Теперь он смущен. — Вот касса Анны. Я работаю завтра?

— Ты хочешь двойную нагрузку? Думаешь, что уже можешь обслуживать столы? — спрашивает он, и я вижу оскорбление в его глазах.

— Я смогу это сделать, — говорю я, отрывая от него свой взгляд. — Увидимся завтра.

Я бросаю деньги и чеки на стол и хлопаю дверью.

— Вот стерва, — слышу я ворчание Мисти через дверь. Я нахожусь в зоне слышимости. — Весь вечер она разговаривала сама с собой. Вот же гребаная чудачка.

Закатив глаза, я ухожу прочь.

— Я рад, что это случилось. Он выглядел пристыженным, — радостно восклицает Айк.

— Это не означает, что он остановится, — шепчу я, хватаю свои вещи, оставшийся гамбургер и выхожу из кухни.

— Спокойной ночи, детка. Я с радостью проведу тебя до дома, только попроси, — мурлычет Снайпер, кокетливо подмигивая, и я закатываю глаза.

— Звучит заманчиво, но я пас. Спокойной ночи, Снайпер, — отвечаю я.

Вернувшись в мотель, я переодеваюсь в пижамные шорты и майку и плюхаюсь на кровать. Открыв контейнер с оставшимся ланчем, я съедаю немного холодного картофеля фри.

— Хочешь посмотреть телевизор? — спрашиваю я сидящего в кресле Айка.

— Как хочешь, — он пожимает плечами.

— Итак, что с сексуальным, иностранным ЛДН (*Примеч. лучший друг навсегда*)? — спрашиваю я.

— Парни не говорят ЛДН, — слегка усмехается он. — Мы были вместе в Афганистане. Я пообещал ему работу, когда вернемся. Джордж сдержал мое обещание.

Айк вздыхает и потирает голову. Я отмечаю, что он всегда так делает, когда его одолевают тяжелые мысли.

— Он кажется... интересным, — добавляю я.

— Ты имеешь в виду, что он горячий? — фыркает Айк.

Пережевывая кусочек только что откушенного гамбургера, я невнятно говорю:

— Да, и это тоже, но я имею в виду, что он довольно... необычный.

— Ммм... Хорошо, просто позволь мне сказать, что у него было очень много подружек, и на твоём месте я бы держался подальше.

— Спасибо за предупреждение, я ведь уже планировала с ним переспать, — сухо отвечаю я.

— Поступай, как считаешь нужным.

— Ты можешь сесть рядом со мной? Я знаю, что ты не будешь ко мне приставать, — я похлопываю по месту рядом с собой.

Он фыркает, встает и перемещается на кровать, и я вздрагиваю от неожиданности. Перед тем как он приземлился бы на меня, он телепортируется и оказывается позади меня. Я хихикаю как маленькая школьница и ненавижу себя за это.

— Какой прекрасный звук, — Айк улыбается, его карие глаза сияют.

— У меня идиотский смех? — спрашиваю я, пультом включая телевизор.

Он откидывается назад и кладет руки за голову, уставившись в телевизор.

— Когда мои бабушка и дедушка были живы, у них был дом с навесом, где висели двадцать колокольчиков. Я думаю, что это мой самый любимый звук в мире. Такой легкий и причудливый. Я чувствую себя как дома, — он смотрит на меня и его темные глаза светятся теплом. — Твой смех напоминает мне о них. О тех колокольчиках.

Он смотрит на меня, и я судорожно сглатываю. Это самое приятное, что мне когда-либо говорили. Не говоря уже о парне. Ах, да, о мертвом парне. И с этой мыслью я отвожу свой взгляд. Мне нельзя привязываться к Айку. Он скоро уйдет, и на его место придет другая душа, нуждающаяся в помощи, чтобы перейти в другой мир.

— Уверена, что когда ты был жив, из-за подобных слов девушки сами выстраивались в очередь, — шучу я, чтобы прервать неловкость момента. Внезапно Айк вскакивает, его жетоны звякают под рубашкой.

Он исчезает и через некоторое время снова материализуется.

— Джордж за дверью, — тихо говорит Айк.

— Что? — я тихонько вскрикиваю, но он не успевает ответить — в дверь громко стучат.

— Он пьян, — Айк в гневе сжимает челюсти.

— Он опасен?

— Нет. Я думаю, он смущен.

Поскольку стук учащается и усиливается, Аик все больше сердится.

Должно быть, Джордж получил мой временный адрес из документов. Я вскакиваю и, достигнув двери в четыре длинных шага, рывком распахиваю ее. Я знаю, что помогаю Джорджу ради Айка, но это грубо так поздно заявляться ко мне пьяным и колотить в дверь. Я собираюсь ему все высказать, но когда вижу его покрасневшие глаза, полные слез... Я не могу. Рубашка не заправлена, спутанные волосы торчат в разные стороны, как будто он много раз запуская в них пальцы. В руке бутылка «Джека Дениелса». Вместо того чтобы кричать, я в ожидании смотрю на него.

— С кем ты говорила? — агрессивно спрашивает он, заглядывая в мою комнату.

— Скорее всего, ты услышал телевизор, — мгновенно отвечаю я.

— Нет. Ты смеялась.

— Это по телевизору, — я скрещиваю руки, все больше и больше раздражаясь и догадываясь, куда он клонит. — Ты стоял здесь и подслушивал?

Джордж криво улыбается.

— Нет.

— Чем я могу тебе помочь, Джордж?

Он отталкивается от дверного косяка и проходит мимо меня в комнату.

— Конечно. Входи, — сухо замечаю я.

Джордж игнорирует мой комментарий и приземляется в ближайшее кресло.

— Он в стельку пьяный, Шарлотта.

— Я знаю, — не думая, отвечаю я.

— Что? — Джордж смотрит на меня в замешательстве.

— Ничего. Чем я заслужила такое внезапное внимание?

Я плюхаюсь на кровать и скрещиваю перед собой ноги. Оглядываюсь и замечаю, что Аик не сводит с меня глаз. Напоминая себе не оборачиваться, я снова перевожу взгляд на Джорджа. Он тоже уставился на меня. Его темные глаза практически прожигают меня. Я смотрю вниз и понимаю, что майка сползла с плеча, открывая бретельку лифчика и верхнюю часть груди в кружевной чашечке. Мое лицо вспыхивает. Но не от смущения. Хорошо, может, немного и от него, но больше от их обжигающих взглядов. Я откашливаюсь и быстро поправляю майку.

— Ты думаешь, что я придурок, не так ли? — бормочет Джордж, попивая «Джека».

— О, да, — Аик кивает, соглашаясь.

— Я думаю, что ты пьян, — отвечаю я, бросая на Айка быстрый взгляд.

— Так откуда ты, Шарлотта?

— Это поможет нам лучше узнать друг друга, босс?

— Я просто пытаюсь быть дружелюбным.

Джордж с глухим стуком ставит бутылку на стол.

— И быть дружелюбным, означает заявляться ко мне в одиннадцать часов ночи?

— Ты не ответила на мой вопрос.

— Шарлотта. Я знаю, что он пьяный мудака, но, пожалуйста, будь милой. Ты сказала, что поможешь ему, — умоляет Аик.

Глубоко вздыхая, я говорю:

— Оклахома.

Джордж странно смотрит на меня.

— И что принесло тебя сюда?

— Только восхитительная красота осени, как и всех остальных, — язвительно говорю я.

— Сомневаюсь в этом, — бормочет Джордж.

— Знаешь, что, Джордж? Мы не можем сейчас так разговаривать, — огрызаюсь я. — Ты пьяный вдрызг и под кайфом. Давай, — поднимаясь, я хватаю ключи с тумбочки и надеваю сандалии. — Я отвезу тебя домой.

— Шар... — Айк замолкает, когда я бросаю на него испепеляющий взгляд, который испугал бы даже мертвого. Айк хороший брат. Он хочет помочь Джорджу мягко и осторожно. Но Джорджу нужна жесткость, и я ему это обеспечу. Он не будет в порядке, пока не справится со своей болью и потерей.

— Поднимайся! — кричу я задремавшему на боку Джорджу. С большим усилием я резко дергаю его и выволакиваю за дверь. Мне требуется пять минут, чтобы усадить его на пассажирское сиденье моего внедорожника. Когда я захлопываю дверцу и оборачиваюсь, Айк ждет со скрещенными руками.

— Не смотри так на меня, Айк, — предупреждаю я. — Ты же дал согласие на использование *моих* методов.

— Да, но...

— Никаких «но», — обрываю его я. — Ты хочешь моей помощи. Это первое, что мы вычеркнем из списка. Я знаю, что делаю. Для меня это не в новинку.

Айк фыркает и, сдаваясь, поднимает руки вверх.

— Окей, отправим его домой.

— Как, черт возьми, он сюда добрался? — спрашиваю я, не видя на парковке никаких других автомобилей.

— Кто знает, — ворчит Айк. — Может, Снайпер его подбросил.

С помощью Айка я добираюсь до дома Джорджа. Это небольшой одноэтажный дом приблизительно в четырех километрах от бара. Газон выглядит так, будто его год не подстригали, и на крайнем левом окне ставень висит на одной петле.

— Это был мой дом. Я оставил его ему, — с заднего сиденья замечает Айк.

— Он, в самом деле, за ним присматривает, — отмечаю я с сарказмом.

Айк ничего не говорит, пока я паркую мой 4Runner и затаскиваю Джорджа внутрь. К счастью, я заставляю его идти, но его глаза все равно остаются закрытыми. Когда мы, наконец, попадаем в дом, от камина исходит достаточно света, чтобы привести Джорджа и посадить на диван, где он тут же падает и начинает храпеть.

Медленно поворачиваясь, я осматриваю дом. Повсюду разбросаны коробки от пиццы, почти все заставлено пустыми бутылками от пива и, конечно, на журнальном столике рассыпан белый порошок.

— Это место пахнет просто ужасно, — говорю я Айку, но он не отвечает. Я поворачиваюсь и вижу, что он мрачно смотрит вниз на Джорджа. Я знаю, что он за него переживает. Знаю, что неспособность Джорджа справиться с утратой удерживает Айка здесь, мешая его уходу. Мне грустно от этой мысли. Часть меня не хочет, чтобы Айк уходил.

У меня появляется идея обыскать дом Джорджа, чтобы выбросить наркотики и вылить виски, но я не буду этого делать; он просто раздобудет их снова. Я знаю, что с ним произошло, и ему нужно нечто большее, чтобы остановиться. Только тогда он действительно начнет исцеляться. Поэтому я не вмешиваюсь. Сегодня ночью мне нужно поспать. Во всяком случае, так я говорю себе. Я отодвигаю мысли об уходе Айка в иной мир. Но истина безжалостна, и это причиняет боль.

Истина в том... что я нуждаюсь в Айке.

Глава 7

Айк

Одно я знаю наверняка: Шарлотта спит, как мертвая. Будильник прозвенел уже дважды, и ей нужно проснуться, но мне нравится смотреть, как она спит. Прошло всего два дня с тех пор, как я нашел ее на мосту, но я уже чувствую себя связанным с ней, как будто она — часть меня. Это глупо, поскольку мы только встретились, но это странная связь. Я борюсь за ее жизнь и за жизнь моего брата, в то время как она борется, чтобы помочь мне уйти. Так или иначе, мы стали привязаны друг к другу, и знаем, что наше время вместе ограничено.

Пристально глядя на нее, я жду, когда она откроет свои сонные серые глаза. Я наклоняюсь вперед, мои жетоны звенят под рубашкой, и она шевелится. Открыв один глаз, она бормочет что-то бессвязное.

— Доброе утро, красавица, — шепчу я со своего кресла. Я называю его своим, потому что сидел в нем всю ночь, глядя на нее.

— О, да. Уверена, что прямо сейчас я выгляжу действительно красивой, — говорит она, зевая, и я хихикаю.

— Так и есть, — подтверждаю я.

— Ха, мертвые никогда не спят? — она улыбается мне, и клянусь, если бы мое сердце все еще билось, оно пропустило бы удар. Почему нельзя было встретить такую девушку, как она, когда я был жив? Просыпаться и видеть утром такую улыбку, было бы самым лучшим моментом моего дня — каждого моего дня.

— Я скучаю по сну, — признаю я, пока она поднимается и потягивается. Я ничего не могу с собой сделать и наблюдаю за ней. Она замечает это, и я почти уверен, что вижу ее призрачную улыбку, но она исчезает так же быстро, как и появляется.

— Мне лучше одеться, — говорит она со вздохом, вставая с кровати. — У меня есть идея, как немного подтолкнуть Джорджа к тому, чтобы он взял себя в руки, но это будет отвратительно. Мне просто нужно знать, ты мне доверяешь?

Мгновение я ошеломленно смотрю на нее. Я действительно доверяю ей; а Джорджу нет. Должно быть, это отразилось на моем лице, потому что она говорит:

— Он сильнее, чем ты думаешь, Айк. Его просто нужно подтолкнуть. Иногда мы должны впасть в уныние, прежде чем сможем найти путь назад. Посмотри на то, где я была два дня назад, когда ты нашел меня. Теперь я здесь.

От ее слов мой желудок сжимается. Она почти убила себя. Одна эта мысль заставляет меня задыхаться, и я не могу ничего сказать. Она кивает и, не говоря ни слова, идет в ванную со своим рюкзаком. Я обещал, что не войду в ванную, пока она там. Технически, я мог бы войти и она никогда бы не узнала, но я не такой подонок. Даже учитывая, что я действительно хотел бы увидеть ее обнаженной. Проходит целая вечность, прежде чем она, наконец, появляется в одежде для работы, собрав волосы в идеальный «конский хвостик».

— Готов? — спрашивает она, и мой взгляд падает на конверт в ее руке.

— Что это?

— Просто письмо, — она пожимает плечами, доставая рюкзак из-за плеча и засовывая конверт внутрь.

— Это секрет?

— Ты сказал, что доверяешь мне, правильно?

— Я так сказал? — шучу я, получая один из ее убийственных взглядов.

— Давай. Пойдем.

Глава 8

Шарлотта

Я останавливаюсь перед кабинетом Джинджер пожелать доброго утра. Когда я захожу, она сидит в своем мягком кресле напротив телевизора с плоским экраном. Она медленно встает и, прихрамывая, подходит ко мне.

— Доброе утро, Джинджер, — я лучезарно улыбаюсь.

— И тебе доброе утро, милая. Как тебе твоя комната?

— Очень уютная. Большое спасибо, — доброта, которую она и Мерсеры демонстрируют по отношению ко мне, поражает. Делаю мысленную пометку разыскать миссис Мерсер и лично поблагодарить ее.

— Булочки с корицей. Тебе понравятся! — Джинджер бросает мне коричный бумажный пакет, и я смеюсь.

— Джинджер, вы слишком добры ко мне, — наверное, мне следовало хотя бы предпринять попытку отказаться от пакета с булочками, но я так голодна, а они так аппетитно пахнут.

— Мы просто обязаны нарастить немного мяса на эти косточки, дорогая.

— Я, правда, очень ценю это, Джинджер. Спасибо.

— Ох, хотела сказать, если ты заинтересована, думаю, что могу помочь тебе расплатиться за твою комнату. Мне нужна помощь в уборке комнат после того, как постояльцы съезжают. Ты заинтересована?

— То есть я буду убирать комнаты, а вы позволите мне бесплатно жить здесь?

— Да. Постояльцев не очень много, но в разгар туристического сезона тут не протолкнуться. С начала следующей недели и до конца ноября все комнаты уже забронированы, но здоровье у меня уже не то, что раньше, и было бы здорово найти помощницу, которая позаботилась бы о комнатах вместо меня.

— Звучит потрясающе, Джинджер. Я буду очень стараться и позабочусь обо всем.

— Знаю, милая. Можешь начать завтра, если твой график позволяет тебе.

— Ладно. Договорились. Увидимся позже.

Я делаю несколько шагов к двери, но Джинджер снова окликает меня:

— Вчера я видела, как незнакомый парень высадил возле нас Джорджа. Джордж казался несколько... ну, он выглядел несколько расклеившимся. Не хочу совать нос не в свое дело, но... если тебе нужна помощь или у тебя какие-то неприятности, просто дай мне знать.

— Все в порядке, — сразу же отвечаю я. — Джордж заехал и привез мне кое-что, что я забыла на работе. Я сама отвезла его домой, — ненавижу лгать. Особенно таким милым людям, как Джинджер, но мне совершенно не нужно, чтобы по городу поползли слухи, что мы с Джорджем переспали. Мисти, наверное, зарежет меня, если узнает, где Джордж был прошлой ночью. — Все равно спасибо, Джинджер. За все.

— Всегда рада помочь, дорогая.

— Спасибо, что прикрыла его, Шарлотта, — тихо благодарит меня Аик, когда мы выходим из кабинета. — Мне жаль, что тебе пришлось лгать.

Я вяло ему улыбаюсь, давая понять, что все в порядке. Появление Джорджа прошлым вечером было совершенно неуместно, особенно, принимая во внимание, что он был пьян, но Аик же не виноват. Я понимаю, что Джордж сейчас далеко не в порядке. Он сам на себя не похож. Горе иногда заставляет нас совершать забавные поступки. Как, например, прыжок с моста глубокой ночью.

Забираюсь в свой внедорожник и оглядываюсь на Айка.

— Не знаешь, Снайпер работает сегодня? — спрашиваю я, стараясь сменить тему разговора.

— Серьезно? Он тебе так понравился?

— Эм... нет, просто интересуюсь. Сегодня его смена или Мисти?

Нельзя, чтобы Аик догадался, что я задумала, иначе он попытается остановить меня. Очень надеюсь, что это не выйдет мне боком, но мне нужно поговорить с Джорджем наедине, и, к сожалению, этот разговор будет не из приятных.

— Да. Они оба работают.

Хорошо. Я с облегчением вздыхаю. По крайней мере, часть моего плана сработает.

— Езжай прямо, когда будешь ехать через город. Хочу показать тебе кое-что, — велит Аик и расслабленно устраивается на сиденье. Я киваю и еду, как он попросил. Мы поднимаемся вверх по горной дороге, и моя машина протестующе ревет. Мне нравится смотреть по сторонам на листья, меняющие цвет, но я слишком сильно переживаю, что если буду наслаждаться видами, то машина съедет с дороги и сорвется с горы.

Следуя указаниям Айка, мы приезжаем в национальный парк в Хидден Велли и останавливаемся у реки. Выйдя из машины, я тихо слеую за ним. Вскоре мы видим нескольких рыбаков возле моста. Аик проходит еще дальше, чтобы мы могли разговаривать. Здесь я смотрюсь странно в своих шортах и футболке, но я не жалуюсь.

Мы останавливаемся на берегу, там, где рыбаки не могут нас видеть.

— Здесь красиво, — замечая я.

Река плавно течет, образуя небольшие пороги вокруг камней, но течение не кажется достаточно сильным, чтобы смыть человека, если он зайдет в воду.

— Я подумал, что тебе может понравиться, — говорит Аик. — Я очень о многом прошу тебя, и мне просто захотелось показать тебе что-нибудь красивое и спокойное. Звучит глупо, — бормочет он и качает головой. Пройдя несколько шагов вдоль берега, он облокачивается на красивое гигантское дерево, ветки которого нависают над водой, защищая нас от солнца.

Я слеую по берегу за Айком и встаю напротив него.

— Нет, — не соглашаюсь я. — Я понимаю, что ты хочешь сказать. Мне нравится, что тут так тихо. И звук воды нравится, — сделав глубокий вдох, я продолжаю, — он успокаивает.

Аик смотрит на меня. Его карие глаза такие бездонные, взгляд такой пронизательный. Я закусываю губу. Не знаю, почему из-за его взгляда я так... нервничаю. Спустя мгновение он смотрит сквозь меня и снова переводит взгляд на воду.

— Я стараюсь надеяться, что так и есть, — задумчиво произносит он.

— Что? — решаю уточнить я, проследив за его взглядом.

— Где бы я ни оказался, когда придет время уходить, надеюсь, там мирно и спокойно. Надеюсь, там будет вода и разные цвета. И мне бы хотелось оказаться в таком месте, которое напоминало бы мне обо всех счастливых моментах моей жизни.

В горле у меня образовывается комок. Я помогла многим людям уйти, сделать переход, но когда уйдет Аик... будет больно. Я закрываю глаза, когда понимаю, что это правда. Каким-то образом Айку удалось достучаться до моего сердца, и когда он исчезнет, я буду горевать по нему. Он смотрит на воду, и мне чертовски сильно хочется взять его за руку и удерживать ее в своей ладони. Я бы все отдала за такую возможность.

— Снайпер был прав, Шарлотта. Ты особенная девушка, — тихо признается Аик. Отвернувшись к воде, он отходит от меня, и я выдыхаю, только теперь осознавая, что до этой секунды задерживала дыхание. Аик такой серьезный. Создается впечатление, что для него имеет значение практически все. Он привез меня сюда не для того, чтобы поразить или ради какой-нибудь подобной глупости.

Он привез меня сюда, чтобы поделиться своим покоем, подарить его мне. Вспоминая, когда в последний раз я по-настоящему испытывала покой, на глазах у меня закипают слезы. С тех пор прошло уже довольно много времени. Усевшись на большой камень на берегу, я

закрываю глаза и позволяю звукам природы успокаивать меня, очищать. Аик молчит до тех пор, пока не приходит время возвращаться, иначе я рискую опоздать на работу.

— Ты готова? — спрашивает он.

Я встаю и киваю, чувствуя себя значительно лучше после времени, проведенного в тишине. Мы забираемся в мою машину и едем обратно вниз к подножию горы.

— Спасибо тебе за это, Аик, — шепчу я.

Улыбнувшись мне безупречной, присущей всем мальчишкам Америки улыбкой, он отвечает:

— Всегда пожалуйста.

Когда мы подъезжаем к городу, я понимаю, что мне нужно кое-что сделать, прежде чем отправлюсь на работу. Времени мало, но Аик не должен быть рядом, пока я буду занята этим.

— Аик, мне неприятно тебя просить, но не мог бы ты дать мне возможность уединиться. Мне просто нужно немного времени побыть одной. Встретимся в ресторане.

Наши взгляды встречаются, и в глубине его карих глаз мелькает подозрение. Такое же выражение я видела пару раз и в глазах Джорджа.

— Хорошо, — соглашается он, а затем исчезает. Глубоко вздохнув от облегчения, я сосредотачиваюсь на дороге и направляюсь на улицу Беркли.

Когда я подъезжаю к ресторану, на парковке меня уже ждет Аик. Он стоит, облокотившись на какой-то автомобиль и скрестив на груди мускулистые руки. Он не спрашивает, где я была, а просто молча следует за мной в ресторан. Я направляюсь на кухню, чтобы забросить свой рюкзак в кабинет, и волосы у меня на затылке стоят дыбом.

Аик наблюдает за мной, и я отлично это понимаю. На кухне, склонившись над плитой, стоит Снайпер, одетый в белый фартук, который кажется мне чересчур маленьким для него. Почувствовав мое присутствие, он вскидывает голову, и на его губах появляется дьявольская улыбка. Он смотрит мне в глаза, а затем его взгляд спускается вниз, к моей груди, где задерживается на некоторое время.

— Он разглядывает твою грудь, — упрямо замечает Аик. Если бы я могла ответить ему прямо сейчас, я бы, наверное, сказала: *«Не твое собачье дело, Аик.»*

— Доброе утро, красотка, — подмигивает мне Снайпер, по-прежнему не отводя взгляда от моей груди. В его защиту могу сказать, что Снайпер предупреждал меня, что он извращенец.

Покачивая головой, я отвечаю:

— Доброе утро, Снайпер. Спасибо, что подбросил Джорджа вчера вечером. Было весело, — заявляю я, и мой голос сочится сарказмом.

После моих слов он съеживается и говорит:

— Джордж утверждал, что ты в курсе, что он придет.

— Нет, я не была в курсе, — качаю я головой, а затем понимаю, что мне не стоит наезжать на Снайпера. — На самом деле, я рада, что ты подвез его, потому что иначе он бы приехал сам. И, если бы он умудрился добраться живым, никого не убив по дороге, то я бы сама его придушила.

Открыв дверь кабинета, я вижу, что Джордж сидит за столом, обхватив голову руками, но когда я вхожу, он вздрагивает.

— Ты вообще когда-нибудь стучишься? — недовольно шипит он.

— Неважно себя чувствуешь, босс? — наигранно интересуюсь я. А что еще я могу сказать? Мое терпение по отношению к Джорджу почти иссякло.

— Закрой дверь, — приказывает Джордж, вытаскивая фляжку и делая большой глоток.

— Опохмеляешься?

— Ага, — отвечает он и кивает. — Слушай, — он пыхтит, пока убирает фляжку обратно в шкаф стола и закрывает его. — Мне жаль, что так вышло вчера вечером.

— О каком конкретно моменте идет речь, босс? О том, когда я застучала тебя, нюхающим кокаин с Мисти, или о том, когда ты, вдрызг пьяный, появился на пороге моего номера в отеле, и мне пришлось везти тебя домой?

— Ну... и о том, и о другом, — признается он и слегка хмурится. Несложно понять, что он смущен.

— Я понимаю, что ты поступаешь, как считаешь нужным и все такое, но если будешь вести себя как сучка, это не поможет тебе расположить его к себе. А ты ведь *пытаешься* ему помочь, верно? — вставляет свое слово Аик, скрестив руки на груди, пока наблюдает, как мы с Джорджем общаемся. В такие моменты, мне хочется, чтобы у меня была возможность наглухо зашить призракам рот. Они говорят без остановки, и у меня никак не получается сосредоточиться. Я уж не говорю о том, что конкретно этот призрак только что обозвал меня сучкой. Он определенно получит между ног чуть позже, образно говоря.

Игнорируя Аика, я сосредотачиваюсь на Джордже.

— Все нормально, босс, — я пожимаю плечами, жалея, что не могу показать Айку средний палец. — Если тебе хочется прожить жизнь наркоманом, какое мне до этого дело?

Пристыженное выражение на лице Джорджа сменяется яростью.

— Ты не знаешь меня, — рычит он. — Ты понятия не имеешь, через что мне приходится проходить.

Боже, если бы он только знал. Я, разумеется, прекрасно знаю, через что он проходит, но сейчас не время и не место обсуждать это.

— Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь, Джордж, и позволь мне сказать, когда окажешься на самом дне, просто помни, что единственный выход — это выбраться наверх, — а затем добавляю, быстро меняя тему: — Можно мне фартук, пожалуйста?

Фыркнув, он резко выдвигает ящик стола и швыряет мне маленький черный передник.

— Спасибо, — говорю я и выхожу, оставляя его вариться в собственном плохом настроении.

Когда я заворачиваю на кухню, Снайпер все еще возится возле плиты, и я сразу же направляюсь к нему.

— Снайпер. Окажи мне услугу, — тихо прошу я, незаметно оглядываясь, чтобы убедиться, что нас никто не слышит.

— Свидание? Хочешь, чтобы кто-нибудь показал тебе достопримечательности? — подмигивает он. — Буду рад услужить, крошка.

— Я же тебя предупреждал, что он бабник, — ворчит Аик, скрестив руки на груди.

Я закатываю глаза.

— Я ценю твоё предложение, но мне нужна услуга другого рода. У меня такое ощущение, что сегодня произойдет нечто важное и мне нужно, чтобы ты держал ухо востро.

— У тебя что, какие-то неприятности? — спрашивает Снайпер, поворачиваясь ко мне.

— Нет. Нет. Ничего такого, — заверяю его я. — Мне просто кажется, что что-то произойдет, и если рядом будет такой крепкий парень как ты, то, возможно, ситуация не зайдет слишком далеко.

— Что ты замышляешь, Шарлотта? — спрашивает Аик, и, естественно, я игнорирую его. Не знаю, зачем тратить силы, задавая вопросы, если я не могу на них ответить.

Снайпер подозрительно меня рассматривает.

— Ладно, — неуверенно отвечает он.

— Спасибо, — я широко улыбаюсь ему и ухожу, оставляя его возле сковороды, полной картошки.

— Шарлотта, — предупреждающе зовет меня Айк, но я снова не обращаю на него внимания. Он вскоре поймет, что происходит, и, уверена, будет очень зол.

Мисти стоит за стойкой бара и, заметив меня, бросает понурый недружелюбный взгляд.

— Привет, Мисти, — щебечу я, завязывая передник и проходя мимо нее к стойке управляющего, чтобы проверить, какие столики закреплены за мной. Меня несколько не удивляет, что за мной закрепили самую отстойную часть ресторана, ведь я новенькая, но я стараюсь не терять расположения духа. Мне просто нужно показать Джорджу, что я справлюсь с этим, и он может доверить мне столики получше.

Я направляюсь к своим столикам, чтобы проверить солонки, перечницы и баночки с сахаром, когда ко мне подходит Мисти.

— Слушай. Если хочешь тут работать, держи рот на замке касательно того, что видела вчера вечером, — предупреждает она, вперив в меня взгляд своих голубых глаз.

— Ты имеешь в виду, что я видела, как вы нюхали кокс? — вопросом на вопрос отвечаю я, и Айк стонет. Он считает, что я только делаю хуже. *Возможно, он прав.*

— Слушай, сучка, — высокомерно улыбается мне Мисти, словно не считает меня угрозой. — Держи рот на замке и не стой у меня на пути и, возможно, я позволю Джорджу оставить тебя здесь.

— Ты что, черт возьми, шутишь? — вопит Айк и ударяет ей кулаком по лицу. Он из тех, кто никогда не ударит женщину, не по-настоящему, конечно же, но полагаю, поскольку знает, что не навредит ей, он смело бьет ее. Конечно же, его удары не причиняют ей никакого вреда; его рука просто проходит сквозь нее. Я не сдерживаюсь и начинаю смеяться, а Мисти свирепо на меня смотрит, так как считает, что я смеюсь над ней.

— *Позволишь* ему оставить меня? — повторяю я ее вопрос, скрещивая руки на груди. — На вывеске снаружи написано «У Айка и Джорджа». Должно быть твое имя напечатано там мелким шрифтом.

— Мы с Джорджем понимаем друг друга, — смело заявляет она.

Я улыбаюсь абсурдности ее слов.

— Вот как теперь называется обычный трах?

Брови Мисти взлетают вверх.

— Боже, Шарлотта, — бормочет Айк.

— Мне жаль, Мисти. Я тебе вот что скажу. Не стой у *меня* на пути и будь паинькой и, возможно, тогда я не стану рассказывать твоему бойфренду, что ты трахаешься с боссом, — заявляю я с широкой улыбкой на лице.

— Джордж уволит тебя, если посчитает, что ты мутишь воду, — высказывает свою точку зрения Айк.

Айк прав, но я не предоставляю ему такой возможности. Мир Джорджа на грани развала и будет лучше, если Мисти перестанет влиять на ситуацию. С круглыми от удивления глазами Мисти стоит, тупо уставившись на меня. Она не знает, как ей реагировать на мою угрозу.

— Ты даже не знаешь, с кем связалась, сучка, — выпаливает она. На сей раз она уже не улыбается. Полагаю, мне удалось повысить уровень угрозы, исходящей от меня.

— Просто уйди, Шарлотта. Может быть, она сейчас под кайфом, и кто его знает, что она может выкинуть, — уговаривает меня Айк, и как бы сильно мне ни хотелось огрызнуться в ответ, я понимаю, что он прав. Кроме того, ее жизнь вот-вот полетит кувырком.

— Могу я теперь приступить к работе или хочешь еще меня поразглядывать? — небрежно спрашиваю я, словно это не мы только что ругались.

Она медленно отходит, взглядом выражая все то, что не стала озвучивать; угрожая мне всеми возможными способами. Когда она, наконец-то, разворачивается и уходит, я возвращаюсь к своему столику и шепчу Айку:

— Прекрати говорить со мной. Твоя болтовня отвлекает и на нее сложно не обращать внимания.

— Отлично. Я просто пытаюсь помочь.

— Знаю, но, пожалуйста, сбавь обороты, — снова шепчу я. — Может быть, ты дашь мне немного пространства, пока я работаю.

— Как пожелаешь, — кивает он и исчезает.

Я привожу в порядок все свои столики, как раз перед тем, как из кухни выходит Джордж и отпирает двери. За стеклянной дверью я вижу мистера Мерсера, предположительно, с женой. Они ждут, когда можно будет войти. Джордж приветствует их и распахивает двери, пропуская внутрь.

— Рад видеть вас мистер и миссис Мерсер. Как вы сегодня?

— Нормально, Джордж, — отвечает мистер Мерсер, — А твои как дела?

— Не так уж плохо, — говорит Джордж, пока идет к стойке менеджера зала. — Столик для вас готов, позвольте проводить вас.

— На самом деле, — прерывает его мистер Мерсер, — мы слышали, что у тебя работает новенькая миленькая официантка. Можем мы сесть за столик, который обслуживает она? — взгляд мистера Мерсера встречается с моим, он подмигивает мне, а затем снова сосредотачивает все свое внимание на Джордже.

— Эм... конечно, — соглашается Джордж, хватая два меню и две салфетки со столовыми приборами. — Готова обслужить столик, Шарлотта? — спрашивает Джордж, когда видит меня.

— Конечно, — отвечаю я и широко улыбаюсь. — Я сама провожу их, — я протягиваю руку, чтобы забрать у него меню и столовые приборы. Передавая их мне, Джордж касается пальцами моей руки, отчего кожу начинает покалывать, словно крошечными иголочками. Наши взгляды встречаются на долю секунды, а затем он отстраняется. Что, черт возьми, это было? Он тоже это почувствовал?

Отмахнувшись от этих ощущений, я говорю:

— Сюда, пожалуйста.

Пока чета Мерсеров следует за мной в мою секцию, мистер Мерсер представляет нас друг другу.

— Шарлотта, это моя жена, миссис Мерсер. Она с нетерпением ждала встречи с тобой.

Миссис Мерсер — крошечная леди со светлыми волосами, в которых уже заметны седые прядки. Ее темные глаза кажутся маленькими за стеклами очков, которые сидят ровно на середине носа.

— Я тоже с нетерпением ждала встречи, — честно признаюсь я, взмахом руки приглашая их за столик, который выбрала для них. Когда они садятся, я добавляю: — Вы представить себе не можете, как много значит для меня ваша доброта.

— Эм, Билл пришел домой и рассказал мне о тебе, и это просто разбило мне сердце. Но, когда он рассказал мне, что ты отдала ему цепочку с крестиком в качестве залога, и показал ее мне, я поняла, что это знак. Ты веришь в знаки, Шарлотта? — она смотрит на меня, пока я раскладываю перед ними меню.

— Думаю, да, — отвечаю я. — Но каким образом моя цепочка может быть знаком?

— Наша дочь, упокой Господь ее душу, покинула нас почти десять лет назад. Почти всю свою жизнь она, не снимая, носила точно такую же цепочку, — миссис Мерсер опускает взгляд, и, кажется, задумывается ненадолго, будто углубляется в воспоминания. — Но в тот день, когда она умерла, цепочки на ней не было, и мы так и не сумели ее найти. То, что ты появилась с точно такой же цепочкой... мне кажется, будет правильно, если мы поможем тебе. Нам бы хотелось пригласить тебя на обед.

— С удовольствием приду. И я возьму вам все расходы. Обещаю. Вы, правда, не представляете, как много ваша доброта значит для меня.

— Как насчет следующей среды? — предлагает миссис Мерсер.

Я стараюсь скрыть удивление, что обед состоится так скоро.

— Почему бы и нет? Мы позаботимся, чтобы у тебя в этот день был выходной, Шарлотта, — вклинивается в разговор Джордж, подходя к нам. От звука его голоса я чуть не подпрыгиваю до потолка. Он незаметно подкрался ко мне.

— Ты тоже приходи, Джордж, — добавляет миссис Мерсер.

— На самом деле мне нужно работать, но спасибо за приглашение, — благодарно кивает Джордж. — Шарлотта уже приняла ваш заказ на напитки? — интересуется он и я, не сдержавшись, закатываю глаза. Он старается выставить меня некомпетентной или просто пытается разозлить?

— Мы просто болтали, — миссис Мерсер похлопывает меня по руке, которая лежит на столе.

— Среда звучит здорово, и что я могу предложить вам двоим выпить?

— Мы будем чай со льдом, и охотно съедим на двоих сэндвич с цыпленком и картофель фри, — говорит мистер Мерсер.

— Я сейчас принесу вам ваш чай.

Когда я отхожу, Джордж говорит что-то Мерсерам, прежде чем последовать за мной, но мне не удается услышать что. Зайдя на кухню, я передаю заказ Снайперу, хватаю два стакана и наполняю их льдом. Я наполняю первый стакан чаем из чайника, когда на кухню входит Джордж.

— Я вполне способна принять заказ на напитки, мистер МакДермотт, но спасибо, что пришел и попытался выставить меня идиоткой.

— Считаешь, что я пытался вести себя как мудак? — он фыркает от смеха.

— Нельзя сказать, что это была попытка, — добавляю я, беру второй стакан и начинаю наливать в него чай, но не могу сдержать улыбку, когда слышу, как где-то за спиной фыркает Снайпер.

— Хэй, я пытался помочь. Они бы заговорили тебя до смерти, если бы я не подошел вовремя.

— И? В чем проблема, если я им нравлюсь, и они хотят поговорить со мной? Или это может помешать твоей акции «долой Шарлотту»?

— Я не провожу акцию «долой Шарлотту», — смеется он, и меня застает врасплох то, каким невероятно привлекательным он выглядит, когда улыбается. И Айк, и Джордж похожи, но улыбки у них разные. Когда улыбается Айк, его улыбка кажется искренней, словно счастье — его аура. Словно видишь теплый, залитый солнцем пляж, после того как несколько месяцев наблюдал только снег да лед. Когда улыбается Джордж, словно подарок получаешь. Будто солнечный лучик пробивается сквозь хмурые грозовые тучи. Его улыбка напоминает надежду.

— Посмотри на это, — говорю я сухо, кивая подбородком на Снайпера, который стоит, опираясь локтями на столешницу, разделяющую комнату, и наблюдает, как мы с Джорджем с энтузиазмом ссоримся. — Он на самом деле смеется!

Джордж скрещивает руки на груди, и смешинки в его глазах исчезают.

— У меня нет никаких проблем с тобой, Шарлотта. Seriously, — он возвращается к сути дела.

— Ну, а твоей девушке я не очень нравлюсь, — говорю я и закатываю глаза.

— Моей девушке?

Ни за что на свете я не позволю ему сорваться с крючка. Пусть весь город позволяет, а я не позволю.

— Seriously? Собираешься прикидываться дурачком? Мисти?

— Она сотрудница. Друг. Не более, — безапелляционно заявляет он.

— Которую ты трахаешь... — раздается из-за стойки голос Снайпера, когда он выглядывает из-за металлической полки, разделяющей кухню. Я копирую позу Джорджа, скрещивая руки на груди, и бросаю на него понимающий взгляд, втайне радуясь, что Снайпер поддержал меня.

— Отвали, — рывкает Джордж на Снайпера, и тот качает головой, но вместо того, чтобы обратиться к Снайперу или как-то ответить на мое заявление, Джордж снова поворачивается ко мне.

— Ревнуешь, Шарлотта? — спрашивает он и осматривает меня с головы до ног; его взгляд темнеет, пока он изучает меня. Я понимаю, что он пытается лишить меня присутствия духа, таким образом планируя увильнуть от обсуждения Мисти, но ничего не могу поделать с жаром, который ползет вверх по шее и накрывает мои щеки. Прошло так много времени с тех пор, как мужчина смотрел на меня таким взглядом. Я быстро беру себя в руки и возвращаюсь к делу.

— Вау. Ты так отчаянно пытаешься избежать беседы о Мисти, что решился на сексуальное домогательство. Отличный ход, босс.

— Просто признай это, Джордж. Мисти висит на тебе, как обезьянка на дереве, — снова подает голос Снайпер. — У-у-у, у-у-у, и-и-и, и-и-и, — верещит он, мешая нам говорить, и начинает почесывать себя под мышками. Не сдержавшись, я прыскаю со смеху.

— Закрой варезку, Снайпер! — рывкает Джордж и в его голосе отчетливо слышен гнев. Я закусываю губу, чтобы сдержать смех, и пытаюсь отвлечься, раскладывая дольки лимона в стаканы с чаем.

— Не волнуйся, босс. Никакого осуждения, — с улыбкой выдаю я и беру напитки.

Выходя из кухни, я слышу, как Снайпер говорит:

— А она дерзкая, правда?

— Да, та еще штучка, верно, — бормочет в ответ Джордж.

Два часа спустя наплыв обедающих спадает, и я развлекаюсь тем, что подметаю пол между столиками. В зале никого нет, Джордж и Снайпер находятся в задней части кафе, а Мисти ушла домой, сделав вид, что у нее разболелась голова. Очевидно, она планирует вернуться к началу вечерней смены.

Чудненько.

— Сколько заработала за сегодня? — интересуется Айк, присаживаясь за один из моих столиков и наблюдая за мной.

— Пятьдесят, — отвечаю я и пожимаю плечами. Для обеденной смены в маленьком городке не так уж и плохо, но и сказать, что я разбогатела, тоже нельзя.

— Ты работаешь сегодня вечером, верно? Заработаешь еще, — заверяет он меня.

Он знает, что я беспокоюсь из-за денег. До сих пор мне приходилось полагаться на щедрость незнакомцев, а я терпеть этого не могу. От этого я чувствую себя бесполезной. Касательно комнаты в отеле я теперь не так сильно волнуюсь, так как Джинджер разрешила мне остаться в обмен на уборку комнат. Не думаю, что это равнозначно моему проживанию у нее.

— Знаешь, ты похожа на юную Одри Хепбёрн, — внезапно выдает Айк. — Мне она всегда казалась сексуальной

Я фыркаю и качаю головой над его нелепым «комплиментом». Я ни капли не похожа на Одри Хепбёрн. У нее была классическая внешность, на все времена, царственная. Ну а я... эм... просто я.

— Что? — обиженно уточняет Айк. — Я серьезно. Зачем мне лгать? Я же не пытаюсь залезть тебе в трусики. Я имею в виду... я бы не прочь, но, знаешь... то, что я мертв и все

такое, делает эту задачей трудновыполнимой, — не удержавшись, я громко смеюсь. Хорошо, что я в помещении одна... точнее из живых тут только я. — Другое дело, — вздыхает он, и его губы изгибаются в довольной улыбке. — У тебя потрясающая улыбка, Шарлотта, — я снова не сдерживаюсь и краснею.

Айк МакДермотт само очарование. У него это получается очень естественно. На какую-то долю секунды мне становится жаль, что я не видела его, когда он был жив, не жила рядом с ним изо дня в день. Думаю, манера поведения, которую я сейчас наблюдаю, лишь слабый отблеск того, каким он был, когда был жив. От этой мысли сердце пронзает болью.

Я заканчиваю подметать пол и как раз собираюсь идти на кухню, чтобы убрать метлу и совок, когда в зал входит Анна, а следом за ней маленькая светловолосая девочка. Я сразу же понимаю, что это дочка Анны; они так похожи друг на друга, словно Анна вылепила ее по своему подобию.

— Привет, Шар, — Анна чуть не поет, когда притягивает меня к себе и обнимает. Я напрягаюсь. Я не очень люблю обниматься и не думаю, что мы с Анной за весь короткий промежуток нашей дружбы дошли до отношений, когда можно обниматься. Но я все равно неловко похлопываю ее одной рукой по спине.

— Привет, Анна. Кто эта маленькая красавица? — вырвавшись из медвежьих объятий Анны, я улыбаюсь маленькой девочке.

— Это Ривер, — отвечает Анна и подталкивает маленькую девочку вперед. — Ривер, это мамина хорошая подруга, Шар.

— Приятно познакомиться, мисс Шар, — робко здоровается Ривер и улыбается.

— Мне тоже очень приятно, — я протягиваю ей руку для рукопожатия, и она принимает ее.

— Шар, можешь присмотреть за ней одну минутку? Мне нужно обсудить с Джорджем мое расписание.

— Конечно. Не занесешь метлу и совок по пути на кухню?

— Без проблем, — Анна забирает у меня метлу и совок и уносит их.

— Мамочка дала мне два доллара в четвертаках, перед тем как мы пришли сюда, чтобы я могла запустить музыкальный автомат, — Ривер засовывает руку в карман и достает оттуда монетки. Одна падает на пол и катится в сторону и Ривер, наклонившись вперед, мчится за ней.

— Она очаровательная, — шепчу я так, чтобы меня мог услышать только Айк.

— Я всегда хотел дочерей, — признается Айк, и мне становится грустно за него. Редкий мужчина мечтает о дочерях. Обычно все мужчины хотят сыновей. Он мог бы стать чудесным отцом. Мне хочется сказать ему хоть что-нибудь, утешить его, но я не могу. Только не на глазах у Ривер.

— И что ты хочешь послушать? — спрашиваю я ее, когда она подбирает с пола четвертак.

— Джастина Бибера, — счастливо щебечет она.

— О, Господи, пожалуйста, только не это! — бормочет Айк, вынуждая меня тихонько хихикать себе под нос.

— Не думаю, что в этом автомате есть песни Джастина Бибера, солнышко, — огорчаю я Ривер.

— Тогда ты выбираешь первую песню, — командует она и вручает мне две монетки по двадцать пять пенсов.

— Уверена? Это ведь твои деньги.

— Ага. Выбери одну, а потом я выберу одну, — она бежит к музыкальному автомату и ее светлые волосы развиваются за спиной.

— Пожалуйста, вразуми этого ребенка и дай ей послушать Джонни или Элвиса, — умоляет Айк. Я выбираю Элвиса, так как Джонни Кэш звучит грубовато, а песни Элвиса поинтереснее.

Вставив монетки в щель, я выбираю песню, и Айк заглядывает мне через плечо. Когда я смотрю на него, он ухмыляется.

— Хороший выбор.

Когда музыкальный автомат начинает пиликать, готовясь начать воспроизводить песню, я нагибаюсь к Ривер и спрашиваю ее:

— Ты знаешь какие-нибудь песни Элвиса Пресли?

— Элвиса? — Ривер морщит носик, так как, очевидно, никогда о нем не слышала.

— На Анну следует заявить куда следует за то, что она пренебрегает воспитанием ребенка, — фыркает Айк. — Этому ребенку определено не хватает знаний о культуре.

— Потанцуем? — предлагаю я девочке и, игнорируя Айка, протягиваю ей руку.

Ривер засовывает монетки обратно в кармашек и хихикает.

— Ты начинай, — велит мне она.

Из динамиков раздаются первые аккорды «Тюремного рока» и я спешу к бару, где хватаю солнцезащитные очки Джорджа и цепляю их на нос.

Когда раздаются слова песни, я начинаю подпевать и двигать ногами, стараясь максимально подражать танцевальным па Элвиса. Айк плюхается на стул возле бара.

— Она еще и танцует? — он прижимает руку к груди. — Сердце, спокойно, спокойно, — драматично стонет он.

Когда звучит второй куплет, я хватаю Ривер за руки и пою:

Давайте танцевать рок, давайте все танцевать рок

Весь тюремный блок

Танцует под тюремный рок.

Ривер истерично смеется, когда я кружу ее и быстро-быстро виляю бедрами. Я тоже захлебываюсь смехом, но тут меня хватают за руку и дергают так, что я врезаюсь в чье-то крепкое тело.

— Давай покажем, как это делается, — мурлычет Снайпер и начинает кружить меня. Он вертит меня в нескольких па, а Ривер визжит от восторга. Не могу не признать, что меня удивил его мастерский танец. Под конец песни, он подхватывает Ривер и кружит ее, а она, раскинув руки в стороны, смеется. Когда песня заканчивается, мы все хихикаем, пока не слышим, как в зале кто-то громко хлопает в ладоши.

В проходе стоит Джордж и смотрит на нас, выгнув одну бровь.

— Может быть, мне выставить вас на танцпол, чтобы вы развлекали посетителей. Обед и шоу, — сухо говорит он.

— А я получил огромное удовольствие, — выдает Айк.

— Ты просто завидуешь моей пластике движений, — усмехается Снайпер, продолжая кружить Ривер вокруг себя.

— Поставь ее, Снайпер, — Анна делает вид, что не одобряет такого поведения. Она знает, что Снайпер безобиден, но ругая его, она по-своему флиртует с ним. Судя по тому, как она игриво шлепнула его по руке на кухне и ее робким улыбкам, мне кажется, что он ей нравится. — Кто знает, где побывали твои руки.

Снайпер опускает Ривер на пол и направляется к Анне.

— Не волнуйся, дорогая. Я предпочитаю только зрелых женщин, — добавляет он, поигрывая бровями, затем обнимает ее и начинает кружить.

— Ты сейчас сказал, что я старая? — с издевкой спрашивает она.

— Я говорю, что мне нравятся сексуальные мамочки, сладкая. А ты как раз сексуальная мамочка.

Анна жутко краснеет.

— Что значит сексуальная мамочка? — невинно спрашивает Ривер, сведя вместе бровки. Мы все смеемся.

— Мама, с которой мне бы хотелось стать друзьями, дорогая, — объясняет Снайпер, — очень близкими друзьями, вот что это значит, — он подмигивает Анне, которая краснеет еще сильнее.

Анна бросает на него многозначительный взгляд, который словно говорит: *ты — шалун, но, хотя мне это нравится, ты должен прекратить.*

— Ты понимаешь, что это единственная работа, где женщины готовы терпеть твое поведение, да? — говорит она и поджимает губы.

— Я вел себя плохо, — соглашается Снайпер и улыбается. — Меня нужно отшлепать. Ты ведь поможешь мне с этим?

— Достаточно, — прерывает их диалог громкий голос Джорджа. — Вам пора вернуться на кухню, где вас никто не будет видеть.

Снайпер надувает нижнюю губу.

— Было весело потанцевать с тобой, маленькая леди, — он, как джентльмен, кланяется Ривер, а та краснеет, совсем как ее мама.

— И мне с тобой, — хихикает малышка.

Снайпер направляется на кухню, а Анна берет Ривер за руку.

— Пора идти, птичка.

— Я хочу еще потанцевать под Элвиса!

— Не сегодня.

— В следующий раз, — обещаю я. — Я включу тебе еще одну песню Элвиса. Договорились?

— Ладно, — говорит Ривер.

— Увидимся завтра, ребята, — прощается Анна, пока дочь тащит ее к выходу.

Джордж протягивает мне руку.

— Что? — смущенно спрашиваю я. Он что, приглашает меня потанцевать? От этой мысли мое сердце начинает учащенно биться. Должна ли я согласиться? Нет, скорее всего, нет. Но, в какой-то, степени мне хочется сказать «да». Интересно, почему же мне хочется согласиться?

— Мои очки, — кашлянув, требует Джордж.

Оу.

Теперь я чувствую себя дурочкой. Мое лицо пылает, словно меня окатило раскаленной вулканической лавой. *С чего бы ему хотеть танцевать с тобой, Шарлотта? Он ненавидит тебя.* Стащив очки, я вручаю их ему, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Извини. Они нужны были мне, чтобы добиться должного эффекта.

— Помоги мне убрать на хранение ликер, — он поворачивается и уходит обратно на кухню.

— Лаааадноооо... — соглашаюсь я и бросаю взгляд на Айку.

— У него заноза в заднице, — смеется Айка. — Вечно такой деловой.

Я иду к заднему входу. Джордж уже открыл двери и подпер их мусорной корзиной. Маленький черный грузовик стоит впрытик к двери, а Джордж подталкивает к краю коробки. Спустившись, я хватаю первую коробку, до которой могу дотянуться. Она открыта, и в ней восемь бутылок разных ликеров, переложенных картонками.

— Эти коробки тяжелые, — предупреждает Джордж.

— Думаю, я справлюсь, — сообщаю я злобно.

Что он себе возомнил? Что я неженка? Он берет коробку и направляется с ней внутрь, а я следую за ним. Коробка действительно тяжелая, но я в этом в жизни не признаюсь. Переступая порог кухни, я забываю о порожке и спотыкаюсь. Для более грациозного человека, все закончилось бы падением на колени, но ведь речь идет обо мне. Заваливаясь на

бок, я прижимаю коробку к себе и предпринимаю попытку развернуться так, чтобы приземлиться на спину и спасти бутылки, но понимаю, что все бесполезно. Размахивая руками, я пытаюсь обрести равновесие... но у меня ничего не выходит. В итоге, я оказываюсь на полу на куче разбитого стекла и вся в ликере.

— Твою мать! Ты в порядке? — интересуется Айк, когда опускается рядом со мной на колени. В его карих глазах читается испуг. Кажется, его убивает тот факт, что он не в силах мне помочь.

— Какого черта? — услышав звон бьющихся бутылок, из-за стойки выбегает Снайпер. — Боже, милая. Ты в порядке?

В порядке ли я? Я быстро проверяю свои ощущения. Руки вроде бы в норме. Снайпер подает мне руку и помогает подняться. Я стряхиваю с ног осколки стекла и поворачиваюсь спиной к Снайперу.

— Я все стряхнула там?

— Что, черт подери, произошло? — рычит Джордж, приближаясь. — Тут ликера на четыреста долларов.

Я морщусь. Конечно же. Черт подери мою неуклюжесть и отсутствие координации.

— Я споткнулась, мне очень жаль, — искренне извиняюсь я.

— Вот мудак. Его волнуют деньги. Даже не спросил в порядке ли ты, — Айк разочарованно качает головой.

— Оу, милая, — Снайпер похлопывает меня по плечу. — У тебя довольно неприятный порез на заднице.

— Что? — переспрашиваю я и вытягиваю шею, пытаюсь разглядеть свою попу. Вниз по ноге стекает кровь, увидев которую, я сразу же чувствую, что и правда порезалась. Проведя рукой по ягодице, я нащупываю место, где ткань моих шорт разорвана, и чувствую теплую жидкость.

— Черт! — ворчу я.

— Хочешь, я посмотрю? — потирает руки Снайпер, и на его лице играет озорная улыбка.

— Я схожу в отель и разберусь с этим, — отказываюсь я от его услуг.

— Кровь течет довольно сильно, Шарлотта. Нужно остановить ее. Возможно, понадобится наложить швы, — сообщает Айк, разглядывая мой зад.

— Я отвезу тебя к доктору, и страховка компенсирует затраты, — ворчит Джордж. Он злится. Сначала я уничтожила восемь бутылок ликера, а теперь ему повысят сумму страховки.

— Нет, я сама справлюсь, — я отрицательно качаю головой. — Ты не мог бы принести мне метлу, Снайпер? — прошу я, обзревая разрушения, которые учинила.

— Я приберусь, — начал настаивать Снайпер. — Ты тут уже все кровью залила.

— Либо один из нас очищает порез и останавливает кровь перед тем, как ты уходишь, либо я везу тебя в больницу. Последнее, что мне сейчас нужно, это чтобы в чертов порез попало заражение, — добавляет Джордж.

— Я вся в ликере, — возражаю я, — не думаю, что возможно заражение.

— Ты мне весь пол кровью уже залила. Снайпер или я. Выбирай.

Я опускаю взгляд и вижу, что сзади нога вся в крови, а мой белый носок уже окрашен в красный, полностью пропитавшись моей кровью.

Черт!

Глава 9

Айк

Джордж и Шарлотта заходят в его кабинет, и он закрывает за ними дверь. Шарлотта бросает на меня взгляд, словно пытается сказать: *«Попробуй только подглядывать за нами!»*.

— Я не пропущу такое ни за какие блага мира, — говорю я смеясь. — Если он увидит твою задницу, то и я тоже.

Она свирепо зыркает на меня.

Я только начинаю хохотать пуще прежнего.

— Ладно, вели мне уйти. Скажи это громко вслух. Скажи: *«Айк, я хочу, чтобы ты вышел из этой комнаты»*, — Шарлотта огорченно прищуривается. Она не может произнести это из-за Джорджа. — Что, нет? Не скажешь? Хочешь, чтобы я остался? Ладно. Уговорила. Я остаюсь.

Джордж плюхается на стул, вытаскивает аптечку из ящичка и с минуту в ней копается. Затем мой брат разворачивает стул таким образом, что оказывается лицом к столу.

— Может, наклонишься над столом? — предлагает он, избегая смотреть в глаза красной, как рак, Шарлотте. Чудесная картина.

Она молча подходит к столу, поворачивается к нему спиной, и ее зад оказывается на одном уровне с лицом Джорджа. Он разглядывает ее попку в течение пары мгновений... слишком долгих мгновений, и тогда Шарлотта говорит:

— Она не кусается, Джордж.

Он прочищает горло и закатывает глаза. Так, словно она рассыплется от его прикосновения, он, едва касаясь кончиками пальцев, проводит по месту разрыва на ее шортах и аккуратно оттягивает ткань, чтобы лучше рассмотреть порез.

— Как, черт возьми, ты умудрилась порезать задницу, а не руки или колени?

— Я талант среди всех неуклюжих. Можно сказать, даже сенсей, серьезно, — острит она и он улыбается.

— Думаю, тебе придется снять шорты, Шарлотта.

— Ни за что на свете! — визжит она и выпрямляется. — Я не собираюсь стоять с голой задницей рядом с твоим лицом, Джордж.

— Я так не вижу весь порез, — Джордж откидывается на спинку, стараясь сдержать улыбку, которая грозит расплыться на его лице. — Тебе придется снять шорты.

— Да! Да! Боже, ты все же есть на небе! Спасибо! — восклицаю я. Шарлотта поджимает губы, но не уверен, Джордж тому причина или я, или, может, даже мы оба.

— Серьезно?

— Мы оба взрослые люди, — заверяет ее Джордж. — Я уже не раз видел женские задницы раньше.

— Тебе лучше никогда никому об этом не рассказывать! — шипит она сквозь зубы, пока расстегивает шорты.

— Не думаю, что мне кто-нибудь поверит, — Джордж смеется и проводит ладонью вниз по лицу. Я догадываюсь, что он делает вид, что намеревается просто залечить порез, но уверен, что на самом деле он собирается насладиться этим так же, как и я. Задница у Шарлотты такая, что мужская рука так и тянется сжать ее. *Даже рука мертвого парня*. Колено Джорджа начинает дрожать, и внезапно до меня доходит, насколько нелепа вся эта ситуация. Мы с братом *оба* слегка возбудились, наблюдая, как девушка стягивает шорты.

Слегка виляя бедрами, Шарлотта тянет шорты вниз, но шипит, когда пояс задевает порез. Спустив шорты до середины ягодиц, она наклоняется над столом, прогнув спину так, что ее попка слегка выпячивается вверх. В комнате стоит гробовая тишина. Хотя мы не

можем видеть ее лица, судя по тому, как тень улыбки изгибает ее губы, я догадываюсь, что она сделала это специально.

Она специально мучает нас. И это работает. Джордж замечает это и задерживает дыхание. На ее правой ягодице виднеется довольно глубокий порез, но даже с ним ее попа выглядит восхитительно. И... она носит стринги.

Джордж ерзает в кресле, пытаясь поудобнее устроить свой стояк так, чтобы это было не сильно заметно. Эта ситуация осложнена кучей нюансов. Наверное, мне стоит уйти, потому что Шарлотта определенно чувствует себя неуютно, но... *нет*. Ни за что.

— Там все плохо? — Шарлотта смущается и опирается лбом о стол.

Джордж распаковывает антисептические салфетки и говорит:

— Сейчас немножко пощиплет, — после чего начинает протирать кожу вокруг раны, а затем мягко прикасается к самому порезу. Как только салфетка соприкасается с раной, Шарлотта шипит и резко дергается вперед, все ее тело напрягается. Джордж замирает, разглядывая ее попку. Боже мой, мы какие-то больные извращенцы. Ну почему все это так чертовски горячо? Уверен, что он думает точно так же. Он мой близнец. Я умею читать его, как открытую книгу.

— Жжет, черт возьми! — жалуется Шарлотта и выпячивает задницу, тем самым усиливая жжение.

— Прости, — наконец выдавливая из себя Джордж. Его кадык дергается, когда он с трудом сглатывает.

Надеясь разрядить обстановку, я решаю подшутить над ней.

— Кстати говоря, я действительно наслаждаюсь видом, Шарлотта, — сообщаю я, а она напрягается, сжимая руки в кулаки. Мне нравится видеть ее такой заведенной и злющей.

— Ладно. Позволь я попробую вот так, — предлагает Джордж. Снова приложив салфетку к ране, он легонько дует на нее. Кожа Шарлотты мгновенно покрывается пупырышками.

— Там останется шрам? — бормочет Шарлотта, крепко зажмурив глаза.

— А что? Так много людей смотря на твой оголенный зад? — интересуюсь я.

— Думаю, порез можно скрепить пластырем и сверху наложить марлевую повязку. Нам придется осматривать и дезинфицировать его каждый день, — бормочет Джордж. — И думаю, если смазывать его «Неоспорином», то шрам будет совсем незаметным. (*Примеч. «Неоспорин» — антибиотик, мазь для заживления ран и предотвращения возникновения инфекций*).

— Нам? — фыркает Шарлотта. — Не думаю, — как раз в этот момент Джордж цепляет порез, и она вскрикивает.

— Прости, — извиняется он, но его голосу не хватает искренности. Он сделал это специально. Джордж быстро очищает рану, наносит мазь и скрепляет края пластырем, после чего накладывает поверх раны марлевую повязку. — Вот и все. Снимай повязку, когда будешь принимать душ, — он откатывается на стуле назад и снова начинает копаться в аптечке, но я вижу, как он наблюдает за Шарлоттой, пока та натягивает шорты. *Чертов развратный ублюдок*. Я качаю головой и сам себе улыбаюсь. Джордж вылитый я.

— Что ж, несмотря на то, что мне было невероятно неловко, я благодарна тебе за помощь, — Шарлотта поворачивается к нему лицом и вяло улыбается.

— Обращайся, — кивает Джордж и встает, швыряя аптечку на стол.

— Полагаю, мне стоит пойти и переодеться. Не против, если я надену джинсовую юбку? Это были мои единственные черные шорты.

— Нет, все в порядке. Можешь взять выходной на остаток дня, если хочешь, — предлагает Джордж.

— Нет. Мне нужны деньги, — сразу же отказывается Шарлотта. — Вернусь через двадцать минут.

Глава 10

Шарлотта

— Спасибо, что остался и сделал это «шоу» столь унижительным, Айк, — ворчу я, пока мы едем в отель.

— Шарлотта, — просто отвечает Айк. — Я мертв. В моей нынешней ипостаси у меня так редко случаются по-настоящему счастливые мгновения. Не надо смущаться. Радуйся, что можешь продемонстрировать мертвецу проблеск рая.

Я прищуриваюсь и искоса смотрю на него.

— Ты смешон.

Приехав в отель, я быстро принимаю душ, натягиваю джинсовую юбку и уже через двадцать минут возвращаюсь в ресторан. День тянется медленно, а Джордж не показывается из своего кабинета. Уж не знаю, прячется он там или вернулся к употреблению наркотиков и алкоголя.

Монотонный день перетекает в вечер, и в ресторане появляется посвежевшая Мисти.

— Она уже обдолбалась, — замечает Айк, когда видит ее.

Мисти не говорит мне ни слова, пока готовит бар к вечерней смене. *Ну и отлично, как по мне. Как будто мне есть до этого дело.* Снайпер представляет меня двум другим поварам — Грэгу и Уинстону. Грэг — высокий парень с шапкой черных волос и белозубой улыбкой, а Уинстон — худощавый, с одутловатым лицом и волосами, заплетенными в тугие косички.

Оба повара приветствуют меня, и мы обмениваемся банальными любезностями. Двое других официантов появляются около пяти часов — Пейтон и Либби — очаровательная парочка оказываются братом и сестрой.

— Так, значит, ты новенькая? — с улыбкой спрашивает Пейтон, пройдясь по мне взглядом сверху вниз.

— Да, это я, — неуверенно отвечаю я, а мое лицо вспыхивает от открыто проявленного ко мне интереса.

— Не обращай на моего брата внимания, пожалуйста, — просит Либби и закатывает глаза, глядя на Пейтона. — Ему двадцать один и у него все еще переходный возраст, — я громко смеюсь, но сразу же отворачиваюсь от них, пытаюсь унять смех, когда вижу, как Пейтон зыркает на сестру.

— Похоже, все мужчины нашего городка западают на тебя, — угрюмо замечает Айк, глядя на Пейтона.

Я бросаю на него взгляд и вижу, что он встал в знаменитую стойку МакДермотта — руки скрещены на груди, а губы вытянуты в тонкую линию. *Он что, ревнует?*

Проигнорировав заявление Айка, я болтаю с братом и сестрой, пока не начинают подтягиваться желающие поужинать. Вечер получается довольно загруженным, но я стараюсь не забыть, что мне нужно присматривать за Джорджем, гадая, не окажется ли мой план плохой идеей. Я предполагала, что сегодня вечером предстоит своего рода представление, но, очевидно, ничего не предвидится.

Когда мы закрываемся, Джордж сообщает мне, что по расписанию моя смена завтра в обед, и отправляет прочь. Подойдя к машине, я вижу, что к капоту, скрестив ноги, прислонилась Мисти и курит сигарету так, словно ей ни до чего нет дела.

— Тебе что-нибудь нужно, Мисти? — интересуюсь я *безразличным* тоном.

— Твоя машинка? — спрашивает она, оглядывая мою машину.

— Моя, — отвечаю я, скрестив руки на груди и склонив голову набок. Какого черта ей надо? Внезапно мне хочется, чтобы рядом оказался Айк, но предполагаю, что она могла пронюхать, что я сделала, а мне пока не хочется, чтобы Айк узнал обо всем.

Выдохнув последнюю затяжку, она отшвыривает сигарету на парковку и выпрямляется в полный рост. Мисти привлекательная девушка, но нельзя сказать, что жизнь балует ее. Она выглядит старше своих лет, и внешность у нее довольно обычная. В ней нет мягкости, по крайней мере, я ее не вижу, и мне становится интересно, почему Джордж уделяет ей столько внимания.

Может быть, он считает, что не заслуживает лучшего. Эта мысль меня очень сильно печалит. Хотя он ведет себя как придурок по отношению ко мне, но я знаю, что в душе он хороший. Я видела это.

— Думаю, мы не очень удачно начали наше знакомство, — начинает Мисти, и мне требуется вся выдержка, чтобы не закатить глаза.

— Разве? — решаю уточнить я.

— Может, мы и не будем друзьями, но я бы хотела, чтобы мы относились друг к другу более дружелюбно.

Мне хочется с облегчением выдохнуть, понимая, что она, очевидно, пока ничего не знает насчет письма. Не знаю, что ответить ей. Уверена, что она ненавидит меня так же сильно, как и я ее, но я решаю спустить это на тормозах. Может быть, благодаря этому наше сотрудничество станет терпимым.

— Звучит неплохо как по мне, — киваю я и направляюсь к водительской двери своего четырехколесного друга, но останавливаюсь, заметив, что Мисти стоит перед моей машиной и изучает номерной знак.

— Оклахома?

— Ага, — отвечаю я, и ко мне мгновенно возвращается вся подозрительность касательно нее. *Она запоминает номер моей машины.* Неужели у нее есть кто-то, кто может пробить номер? Впрочем, не важно, я же не преступница. Пусть проверяет, что хочет. — Ручку одолжить, чтобы ты могла записать, Мисти? — сладким голосом спрашиваю я, и она резко переводит взгляд на меня, но быстро берет себя в руки и улыбается.

— У тебя номера просроченные, — сообщает она.

— Да? Спасибо, что подсказала, — саркастично реагирую я. — Я не заметила.

И тут огромная машина притормаживает возле нас, и у меня глаза чуть из орбит не вылазят. Это тачка Роджера. Оставляя письмо на его ветровом стекле под дворником, я не сомневалась, что это его машина. Кроме того, на номерах указано «РОДЖЕРЗ».

— Твой парень?

Он прочитал письмо, которое я оставила ему? *Черт.* Он приехал по душу Джорджа?

— Роджера нет в городе, уехал на охоту. Его не будет еще пару дней, — отвечает Мисти, пока идет к машине. — Это его брат. Он разбил свою машину и пока пользуется тачкой Роджера, а моя в ремонте.

И, не сказав больше ни слова, она садится в машину, и они выезжают с парковки. Дерьмо! Значит, письмо получил его брат? Расскажет ли он Роджеру или Мисти о нем? Когда я усаживаюсь в свою машину, на пассажирском сидении материализуется Айк.

— Ты в порядке? — спрашивает он, осматривая меня. Правда заключается в следующем: *нет, черт возьми.* У меня был план, а теперь он полетел в тартарары, и я понятия не имею, чего ждать дальше. *Дорогой Боже,* молюсь я про себя, *пожалуйста, пусть Джорджу не причинят боли. Я ведь просто пыталась помочь. Аминь.*

— Ага, — я с трудом сглатываю и завожу двигатель. — Я в порядке.

По крайней мере, пока что.

Джинджер велела мне не беспокоиться касательно уборки комнат, пока не закончится мой первый рабочий день, мотивируя это тем, что она не хочет перегружать меня, к тому же, я ей заплатила — спасибо Мерсерам — аж до конца недели.

Отработав обеденную смену, я возвращаюсь в отель, практически испытывая оргазм от мысли, что смогу принять душ и забраться в постель. И именно это я и делаю. По воскресеньям ресторан закрывается рано, поэтому сегодня отпустили всех.

— Ложись рядом со мной, Аик, — командую я.

— Осторожнее, детка. Ты можешь так привыкнуть к этому, что не сможешь уснуть без меня, — шутит он, когда материализуется, чтобы лечь рядом со мной. Когда я поворачиваюсь к нему, он лежит на спине, заложив руки под голову. У него шикарный профиль: волевой подбородок, прямой нос.

— Могу я спросить тебя кое о чем? — интересуюсь я.

Аик улыбается и поворачивает голову в мою сторону.

— Хочешь, чтобы я взглянул на порез на твоей попке и убедился, что заражения нет?

Я закатываю глаза, стараясь не улыбаться.

— Проехали, — раздраженно фыркаю я, резко переворачиваясь на спину и делая вид, что разозлилась.

— Нет. Спрашивай, — настаивает Аик, и я снова перекатываюсь набок.

— Ты когда-нибудь был с?..

Господи, какого черта я спрашиваю именно его об этом?

— Был с?..

— Я имею в виду... у тебя было много женщин, пока ты был жив?

Он переводит взгляд на потолок и вздыхает.

— Я бы не сказал, что их было много, но это в основном были юные девушки. Почему спрашиваешь?

— Ты когда-нибудь был влюблен?

Аик фыркает.

— Дай определение любви.

— Любовь, — отвечаю я просто. — Ты отлично понял, что я имею в виду.

— Если под любовью ты имеешь в виду, встречался ли я с девушкой в старшей школе и планировал ли потом жениться на ней, тогда да, я был влюблен... или, по крайней мере, думал, что был.

— И что случилось?

Аик самодовольно ухмыляется и сверху вниз проводит ладонью по лицу.

— Эм, понимаешь, мы окончили школу, и она отправилась в колледж, а я поступил в армию, и наши пути разошлись. В некотором роде мы отдалились друг от друга. Она приходила на мои похороны. Плакала. То, что мы отдалились, вовсе не значит, что мы не любили друг друга, просто это не была любовь на все времена, полагаю.

Я перекатываюсь обратно на спину и смотрю в потолок, как и Аик.

— Ты скучаешь по ней?

— Нет, — отвечает он без раздумий. — А ты? Была когда-нибудь влюблена?

Теперь моя очередь фыркать.

— Едва ли. В старшей школе мой старший брат позаботился, чтобы парни ко мне не приближались, а в колледже я... — мои признания были прерваны внезапным стуком в дверь. — Кто там? — спрашиваю я Аика.

Он исчезает, а через секунду снова появляется.

— Это Джордж.

— Какого... — стук раздается снова, прерывая меня на полуслове.

Я слезаю с кровати, громко топая, подхожу к двери и резко распахиваю ее. Джордж делает шаг назад, и проходится взглядом по моей фигуре сверху вниз, отчего меня бросает в

жар. На мне надета только большая футболка, которая едва прикрывает мой зад. Она принадлежала Акселю, одна из его любимых.

— Это футболка твоего парня?

Поджав губы, я опускаю взгляд и стараюсь подавить желание въехать ему по самому уязвимому месту.

— И тебе привет, Джордж. Какой неожиданный сюрприз. Следует ли мне каждый день ожидать, что ты без предупреждения будешь оказываться возле моей двери?

Он закатывает глаза. Сегодня вечером Джордж выглядит чуть более ухоженным. Он зачесал волосы, надел джинсы и черную классическую рубашку. Он выглядит... сексуально.

— Сегодня воскресенье, — саркастично парирует он.

— И? — демонстративно спрашиваю я.

— Ты приглашена на ужин к моим родителям. Но если ты занята, то я передам им, что ты не смогла прийти, — судя по интонациям в его голосе, именно на это он и надеется.

— Черт, я забыла.

— Ты пойдешь, — приказывает Айк.

— Понятно, — бормочет Джордж. — Хотя я и уверен, что мои родители и младший брат будут рады видеть твою задницу, выглядывающую из-под футболки, но, может быть, тебе стоит надеть что-нибудь не столь вызывающее.

Он только что сказал «младший брат»? Я решаю, что расспрошу об этом Айка чуть позже.

— Дай мне десять минут. Заходи, — я открываю дверь шире и отхожу в сторонку, чтобы он мог пройти. Протиснувшись мимо меня, он заходит в комнату и осматривается. Конечно же, мой лифчик висит на спинке кресла, к которому Джордж и направляется. Схватив лифчик, он вручает его мне.

— Полагаю, тебе это понадобится.

Вырвав лифчик у него из рук, я сквозь зубы говорю слова благодарности:

— Спасибо.

Заперев дверь в ванной, я слышу, как он говорит:

— Боже, дай мне сил.

Двадцать минут спустя я уже готова. Я запираю дверь, поворачиваюсь к нему и вижу, что он уже оседлал мотоцикл. От этой картины мое сердце ухает вниз.

— Я привез для тебя шлем, не волнуйся, — говорит он, протягивая мне небольшой черный мотоциклетный шлем.

Мои глаза широко распахиваются, пока я, не мигая, смотрю на него. У меня перехватывает дыхание, когда в голове мелькают яркие огни и раздается визг шин по асфальту.

— Что такое? — спрашивает Джордж, скривив губы в улыбке. — Только не говори, что боишься прокатиться на мотоцикле.

Покачивая головой, я делаю шаг назад и пытаюсь нащупать ручку двери своей комнаты. Волной накатывает тошнота, и мне удается неуклюже открыть дверь как раз вовремя, чтобы успеть добежать до ванной, где меня выворачивает наизнанку. Дыхание становится затрудненным, пока меня сотрясают рвотные позывы, и я понимаю, что если не успокоюсь, то просто задохнусь.

— Черт, Шарлотта. У тебя приступ панической атаки. Что происходит? — спрашивает Айк, материализовавшись рядом со мной, но я не в силах ответить ему. Я цепляюсь за унитаз, пока желудок пытается избавиться от своего содержимого.

Через минуту я чувствую, как кто-то приподнимает мои волосы и что-то влажное и холодное касается моей шеи.

— Успокойся, Шарлотта, — тихо говорит Джордж, опускаясь на колени возле меня. — Все в порядке. Постарайся дышать как можно медленнее. Посмотри на меня, — командует он, и я смотрю на него, по-прежнему пытаюсь втянуть воздух в легкие.

Я ожидала увидеть страх или жалость, но не вижу ни того, ни другого. Джордж многозначительно смотрит на меня, пытаюсь отыскать меня там, где я затерялась в своих страхах.

— Делай вдох вместе со мной, спокойно и медленно.

Вместе мы медленно вдыхаем и выдыхаем, и спустя несколько минут Джорджу удается почти полностью успокоить меня.

— Хочешь поговорить об этом? — предлагает он.

— Нет. Лучше не надо, — хлюпая носом, отказываюсь я, чувствуя себя, как полнейший псих из-за того, что вот так сорвалась. Он, должно быть, думает, что я чокнутая. — Господи, мне так жаль, — выдавливаю я из себя, яростно растирая лицо, скорее всего перепачканное размазанной тушью.

— И мне. Я не собирался насмеяться над тобой. Мне следовало приехать на машине, — он поднимается с колен и протягивает мне руку, помогая подняться на ноги.

— Спасибо за это, — шепчу я.

— Я кое-что знаю о панических атаках, — признается он мягко. — У меня у самого было несколько приступов, когда... — он замолкает, и болезненное выражение искажает черты его лица. — Некоторое время назад, — заканчивает он свою мысль. Я понимаю, что он имеет в виду тот момент, когда погиб Аик, но он думает, что я ничего не знаю про это или, может быть, вообще ничего не знаю об этой части его жизни. Уверена, что ему больно обсуждать эту тему, поэтому решаю не давить на него. — Не буду мешать тебе приводить себя в порядок. Ты не против поехать к моим родителям на твоей машине?

После срыва, который со мной приключился, мне совершенно не хочется никуда ехать, но я знаю, Аик хочет, чтобы я поехала.

— Хорошо, спасибо, — я киваю, и Джордж выходит из ванной, прикрыв за собой дверь. Я ополаскиваю лицо и заново наношу легкий макияж.

— Ты в порядке? — спрашивает Аик у меня из-за спины. В отражении зеркала я вижу, что он обеспокоенно хмурится. Зная, что Джордж находится за дверью, в моей комнате, я просто киваю в ответ, хотя на самом деле я совсем не в порядке.

Мы приезжаем к дому МакДермоттов к четырем. К счастью, мы ехали на моей машине, потому меня больше не мучили приступы панической атаки. Когда мы останавливаемся напротив огромного дома, я в благоговении распахиваю глаза. МакДермотты, оказывается, владельцы мини-гостиницы. Передо мной огромный дом с увитым зеленью крыльцом и с большими круглыми колонами. Очень красиво, особенно из-за того, что на заднем фоне виднеются горы.

— Твое детство прошло здесь? — спрашиваю я с некоторой долей зависти.

— Поверь мне, тут все не так, как должно быть. Нам приходилось делить дом с незнакомцами большую часть года.

— Все равно, — добавляю я, — Дом очень... красивый.

— Не спорю, — соглашается он. — Моя мама предвкушает, что ты присоединишься к нам за обедом, — сообщает Джордж, положив руку мне на спину, чтобы помочь подняться по ступенькам. От его прикосновения я каменею. Я все еще не привыкла к этому ощущению, ощущению того, что ко мне прикасается мужчина, направляет меня, использует свое тело, чтобы указывать мне путь.

Пожалуй, это одна из тех вещей, которые обычно воспринимаются, как нечто само собой разумеющееся.

— Мне кажется, что у мамы появилась какая-то хитрая идея, что мы можем начать встречаться, — фыркает он, словно сама эта идея кажется смешной. Так как он не видит моего лица, я хмурюсь. Неужели я его совсем не привлекаю?

Не удержавшись, я отвечаю на его комментарий:

— Ох, — выдаю я, — разве она не слышала о твоей акции: «*Шарлотта — Антихрист*»? Я полагала, что к настоящему времени ты весь город склонил принять в ней участие.

Открывая входную дверь, он ухмыляется и слегка подталкивает меня, но его толчок оказывается достаточно сильным, чтобы я споткнулась. Вернув равновесие, я смотрю на него.

— Упс, — прикидывается он виноватым, — иногда я не осознаю, насколько силен. И нет, мне удалось втянуть в это только половину города, — и Джордж закатывает глаза.

— Говнюк, — бормочу я себе под нос, но он, видимо, слышит, потому что подмигивает мне.

— Вы оба смешны, — бормочет Айк, появившись возле меня.

— Мам! — громко зовет Джордж. — Мы приехали!

Изнутри дом такой же красивый, как и снаружи, с потертыми деревянными полами и величественной лестницей. Я следую за Джорджем в глубину дома, по пути изучая обстановку. Старинная мебель очень гармонично смотрится в этом доме. Воздух пропитан ароматами еды, и в желудке у меня урчит. Прошло уже так много времени с тех пор, как я в последний раз ела домашнюю пищу, и моему желудочку очень хочется снова ее попробовать.

— Джордж! — выкрикивает высокий темноволосый парнишка, пулей скатившись вниз по лестнице. Он выглядит моложе Джорджа. На первый взгляд ему лет семнадцать, и он чертовски симпатичный.

— Кэмерон, — Джордж улыбается, и они обнимаются, довольно сильно хлопнув друг друга по спине. — Приятно видеть тебя, братишка.

Так значит этот тот самый братишка.

Кэмерон отстраняется и наши с ним взгляды встречаются.

— А кто это у нас тут? — интересуется он, с важным видом направляясь ко мне.

Джордж снова закатывает глаза.

— Шарлотта, это мой младший брат, Кэмерон. Кэм, это Шарлотта.

— Приятно познакомиться, — здоровается Кэмерон, разглядывая меня.

— Мне тоже, — добавляю я. — Не знала, что у Джорджа есть младший брат.

— Ну, он мало кому об этом рассказывает. Я, совершенно точно, симпатичнее, чем он, поэтому он пытается скрывать меня ото всех.

— Ага. Я завидую твоей внешности, — колко отвечает Джордж.

— Еще бы ты не завидовал, — не остается в долгу Кэмерон. — Только взгляни на все это, — он машет рукой вдоль своего тела, — красивая кожа цвета кофе с молоком, глаза цвета красного дерева и безупречная улыбка.

— Никто и не спорит, — глумливо соглашается Джордж, — ты значительно симпатичнее.

— И это не говоря уже о размере моего...

— Кэмерон! — восклицает Беверли, приближаясь к нам.

Кэмерон улыбается и притягивает ее в свои объятия.

— Я собирался сказать «сердце», мам. У меня самое большое сердце в округе, — отстранившись, она многозначительно на него смотрит. — А что ты думала я хотел сказать? — с напускной скромностью спрашивает Кэмерон. — Ты же не подумала... о, нет... мама, как

ты могла, — притворно изумляется он. — Прекрати думать всякие непристойности, женщина.

Мы с Джорджем из кожи вон лезем, чтобы не рассмеяться, в то время как Беверли густо краснеет. Аик же открыто смеется в полный голос.

— Кэмерон МакДермотт, я изобью тебя до потери сознания.

— Пошлая, еще и обидчивая, — цокает языком Кэмерон. — Шарлотта, спаси меня, — шепчет он. — У меня молодой впечатлительный ум, но меня, кажется, воспитывает женщина с очень извращенным складом ума.

Беверли шлепает Кэмерона по руке.

— Джордж, — обращается она к сыну, — возможно, мне понадобится твоя помощь. Нужно вырыть яму на заднем дворе. Таковую, чтобы поместилось крупное тело.

Мы все смеемся, когда Кэмерон подхватывает ее на руки и начинает кружить.

— Я люблю тебя, ма. Ты ведь знаешь, что ты лучшая.

— Да, да, да, — отвечает она, когда он ставит ее обратно на пол, и проводит рукой по волосам, проверяя, в порядке ли прическа. — Я все еще намерена отшлепать тебя, — повернувшись ко мне, она берет меня за руки. — Так приятно снова видеть тебя, Шарлотта.

— И мне вас тоже, миссис МакДермотт. Спасибо за приглашение, — отвечаю я, улыбаясь.

— Мне потребуется еще немного времени, чтобы закончить готовить обед, но, уверена, Джордж придумает, чем тебя развлечь. Джордж, твой отец у реки, рыбачит. Почему бы тебе не пригласить Шарлотту туда и не представить их друг другу.

— Конечно, — соглашается Джордж. — Ты с нами, Кэм? — предлагает он брату.

— Нет, он не пойдет, — отвечает за сына Беверли. — Он поможет мне накрыть на стол.

— Я упоминал, что она защищает права несовершеннолетних о труде? — спрашивает меня Кэмерон.

— Серьезно? — смеюсь я.

— Кэмерон, — бормочет Беверли, — тебе лучше отправиться накрывать на стол.

После этого замечания Беверли сама с трудом удерживается от смеха.

Кэмерон прижимается ко мне

— Это признак того, что она собирается отлупить меня, — шепчет он.

— Рада, что я не на твоём месте, — шепчу я в ответ. — Она кажется строгой.

— Ты и представить себе не можешь насколько, — отвечает он.

Джордж выводит меня через заднюю дверь на крыльцо. Там он переобувается в резиновые сапоги, берет несколько удочек и прочих рыбацких принадлежностей, и направляется к воде. Подойдя к реке, мы видим пожилого мужчину, который забрасывает удочку в воду.

— Привет, пап, — кричит Джордж, и мужчина машет в ответ.

— Сегодня хорошо клюет форель, сынок. Заходи лучше в воду и намочи уже свою удочку, — кричит ему отец в ответ.

Когда мы доходим до кромки воды, Джордж бросает все, что нес, на землю, и указывает на что-то, смахивающее на спецодежду с резиновыми сапогами, прикрепленными к ней.

— Надень-ка это.

Я смотрю на свой наряд. На мне мои самые лучшие джинсы и подходящая к ним черная футболка с длинными рукавами. Не самый симпатичный наряд, но я одета вполне прилично и мне совсем не хочется испортить свои джинсы.

— Это защитит твою одежду, — объясняет Джордж, поднимая одну из своих удочек и начиная возиться с леской, привязанной к удилищу. Эта удочка не похожа на обычную классическую удочку.

— Защитит от чего?

— От воды, — и он машет в сторону воды.

— О, я не собираюсь... делать этого, — решительно отказываюсь я. — Я ни разу в жизни не рыбачила.

Губы Джорджа изгибаются в улыбке, но он не смотрит на меня.

— Значит, самое время научиться, — я бросаю взгляд на Айку, но он только улыбается, не отрывая взгляда от отца.

— Тебе понравится, Шарлотта. Рыбная ловля внахлест почти как религия в этих краях.

Я стараюсь не закатить глаза, что бы это ни означало.

Мы с Джорджем препираемся несколько минут, пока он не начинает угрожать, что сейчас защекочит меня и сам наденет на меня *достающие до бедер сапоги рыболова*. Я уступаю и надеваю их сама. Конечно же, они оказываются мне велики размеров на семь, и требуется немало сноровки, чтобы подойти в них к воде. Могу себе представить, как тяжело в них идти в воде.

— Возьми меня за руку, — предлагает Джордж свою помощь, входя в воду. Я хватаю его за руку и чувствую тепло, когда он переплетает свои пальцы с моими. Мы добираемся до его отца только спустя несколько минут, так как я постоянно поскальзываюсь на скользких камнях.

— Так это ты та красивая девушка, о которой моя жена отзывалась столь восторженно, когда вернулась домой? — обращается ко мне мистер МакДермотт, и я удивленно приподнимаю брови. Неужели Беверли, правда, восторженно отзывалась обо мне?

— Приятно познакомиться с вами, мистер МакДермотт, — говорю я.

— Зови меня просто Генри. Как мой сын обращается с тобой в ресторане? — спрашивает он, аккуратно подсекая рыбу.

— Ужасно, — уверенно жалуясь я. — Он самый худший босс, который у меня когда-либо был, — переведя взгляд на Джорджа, я показываю ему язык, а его отец смеется.

— Да, ну, вообще-то, она уничтожила коробку ликера на четыреста баксов, поэтому, держу пари, я имел право немного отругать ее, — начинает спорить Джордж, закидывая свою удочку.

— Но я заплатила за эту ошибку, — возражаю я. — Кровью. Хотя мне было очень стыдно стоять, выпятив попу прямо перед лицом Джорджа, пока он обрабатывал мой порез, и сейчас я пытаюсь посмеяться над этой неловкой ситуацией. Но, конечно же, Джордж не может просто посмеяться со мной за компанию. *Нееееет*. Ему нужно смутить меня еще сильнее.

Брови Генри взлетают вверх, и Джордж фыркает.

— Длинная история, пап, — объясняет он, заметив растерянное выражение своего отца. — Возможно, я расскажу ее за ужином.

Я округляю глаза и шокировано смотрю на Джорджа. Он не посмеет пересказать им все подробности... *или посмеет?* Джордж с широченной улыбкой на лице смотрит на меня.

— А может, ты сама хочешь рассказать эту историю, Шарлотта?

Зыркнув на него, я убираю несколько прядей волос за ухо и говорю:

— Конечно же, нет. Но раз уж мы завели об этом речь, у меня есть парочка других историй, которые я бы тоже могла рассказать о тебе.

Джордж не отвечает мне, а просто начинает сматывать леску на своей удочке. *Это его немного утихомирит*, — мысленно смеюсь я.

Обернувшись к мистеру МакДермотту, я вижу, что он ухмыляется мне.

— Джорджу нужна хорошая девушка, которая будет держать его в форме, — улыбаясь, говорит он. — Похоже, ты нашел ее, сынок, — он поворачивается и подмигивает Джорджу.

— Точно. Девушка мне нужна так же, как телеге пятое колесо, — угрюмо отвечает Джордж, чем зарабатывает от меня злобный взгляд. Мистер МакДермотт чувствует нашу... как бы это назвать? Неприязнь? Чем бы это ни было, он чувствует это и меняет тему.

— Ты когда-нибудь раньше рыбачила внахлест?

— Нет, сэр. Я вообще ни разу в жизни не рыбачила.

— Уму непостижимо, — констатирует он. — Покажи ей, как это делается, сынок, — велит он Джорджу.

В течение следующего часа Джордж рассказывает мне, как называются части нахлыстового удилища и принцип его работы. Он показывает мне, как правильно закидывать удочку. В какой-то момент Джордж с отцом почти синхронно забросили удочки, и это было до странности красиво. Закидывание удочки напоминает танец, запястье и локоть направляют удочку и она, изогнувшись, летит по воздуху, а затем почти сразу же после того, как удочка касается воды, они притягивают ее обратно. Движения так элегантны и неспешны. Впервые с тех пор, как я встретила Джорджа МакДермотта, я вижу его таким умиротворенным.

— Я пойду в дом, а вы двое долго не задерживайтесь, — подмигивает мне Генри

— Теперь твоя очередь, — заявляет мне Джордж, когда его отец начинает брести к берегу.

— Я вовсе не против просто наблюдать, — начинаю отказываться я. Каким бы простым ни казался процесс, все равно он требует хорошей координации движений, а у меня ее как раз и не хватает.

— Давай. Ты должна хотя бы попробовать, — настаивает Джордж.

Свои первые несколько попыток я безнадежно проваливаю, и в какой-то момент у меня вырывается словечко на букву «б», после чего я испуганно оборачиваюсь, чтобы убедиться, что его отец ушел и не слышит меня. Джордж громко смеется и забирает у меня удочку.

— Позволь я покажу тебе, — предлагает он и встает за моей спиной. Он прижимается грудью к моей спине, и мне становится жарко, а сердце начинает учащенно биться. Он берет меня за руку и вкладывает в нее удочку, а затем помогает мне правильно ее ухватить.

— А теперь, — выдыхает он мне в ухо, — представь, что удочка — это продолжение тебя; вы единое целое. Она должна быть гладкой и быстрой. Наживка или муха должна едва коснуться воды. Когда наживка приземлится, она должна держаться на поверхности. Если будешь тянуть ее, то форель догадается об этом по тому, как вода будет двигаться вокруг наживки, и клева не будет.

Расположив мои руки, как положено, он заводит свою левую руку вперед и помещает ее мне на живот. Второй рукой он мягко удерживает мою руку, а затем отводит ее назад. Мое тело молит о том, чтобы я теснее прижалась спиной к нему, но я сопротивляюсь. Вместе мы забрасываем удочку и тянем леску к себе. На пару мгновений я даже забываю, насколько неловкой является наша поза, потому что на самом деле мне очень приятно. Его губы находятся неподалеку от моего уха, и когда он говорит, вниз по всему телу распространяются приятнейшие вибрации. От Джорджа исходит приятный аромат, и пока он продолжает описывать прелести рыбалки внахлест, все мои мысли сосредоточены только на той точке, где соприкасаются наши тела.

Наконец-то, после того, как я несколько раз успешно закидываю удочку, мы направляемся к берегу. Джордж держит меня за руку, пытаюсь помочь идти в воде. Как только мы оказываемся на берегу, он смеется, когда я быстренько выскакиваю из рыбачьей спецовки, и от звука его смеха мое сердце начинает биться немного чаще. У него низкий грудной смех, до боли красивый.

— Ну, что скажешь?

— Неплохо, — смущенно признаю я.

Я не могу смотреть ему в глаза, потому что боюсь, что он догадается, о чем я думаю. Кажется, Джордж начинает мне нравиться. Уж не сошла ли я с ума? Но там, в воде, когда его тело прижималось к моему, я реагировала на его прикосновение. Я хотела, чтобы он прижимался ко мне. Что, черт возьми, со мной не так? Спустя секунду я выдавливаю из себя:

— Спасибо.

Я смотрю по сторонам, ища взглядом Айка, но его нигде не видно. Я хмурюсь, гадая, куда он пропал.

— Ты неплохо справлялась, — лжет Джордж, ухмыляясь.

— Если под «неплохо» ты подразумеваешь, что я полный лузер, то да, я была хороша, — ворчу я, и мои коленки опять ослабевают, когда снова слышу смех Джорджа МакДермотта.

— Рад, что тебе это занятие пришлось по душе, — говорит Джордж, берет меня за руку и ведет к дому. — А теперь время перекусить.

Вечер проходит чудесно. Я очень нервничала из-за этого ужина, но мне понравилась каждая проведенная там минута. Семья МакДермоттов очень дружелюбная и гостеприимная, и после того, как я провела в одиночестве и холоде так много времени, я испытываю удовольствие, которого уже давно не ощущала. Такое чувство, будто я дома.

После того, как я, не вдаваясь в подробности, рассказываю им откуда я и выдаю немного информации о своей семье, всеми правдами и неправдами избегая при этом упоминать об Акселе, мы приступаем к десерту. Беверли приготовила тирамису, как и обещала. Затем Беверли велит мужчинам заняться посудой, а мне предлагает пройти в гостиную.

Повсюду на стенах висят семейные фотографии Айка и Джорджа в футбольной и бейсбольной форме. Их фотографии, где они еще мальчишками рыбачат вместе с отцом. Там даже есть фотографии крошечного Кэмерона. Я смотрю на его фотографию, где он в солнцезащитных очках сидит за пианино; полагаю, что он изображает из себя Рея Чарльза. *(Примеч. Рей Чарльз — американский эстрадный певец (баритон) и пианист. Пел в различных стилях, особенно прославился как исполнитель в стилях соул и ритм-энд-блюз. В США считается одним из наиболее значительных «истинно американских» музыкантов послевоенного времени).*

— Кэмерон появился у нас, когда ему было уже двенадцать. Нам удалось достать его детские фото у одного из его родственников, — она улыбается, глядя на фото в моих руках. — У этого мальчика такой сильный характер. Я каждый день благодарю Бога за то, что он привел его в мою жизнь.

— Мне он показался очаровательным парнем, — соглашаюсь я.

— Его мать работала на Генри, но погибла в автомобильной аварии. Кэмерон всегда крутился в офисе после школы и Генри настоял на том, чтобы забрать мальчика к нам, если Кэмерон согласится. К счастью, он оказался не против, потому что последние пару лет нам было не до веселья, а Кэмерону каким-то образом всегда удается развеселить нас, — она внезапно затихает и делает шаг к стене.

— А это, — Беверли снимает фоторамку со стены, — мой Аик. Уверена, ты уже слышала, что мы потеряли его в Афганистане, — черты ее лица смягчаются, а эмоции во взгляде сменяют одна другую.

— Я слышала и искренне соболезную вашей потере, — мать Айка вручает мне рамку, и я улыбаюсь, глядя на Айка, одетого в смокинг по случаю, как я полагаю, его выпускного. Рядом с ним стоит девушка в длинном красном платье и радостно улыбается. Они выглядят такими беззаботными и классными — король и королева выпускного. Наверное, это и есть та девушка из старшей школы, о которой он рассказывал.

— Мне хочется злиться из-за того, что он ушел... винить Бога или еще кого-нибудь, но я не могу. Этот красивый мальчик вошел в мою жизнь, и мне была дарована честь любить его каждый день, пока он был рядом.

Что-то заставляет меня обернуться, и я вижу, что Аик вернулся. Он наблюдает за нами со спокойным выражением лица, слушая, как его мать рассказывает о нем.

— Если бы вы могли сказать ему что-нибудь прямо сейчас, и были уверены, что он услышит вас, что бы вы сказали?

Она хмурится, глядя на его фото.

— Я бы сказала ему, что горжусь им. Каждый день его жизни я была так горда быть его матерью. Я бы рассказала ему, что люблю его сильнее, чем это можно передать словами, и что буду помнить о нем до самого моего последнего вдоха.

От ее слов глаза начинает щипать от поступающих слез.

— Уверена, что он бы сказал вам, какая вы замечательная мать, — говорю я за Айку. Любой бы заметил, что эта женщина просто создана быть матерью.

Бeverли улыбается и вешает рамку с его фотографией обратно на стену.

— Я рада, что ты пришла к нам сегодня, Шарлотта. Надеюсь вы с Джорджем станете хорошей... хорошими друзьями.

Я ухмыляюсь.

— До сих пор наша дружба оставляла желать лучшего.

— У Джорджа сейчас не самые лучшие времена, но мне кажется, что ему просто нужно найти хорошую...

— Ты готова? — на полуслове прерывает ее Джордж, появившись в дверях гостиной. Его подбородок напряжен, а губы сжаты в тонкую линию. Несложно догадаться, что он чем-то недоволен.

— Мы можем еще задержаться, если хочешь.

Мне на самом деле хочется остаться. Я наслаждаюсь вечером.

— Нет, мне нужно идти. Должен кое с кем встретиться вскоре, — раздраженно отвечает он. Я бросаю на него взгляд. Наверное, решил встретиться с Мисти. Я стараюсь подавить желание сказать ему что-нибудь гадкое, но не хочется делать это, пока его мама стоит рядом с нами.

— Почему бы тебе не попрощаться с отцом и Кэмероном. Мне нужно переговорить с матерью, — сухо требует он.

В воздухе ощущается напряжение, когда я оборачиваюсь к Бeverли и обнимаю ее.

— Спасибо за превосходный ужин. Мне очень понравилось, честное слово.

— Не стоит благодарности, дорогая. Ты ведь еще заглянешь к нам в гости в ближайшее время, да?

— С удовольствием.

Я проскальзываю мимо Джорджа, но он даже не смотрит на меня. Прохожу на кухню, где мистер МакДермотт и Кэмерон спорят по поводу футбола. Они оба обнимают меня на прощанье, и я возвращаюсь в гостиную, чтобы сообщить Джорджу, что готова ехать, но когда приближаюсь к двери, слышу, как Джордж громко спорит с матерью.

— Я в порядке, ма, — убеждает ее он.

— Нет. Ты грустишь, но это нормально, Джордж. Аик был твоим близнецом, твоим лучшим другом. Но рано или поздно ты должен позволить себе снова стать счастливым, — уговаривает его Бeverли.

— Я счастлив, и совершенно не нуждаюсь, чтобы ты навязывала мне какую-то бродяжку. Я в порядке. Мне не нужна женщина, чтобы привести меня в чувство.

— Мне она показалась очень милой девочкой, — возражает ему Бeverли. — Я просто хочу видеть тебя счастливым, Джордж. По-настоящему счастливым.

— Мам... Я в норме. Поверь мне. Последнее, что мне сейчас нужно, это девушка, особенно с такими проблемами, как у нее.

Проблемами? Он что, черт возьми, прикалывается? Чья бы корова мычала... Услышав достаточно, я громко топаю остаток пути до гостиной, предупреждая их о моем приближении. Когда я заглядываю в комнату, они оба молчат, но на лице у матери Джорджа застыло смущенное и извиняющееся выражение.

— Я готова, — резко говорю я. — Еще раз спасибо, Беверли.

— Всегда пожалуйста, дорогая.

После этих слов, я быстро иду к своему внедорожнику, а через пару секунд меня догоняет Джордж. Он велит мне ехать обратно к моему отелю. Припарковавшись, я выхожу из машины и хлопаю дверью.

— Спасибо, Джордж. Увидимся на работе, — кричу я через плечо, доставая ключ от номера. Но когда я уже готова вставить его в замочную скважину, меня резко дергают назад, и я натыкаюсь на пристальный взгляд Джорджа.

— Резкая смена настроения?

Я высокомерно смеюсь.

— Смена настроения?

— Ага. Почему ты ведешь себя так стервозно?

— Вовсе нет, — возражаю я, открывая ключом дверь. — Просто у меня появились кое-какие *проблемы*, которые требуют решения, — с этими словами я захожу внутрь, захлопнув дверь у него перед носом. Спустя несколько минут я слышу рев мотоцикла, и Джордж уезжает.

— Чудненько, — фыркает Айк, сидя в кресле.

Зыркнув на него, я предупреждаю:

— Еще одно слово, Айк, и...

Переодевшись в пижаму, я забираюсь в кровать, и Айк ложится рядом со мной. Надо отдать ему должное, он не произносит больше ни слова.

Глава 11

Шарлотта

Из-за моего графика работы, мне приходится заскочить на заправку Мерсеров и перенести ужин. Мистер Мерсер прекрасно понимает, как остро я нуждаюсь в деньгах, поэтому мы договариваемся, что я присоединюсь к ним за ужином в начале следующей недели. Уходя, я замечаю в дальней части магазина темноволосую девочку, которая наблюдает за мной. Я слабо улыбаюсь ей и выхожу, гадая, не является ли ее удивленное выражение лица знаком. Я только что увидела еще одну душу?

Только я подхожу к машине, в которой уже материализовался Аик, как девочка появляется рядом со мной.

— Ты меня видишь?

Я зажмуриваюсь и громко вздыхаю.

— Дай угадаю, — сдаюсь я, — ты — дочка Мерсеров?

— Мэгги, — представляется она в ответ, заправляя прядь темных волос за ухо.

— Ты знаешь, почему ты здесь?

— Нет.

— Я могу видеть только те души, у которых осталось здесь незавершенное дело. Есть что-нибудь, что, как тебе кажется, ты не уладила в жизни?

Она хмурится.

— Мама ищет что-то и не может найти с тех пор, как я умерла. Я хочу, чтобы она нашла это.

— С кем ты разговариваешь, Шарлотта? — интересуется Аик, появившись из ниоткуда.

Мой взгляд метается между ними.

— Ты ее не видишь? — спрашиваю я.

— Вижу кого? — в унисон отвечают оба.

У меня брови ползут на лоб. Я и представить себе не могла, что души не могут видеть другие души.

— Я беседую с дочкой Мерсеров, — отвечаю я Айку, затем перевожу взгляд на Мэгги и говорю ей: — Я разговариваю с Айком МакДермоттом. Я и его могу видеть.

— А, да. Слышала, мои родители упоминали, что он погиб в Афганистане.

— Она сейчас здесь? — уточняет Аик, так как он не слышит, что сказала Мэгги.

— Да, — отвечаю я. — Давайте сядем в машину, пока кто-то не заметил, как я стою и беседую сама с собой.

Они оба материализуются в салоне и их души усаживаются так, что становится невозможно понять, где кто.

— Аик, ты не мог бы пересесть назад на минутку? Вы, ребята, слились в одно целое, чем вводите меня в замешательство.

Аик появляется на заднем сиденье, а я встречаюсь с полным энтузиазма взглядом Мэгги.

— Слушай, Мэгги. Хочешь освободиться?

— Что-то толкает меня. Словно хочет мне показать дорогу, но я не знаю куда. Там Рай?

Я раздраженно вздыхаю. Хотела бы я знать. Но дело в том, что я не знаю. Многие души описывали мне это притяжение, но никто не знал, что ждет их впереди.

— Мне жаль, что я не могу объяснить тебе все, — отвечаю я, заводя машину. — Хочешь, чтобы я помогла тебе с твоей мамой? Помочь тебе рассказать ей, где цепочка?

— Шарлотта, мне ненавистно вести себя, как засранец, но ты не можешь рассказать Мерсерам, на что способна, пока не поможешь Джорджу, — заявляет Аик. — Если все узнают, то это сильно осложнит дело.

Он прав. Джордж сейчас в беде, и мы понятия не имеем, как он может воспринять все это.

— Мэгги, мне нужно немного времени, прежде чем я смогу помочь тебе. Я сейчас как раз помогаю Айку и его ситуация довольно сложная. Если ты будешь терпелива, я обещаю, что помогу тебе, — даже представить себе боюсь, какотреагируют Мерсеры, когда я расскажу им, что могу общаться с их давно умершей дочерью, но если это утешит их, я должна рассказать им. Они так добры ко мне.

— Я умерла десять лет назад. Ничто не мешает мне подождать еще немного, — пожимает она плечами.

— Меня зовут Шарлотта, кстати говоря.

— Знаю. Мои родители часто думают о тебе.

Мое сердце екает от этих слов. Я появилась в этом городке, выглядя, как бездомная наркоманка, а ее родители встретили меня так тепло и радушно.

— Они замечательные люди, — говорю я ей. — Одни из лучших, которых я когда-либо встречала.

— Увидимся за ужином у них дома на следующей неделе, — говорит мне она.

— Эй, только будь внимательна. Постарайся не разговаривать со мной слишком много... это очень отвлекает, и поскольку тебя могу видеть только я, будет странно, если я начну разговаривать сама с собой.

— Я тебя услышала, — отвечает она и едва заметно улыбается. — Постараюсь молчать. Пока, — после этих слов она исчезает. Я слегка хмурюсь. Она, определенно, самая легкая в общении душа, которая мне встречалась.

— Она все еще здесь? — спрашивает с заднего сиденья Аик, когда я выезжаю с парковки перед заправкой Мерсеров.

— Нет, она ушла.

Он перемещается на переднее сиденье и смотрит в окно.

— Наверное, нелегко быть на твоём месте, Шарлотта? — задает он мне вопрос.

— Просто еще один день для меня, — уныло отвечаю я.

Последние два дня Мисти не видно, что чудесно, зато Джордж никуда не отлучается, конечно же. Он не говорит мне ни слова, только иногда может прорычать какое-нибудь поручение. После ужина у его родителей и его отношения ко мне, мне нужно пространство. Иначе я его скорее всего ударю, и весь мой план ему помочь полетит к чертям. К счастью, он решает закрыться пораньше сегодня вечером, поскольку народу мало, и мы ничего не зарабатываем.

Я как раз выметаю мусор из-под столиков, когда ко мне не спеша подходит Анна.

— Я уже ухожу, но заскочу за тобой в отель через час.

— Что прости? — переспрашиваю я в замешательстве.

— Сегодня пятница, и Ривер ночует у моей матери. А на танцполе будет выступать вполне приличная группа. Я заеду за тобой через час.

— Мне нечего надеть, Анна. Думаю, что я просто отправлюсь домой и лягу спать.

Уперев руки в бока, она поджимает губы и говорит:

— Нет, Шарлотта, ты пойдешь. У меня целая куча платьев и я заеду за тобой через час.

— Платьев? — озадаченно переспрашиваю я. Последний наряд, который можно было хоть как-то соотнести с платьем, был джинсовой юбкой, и я надевала ее лет пять назад. — Это какая-то шикарная дискотека?

— Нет, — вздыхает она, — но иногда приятно одеться красиво, если выдается такая возможность. Я не собираюсь привозить тебе платья наподобие тех, что надевают на

выпускной. Остынь. У меня есть одно, которое, я уверена, просто отлично будет смотреться на тебе. У тебя есть какие-нибудь сапожки?

— Есть какие-то черные... до колена.

— Отлично... увидимся через час.

Закончив со столиками, я направляюсь на кухню, где Снайпер почти закончил закрывать кухню.

— А ты собираешься на танцы сегодня вечером? — спрашиваю я, молясь Богу, чтобы так и было, и там был еще один человек, которого я знаю.

— Ага, Анна заставила меня.

Я смеюсь.

— Она тебе правда нравится, да?

Искоса посмотрев на меня, Снайпер ухмыляется и подмигивает мне. Полагаю, это и есть его ответ.

Час спустя, я заканчиваю наносить макияж и делать прическу, и мы с Айком сидим и ждем Анну.

— Не слишком ли много? — спрашиваю я, указывая на свое лицо.

— Нет, выглядишь сексуально, — заверяет он меня, улыбаясь мне своей знаменитой, захватывающей дух улыбкой. — Будешь там самой горячей девчонкой.

— Сомневаюсь, — возражаю я, но краснею.

— А я ни капли, — когда наши взгляды встречаются, мои щеки вспыхивают. Он так напряженно смотрит на меня.

Не знаю зачем, но я спрашиваю:

— Ты бы пригласил меня на танец сегодня вечером, если бы мог?

Он выгибает брови, удивленный моим вопросом. Встав, он смотрит на меня сверху вниз с серьезным выражением лица.

— Мы бы танцевали под каждую песню, черт возьми. Я не дал бы тебе ни единого шанса потанцевать с кем-то еще, — когда он сглатывает, его адамово яблоко дергается, а у меня сжимается сердце. Нет смысла отрицать, что между нами есть какое-то притяжение, и порой я гадаю, испытываю ли такие чувства только я, но теперь знаю точно. У Айка ко мне такие же чувства. — Но так как я не смогу, не потанцуешь ли ты со мной сейчас? — приходит *моя* очередь удивленно приподнимать брови.

— Но как?..

— Это может показаться странным, ведь мы не можем касаться друг друга, но мы можем одновременно двигаться.

— А музыка?

Улыбнувшись, он говорит:

— Я спою.

— Ты будешь петь? — ухмыляюсь я.

— Ну, я попробую, но уверен, что смогу исполнить эту песню.

— Ха, на все руки мастер? — дразню я.

— Руки-крюки, — самокритично отвечает он.

— Ладно. И как мы это сделаем?

— Встань вот сюда и положи руки на спинку стула.

— Зачем?

— Чтобы не упасть, — я делаю, как он велит, а он подходит ко мне так близко, как только может. Тело покалывает от желания прижаться к нему, но я сопротивляюсь этому

желанию. Не к чему прижиматься. — А теперь закрой глаза. Представь, что мои руки лежат на твоих бедрах, а твои руки обхватывают мои плечи, и покачивайся вправо-влево.

Я начинаю двигаться согласно его инструкциям, и когда он говорит, его губы оказываются рядом с моим ухом, и его голос проходит сквозь все мое тело, отчего я начинаю дрожать. Мне так сильно хочется почувствовать его, прикоснуться к нему. Он начинает напевать старую песню Трэвиса Тритта «Засынай». Эту песню мужчина поет женщине, которую еще не нашел, но он уже рассказывает ей, как сильно мечтает о ней, и как они будут жить, когда он найдет ее. У Айка потрясающий голос; глубокий и низкий.

Закрыв глаза, я слушаю, как Аик негромко напевает мне на ухо. Покачиваясь из стороны в сторону, я представляю нас на танцполе, где вокруг танцуют и улыбаются друг другу другие пары; где-то на заднем плане играет музыка, а Аик подпевает вслед за исполнителями песни. Вот так все и должно быть. Аик не должен был умереть, он должен был быть сейчас здесь, прижимать меня к себе и танцевать со мной. Мне хочется разозлиться, но слова песни так глубоко затрагивают меня, что я заставляю себя погрузиться в момент, пока он не закончился.

Потом мы бы танцевали под радио, до самого заката.

Пока ты бы не засыпала в моих объятьях.

Сердце начинает болеть, когда до меня доходит смысл, скрывающийся в словах песни. Аик рассказывает мне, как бы все могло быть, если бы мы могли быть вместе; если бы он был жив, и мы могли прикасаться друг к другу. Глаза у меня увлажняются, а горло сжимается от обилия эмоций.

— Открой глаза, Шарлотта, — шепчет Аик, и я понимаю, что песня закончилась. Я еще сильнее зажмуриваюсь, желая еще хоть ненадолго удержать этот чудесный момент. Мне не хочется отпускать его — образ, так четко нарисовавшийся в моей голове, где я танцую в объятьях Айка МакДермотта.

Когда я открываю глаза, мы по-прежнему стоим, покачиваясь в унисон.

— Спасибо, что потанцевала со мной, — тихо благодарит меня Аик и мягко улыбается. Его карие глаза ярко сияют. Боже, он такой красивый мужчина. Но прежде чем я успеваю ответить, раздается стук в дверь, и Аик быстро исчезает, затем снова появляется и сообщает:

— Это Анна.

Я по-прежнему стою на месте, вцепившись в стул и пытаюсь понять, как мне двигаться. Только что случился лучший танец в моей жизни, а мы даже не касались друг друга. Анна снова стучит в дверь, возвращая меня к реальности. Страхнув с себя романтический туман, который только что окутывал нас с Айком, я быстро направляюсь к двери и распахиваю ее.

— Черт, шикарно выглядишь, детка, — в качестве приветствия выдает Анна. Она тоже выглядит отлично. На ней черное платье и облегающий кардиган, а волосы распущены: прямые и блестящие. — Вот, — она протягивает мне зеленое хлопковое платье.

— Это оно? — я вытягиваю вверх руки с платьем и стараюсь не морщиться от того, каким маленьким оно мне кажется. — Я думала ты принесешь несколько платьев, чтобы я могла выбрать?

— Это самое лучшее. Уверена, ты в нем будешь выглядеть сногшибательно. Я в этом разбираюсь.

— Если я в него вообще влезу, — бормочу я, пока спешу в ванную переодеться.

Когда я выхожу из ванной, Анна расплывается в улыбке.

— Не сомневалась, что ты будешь выглядеть в нем горячо.

Я бросаю взгляд на Айка и вижу, что он, не отрываясь, смотрит на меня, а его челюсти сжаты.

— Красиво, — шепчет он, и я невольно расплываюсь в улыбке. — Я пойду, проверю как там родители, — информирует он меня, хотя я отвожу взгляд от него и увлеченно

собираю сумочку. После чего он исчезает. Я хмурюсь и размышляю, что могло расстроить его.

— Оно обтягивает тебя в нужных местах, — комментирует мой внешний вид Анна, имея в виду платье.

— Довольно смелый вырез, не считаешь? — спрашиваю я, пытаюсь подтянуть вверх низкий вырез платья и прикрыть грудь, которая так и норовит вывалиться. Я набрасываю на плечи кожаную курточку и еще раз бросаю взгляд на себя в зеркале.

— Отлично! Джорджа удар хватит, когда он увидит тебя в этом наряде.

— Что?! — я чуть не задыхаюсь и резко поворачиваюсь к ней. — Джордж?!

— Ага, он и Снайпер ждут нас на улице.

Не закатывай глаза и не стони, Шарлотта. Что Джорджу делать на танцах? Я удивлена, что он не отказался пойти, когда узнал, что я тоже иду на танцы.

— А с чего ты решила, что я хочу поразить Джорджа? — спрашиваю я с долей резкости в голосе.

Она бросает на меня понимающий взгляд.

— Потому что ты запала на него.

Мы с Анной располагаемся на заднем сиденье автомобиля Снайпера, а Джордж садится впереди. Я пыталась переубедить Анну, касательно ее заблуждений насчет того, что я запала на Джорджа, но она только улыбнулась, похлопала меня по плечу и сказала:

— Если ты так считаешь, дорогая, — и убежала к машине.

В пути они немного болтают, а я просто смотрю в окно и гадаю, где сейчас Аик. Наш с ним танец действительно был одним из самых романтических событий, которые когда-либо были в моей жизни. Только когда мы доезжаем до танцевального зала, парни замечают во что я одета. Джордж бросает на меня взгляд, поджимает губы и пулей мчится к бару.

Видимо, не так уж его и поразил мой наряд. А вот когда мое платье видит Снайпер, он — ну а как же иначе — делает мне комплимент, сообщая, что я выгляжу *чертовски сексуально*. Мне немного неловко, так как рядом со мной в тот момент стоит Анна, но она, кажется, не имеет ничего против. Видимо, его рука, обнимающая ее за талию, значит гораздо больше его слов.

Я, Снайпер и Анна занимаем столик недалеко от танцпола. Анна оказалась права, это вовсе не вычурная дискотека, и мне жаль, что я поддалась на ее уговоры и нацепила это платье. Мне было бы гораздо уютнее в джинсах.

— Пойду принесу нам всем что-нибудь выпить, — Анна встает и уходит в сторону бара.

— Вы двое, похоже, не ладите последнее время, — замечает Снайпер.

— А мы разве хоть когда-то ладили? — парирую я, догадавшись, что он имеет в виду Джорджа. Я осматриваю зал и замечаю его возле бара. Джордж как раз смеется над тем, что сказал ему парень, с которым он разговаривает.

Губы Снайпера растягиваются в печальном подобии улыбки, но прежде, чем он успевает открыть рот и ответить мне, возвращается Анна с нашими напитками.

— Снайпер, мне нравится эта песня, — сообщает ему Анна, очевидно намекая, что хочет потанцевать. Он забирает у нее свое пиво, делает большой глоток и, поставив бутылку на стол, берет Анну за руку и ведет на танцпол.

— Хочу потанцевать с самой красивой девушкой на этой дискотеке, — говорит он ей.

Звучит довольно быстрая песня, но эти двое танцуют просто отлично. Они смеются, когда он кружит ее, и хотя я и улыбаюсь, в груди ощущаю тупую боль. Порой я не осознаю, как сильно нуждаюсь в чем-то, пока не увижу это своими глазами у кого-то другого. Мне

хочется быть счастливой и купаться в лучах зарождающейся любви; прочувствовать эту прелюдию, после которой последуют еще более приятные моменты. Я редко задумывалась над этим последние лет шесть; точнее, не очень часто. Я давно уже одинока, но меня никогда не трогало, что я тоже жажду подобных отношений, по большей части видимо из-за того, что я на полном серьезе верю, что вряд ли найдется тот, кто сможет ужиться со мной и моим «даром». Если даже родные родители отправили меня подальше, то с чего вдруг какой-нибудь парень захочет брать на себя такую обузу? Поэтому я смирилась с жизнью, в которой нет и быть не может никакой любви. По крайней мере, до тех пор, пока в моей жизни не появились братья МакДермотт. Аик определенно произвел на меня впечатление, что стало причиной того, что я еще сильнее загрустила. Между нами не может быть никаких отношений, так зачем я тешу свое воображение? А еще есть Джордж. Наши отношения на сегодняшний день очень противоречивы, и я не знаю, как их вообще можно охарактеризовать. Несмотря ни на что, Джордж должен внести какие-то изменения и эти изменения должны стать кардинальными. Я решаюсь бросить взгляд на него и вижу, что он по-прежнему стоит возле стойки бара, спиной ко мне. К нему подходит Мисти и кладет руку ему на плечо. Я делаю вид, будто меня сейчас вырвет, не подумав, что кто-то может смотреть на меня.

— Почему такая милая девушка сидит в полном одиночестве? — раздается возле меня голос, и, подняв голову, я вижу очень высокого мужчину с широкими накачанными плечами и бородкой. На вид ему можно дать лет тридцать или что-то около того, и он симпатичный по местным меркам. Не успеваю я и рта раскрыть, как он присаживается рядом со мной и подвигается вплотную ко мне.

— Ты, должно быть, та самая новенькая, о которой судачит весь городок, — уточняет он, и я делаю глоток пива из бутылки в своей руке.

— Не знала, что я такая знаменитость.

— Когда в городе появляется красивая женщина, само собой разумеется, что все женщины оскорбляют ее, а все мужчины в округе хотят познакомиться с ней.

— Серьезно? — я хмыкаю в ответ на его прямоту. Он расплывается в улыбке, и я тоже улыбаюсь. Хотя мне он кажется симпатичным, не могу сказать, чтобы меня влекло к нему. Тем не менее, готова признать — как бы грустно и печально это ни звучало — я рада, что он флиртует со мной. Иногда нужны подобные мелочи. Иногда женщине просто нужно, чтобы мужчина проявил к ней внимание, и она поняла, что достойна этого внимания.

— Ты работаешь официанткой в «У Айка и Джорджа»?

— Ого. Полагаю, внимание всех направлено на меня, да?

— Маленький городок, мелочные душонки. Чем еще тут можно заняться? — объясняет он.

— Очевидно, танцы могут оказаться выходом из положения, — по моему затылку расплзается тепло, и мне начинает казаться, что кто-то наблюдает за мной. Бросив взгляд в сторону бара, я вижу, что Джордж пристально следит за моим общением с мужчиной, сидящим рядом со мной. Его губы вытянулись в тонкую линию, и он яростно сверкает глазами. Мисти следует за его взглядом и ее брови взлетают вверх, когда она понимает, что он смотрит на меня.

— Ну что ж, — незнакомец встает, сделав несколько последних глотков пива из бутылки, и ставит ее на стол. — Могу я пригласить тебя на танец?

Я отвожу взгляд от Джорджа и смотрю на симпатичного парня, стоящего передо мной. Я тоже делаю несколько глотков из своей бутылки пива — сосуда с жидким мужеством — затем вкладываю свою ладонь в протянутую мне руку, и он ведет меня на танцплощадку. Мы проходим мимо Снайпера и Анны, и они замирают, увидев нас, а потом переглядываются.

Играет очередная зажигательная песня, и мы с моим партнером, не сговариваясь, начинаем танцевать и у нас отлично получается. Оказывается, парень — отменный танцор, и

я постоянно смеюсь, так как уже и не помню, когда в последний раз танцевала столь беззаботно.

Когда песня сменяется на медленную, он притягивает меня к себе, берет меня за руки и кладет их себе на плечи, а сам обхватывает меня за талию, нежно сжимая ее пальцами. Эта поза несколько интимнее, чем мне бы хотелось, но я не хочу обижать его, поэтому решаю завести разговор, но он опережает меня, заговорив первым.

— Между тобой и Джорджем МакДермоттом что-то есть? — должно быть, по моему лицу становится понятно, как его вопрос ошарашил меня, потому что он сразу же добавляет: — Он наблюдает за тобой с того момента, как ты приехала.

Наблюдает? Джордж? Вот это новость, но очевидно, что этот парень ошибается, и воспринял его злобные взгляды за интерес.

— Мы работаем вместе, ничего больше, — отвечаю я, не понимая, зачем Джордж вообще тратит свое время, наблюдая за мной. — Ты хорошо танцуешь, — хвалю я его, отчаянно пытаюсь сменить тему.

— Ты и сама неплохо танцуешь, Шар, — отвечает он, а я удивляюсь, что он знает, как меня зовут, но затем вспоминаю, что обо мне сплетничает весь городок.

— Ты знаешь, как меня зовут. Узнаю ли я, как зовут тебя?

— Роджер, — отвечают мне откуда-то со стороны, и я почти захлебываюсь. Возле меня стоит Мисти и пытается справиться с невероятно трудной задачей — испепелить меня взглядом. У этой сучки стальные нервы, раз она способна делать вид, что ревнует, а сама при этом изменяет Роджеру с Джорджем. И тут меня осеняет. Мисти изменяет своему дружку-наркоторговцу с Джорджем. Я только что танцевала с наркоторговцем.

— Могу я украсть даму? — раздается голос Джорджа у меня из-за спины. Мисти злобно зыркает на меня, а Роджер смотрит на Джорджа взглядом, который словно говорит «*я все знаю*»; по крайней мере, мне так показалось.

— Эм... конечно, — соглашаюсь я, шокированная событиями последних секунд. — Ты не против, Роджер?

— Нет, ничуть, — взяв меня за руку, он целует тыльную сторону моей ладони, отчего глаза у Мисти становятся размером с блюдца. — Было приятно познакомиться с тобой, Шар. Еще увидимся, — и с этими словами он уходит с танцпола, а следом за ним спешит раздраженная Мисти.

Оглянувшись на Джорджа, я вижу, что он делает шаг мне на встречу, но стоит и ждет, что и я шагну ему навстречу. Лицо у него совершенно бесстрастное, словно он просто выполняет положенные действия, а на самом деле вовсе не желает танцевать со мной.

— От меня одни неприятности, босс. Я знаю, что вы двое просто пытаетесь прекратить отношения. Я не знала, что это Роджер, клянусь. Я ничего не сказала бы ему о вас двоих, даже если бы знала. Поэтому теперь, когда они ушли, тебе не нужно терроризировать себя и танцевать со мной.

Я делаю шаг в сторону, но он хватает меня за запястье и дергает обратно, отчего я прижимаюсь к его телу. Боже, как же приятно от него пахнет.

— Я пригласил тебя потанцевать, потому что, как и всякий парень, присутствующий здесь, хочу потанцевать с самой красивой девушкой в зале, — говорит он, и у меня отвисает челюсть.

— Это комплимент? — с сарказмом спрашиваю я. — А то я жду, когда ты «добавишь перцу».

— Тебе обязательно всегда быть такой занозой в заднице? — вопросом на вопрос отвечает он, чем зарабатывает убийственный взгляд.

— Прости, но это ты тренируешь на мне смены своего настроения, — парирую я. — Еще вчера я была девушкой, на которую ты не желал тратить ни минуты из-за моих проблем. А сегодня я самая красивая девушка в зале.

Начинает играть песня «*I Believe in Love*» Дона Уильямса, и Джордж обнимает меня одной рукой, положив ее мне на поясницу. Мою вторую руку он берет в свою и прижимает к своей груди. Мое предательское тело просто и глупо подстраивается под него, когда он начинает покачиваться.

Притянув меня к себе поближе, он прижимается губами к моему уху и шепчет:

— Давай забудем о нашем сумасшедшем поведении на три минуты, Шарлотта, и просто потанцуем. Ладно?

С трудом сглотив, я дважды киваю и позволяю себе насладиться моментом. Я растворяюсь в ощущении его тела рядом с моим, в красивой песне и манящем аромате Джорджа. Песня продолжает играть и на какую-то долю секунды мне кажется, что Джордж шепчет мне те самые слова, но так тихо, что я едва слышу их, но потом я понимаю, что он просто подпевает словам песни, что он вовсе не поет их мне. Но, тем не менее, я ловлю каждое его слово. Когда песня заканчивается, Джордж отстраняется; я встречаю взгляд его темных глаз, и он слабо улыбается.

— Спасибо за танец, — говорит он и затем уходит. Какого черта?

— Дамская комната. Немедленно, — рядом со мной из ниоткуда появляется Анна и утаскивает меня с танцпола. Я испытываю облегчение от этого, иначе так и стояла бы в центре танцпола и выглядела как идиотка. Когда мы заходим в туалет, она быстро проверяет, нет ли кого в кабинках, а затем хватается меня за плечи.

— Детка, — говорит она, — ты только что создала любовный квадрат.

— Что? — переспрашиваю я в недоумении.

— Роджер, Мисти и Джордж — любовный треугольник. Ты просто превратила его в квадрат.

— Что? Нет, — я решительно мотаю головой, не соглашаясь с ней. — Я же просто потанцевала с ними. Вряд ли это можно расценивать как то, что я разрушила любовный треугольник или что там у них, — хотя на самом деле мне становится нехорошо от этой мысли. Я плохо понимаю, почему мне претит мысль о том, что Джордж проводит время с Мисти. Я имею в виду, мы с ним не пара, черт... он думает, что у меня проблемы, и я ему определенно не нравлюсь. Но когда я вижу, как она улыбается ему, а он отвечает ей взаимной улыбкой, меня начинает тошнить.

— Роджер подошел к тебе из-за них, понимаешь?

— Из-за кого? Из-за Джорджа и Мисти?

— Зуб даю, он сделал это, чтобы разозлить их обоих.

— Так ты думаешь, он знает, что?..

— Уверена, что он подозревает, — Анна вытаскивает тюбик своей печально известной красной помады и начинает подкрашивать губы.

— Я не заинтересована, — признаюсь я ей, — ни в одном из них, — что не совсем правда, но мне лучше не думать о Джордже в подобном ключе. — Я понятия не имела, что это Роджер. Парень пригласил меня на танец, и я просто пошла танцевать.

Анна прищипывает губами и убирает помаду обратно в сумочку.

— Продолжай убеждать себя в этом, сладкая, — она ухмыляется и выводит меня из туалета.

Глава 12

Шарлотта

Остаток вечера на дискотеке прошел спокойно и весело. Пришли родители Джорджа, суетились вокруг меня, обнимали, что мне очень понравилось. Они удивительные люди. Мы с отцом Джорджа станцевали танец в линию, и он умолял меня выйти замуж за Джорджа, а если я не смогу, то дождаться, пока Кэмерон не достигнет совершеннолетия. (*Примеч. Танец в линию или линейный танец — групповой танец под музыку в стиле кантри*).

Джордж игнорировал меня, а когда мы собрались уезжать, решил не ехать со мной, Анной и Снайпером. Полагаю, домой его отвезли родители. Утешением после завершения драматического вечера мне послужило то, что Аик ждал меня, когда я вошла в свою комнату, и мне стало очень приятно.

На следующий день в первой половине моей двойной смены никаких драматических событий не произошло. Ни Джордж, ни Мисти так и не появились. Наверняка нюхали кокс и трахались, как кролики. Мне совершенно не понравилось, как меня разозлила эта мысль. Мне должно быть все равно; это их личное дело, если уж на то пошло. Я просто помогаю Джорджу, чтобы Аик смог уйти. По крайней мере, без Джорджа и Мисти в ресторане мой день прошел очень спокойно: никаких мерзких взглядов с ее стороны и плохого отношения с его. Аик хотел, чтобы я поехала домой к Джорджу и придумала какое-нибудь оправдание, почему оказалась там, но я не смогла сделать этого. Не после того, что произошло накануне вечером. Я увижусь с ним и Мисти завтра на работе.

Сегодняшний день тянется медленно и неуклюже. Мисти делает вид, что между нами все хорошо, и я *презираю* ее за это. Мне не нужно ее фальшивое отношение, в основном потому, что она притворяется гораздо лучше, чем я. Мне тяжело улыбаться людям, которые мне не нравятся. Я не умею разговаривать с такими людьми так, чтобы все мои мысли не отражались у меня на лице, и, несомненно, всякий раз, когда я разговариваю с этой провинциальной принцессой-проституткой, мое отвращение к ней заметно невооруженным глазом. Джордж работает на линии раздачи вместе со Снайпером и Грэгом, большую часть времени избегая меня.

Но я заметила его.

К сожалению.

На нем обтягивающая черная футболка, демонстрирующая его великолепное тело и мускулистые руки. Он чуть стройнее Айка, но все равно очень мускулистый. Может, он чуть стройнее из-за наркотиков, потому что помимо разницы в росте, прическах и цвете глаз, они абсолютно одинаковые. Я понимаю, что смотрю на него с вождением, на долю секунды забыв, какой он придурок, но ровно до тех пор, пока он не открывает рот.

— Как твоя задница? — ухмыляется он, вырывая меня из моего состояния обожания. Снайпер закусывает губу, стараясь сдержать смех, и подмигивает мне. *Черт его подери*. Я краснею от смущения. Поверить не могу, что моя попа была прямо перед лицом Джорджа. Не секрет, что ему нравится провоцировать меня и у него отлично это получается. Счет один-ноль в пользу Джорджа. Но в эту игру могут играть двое.

— Не знаю, — я соблазнительно прикусываю губу. — Может быть, ты сможешь осмотреть ее еще разок. Если не против, конечно.

Все трое мужчин замирают и смотрят на меня. Я бросаю взгляд на Айка, а он закатывает глаза, как будто раздражен. Я с трудом подавляю желание швырнуть в него лимон. В чем его проблема? Это же просто шутка.

— Эм, конечно. Я могу...

— Я пошутила, Джордж, — прерываю я его и смеюсь. Он бросает на меня сердитый взгляд и его губы идеальной формы вытягиваются в тонкую линию. — Я не доставлю тебе удовольствия лицезреть эту попу, — я слегка разворачиваюсь и указываю пальцем на упомянутую часть тела, — перед твоим носом, — дразню я. Знаю, что не должна. Джордж ненавидит меня, но не стану отрицать, что меня влечет к нему и его брату. Близнецы МакДермотты — симпатичные парни. Но хотя я и знаю, что не нравлюсь Джорджу, время от времени я ощущаю на себе взгляд его темных глаз. Это влечение обоюдное.

Но прежде, чем он успевает ответить, я беру две горячие тарелки с раздатчика и выхожу, чтобы отнести их на столик Пейтона. Выйдя из кухни, я слышу, как Снайпер говорит:

— Везучий ты, придурок, видел такую задницу.

Они все смеются в ответ, а я улыбаюсь сама себе, потому что я идиотка.

После этой выходки, Айка не видно весь вечер, за что я очень благодарна. То, что он мертв и пытается разговаривать со мной — постоянно — довольно сильно отвлекает, а если добавить к этому его красивую внешность, то я вообще не могу ни на чем сосредоточиться. Хотя без него легче, я понимаю, что ищу его, осматривая ресторан и кухню, просто чтобы убедиться, что он все еще со мной. Глупо, конечно, ведь я сама попросила его предоставить мне немного уединения, но какой-то части меня необходимо знать, что он рядом. Мысленно я ругаю себя за это желание. То, что я начинаю зависеть от его присутствия — не самые хорошие новости; Аик скоро покинет этот мир навсегда, и с этим ничего не поделаешь. Что тогда буду делать я? Но пока я знаю, что его душа все еще в этом мире, мне необходимо, чтобы он был рядом так же сильно, как необходимо дышать. Он единственный, на кого я могу рассчитывать сейчас, хотя и понимаю, как это абсурдно, ведь он мертв и абсолютно ничем не может помочь мне, кроме того, что постоянно находится рядом со мной.

Я подхожу к бару, где Пейтон и Либби смотрят телевизор, и смотрю на экран, чтобы понять, что их там так привлекло. Хватает одного короткого взгляда на фрагмент новостей, и мое сердце уходит в пятки.

«Полиция разыскивает водителя машины в связи с убийством Кейси Перселл. Тело Перселл обнаружили под мостом в Шарлоттсвилле, штат Вирджиния, и власти не отказались бы побеседовать с водителем джипа «Тойота» девяносто шестого года выпуска.

Из-за низкого качества съемки, полиции не удалось разглядеть номерной знак, но они знают, что машина серого цвета и уверены, что за рулем была женщина. Детективы обнаружили доказательства, которые помогут им выяснить местонахождение владельца машины. Если у вас есть какая-либо информация, пожалуйста, сообщите...»

Слова заглушает громкое биение моего сердца. *Обнаружили доказательства? Какие доказательства?* Я не убивала Кейси, но это не значит, что я хочу попасть на допрос. Как я объясню, откуда узнала, где найти ее? Вряд ли они поверят, что душа Кейси указала мне место. *Черт.* Мне казалось, что я была осторожна.

— Ты в порядке, Шар? — спрашивает Либби, положив руку мне на плечо, и я вздрагиваю.

— Ммм, да... — качаю я головой и сглатываю. — Просто мне нужен перерыв, — четвертый столик, который я обслуживаю, только освободился, и я знаю, что сейчас самое подходящее время сделать перерыв. Проверив два других своих столика, я убеждаюсь, что у них есть все необходимое, и обновляю их напитки. Я не курю, но иду к черному входу, намереваясь выйти туда, где накануне мы болтали с Анной, чтобы подышать свежим воздухом.

— Куда бежишь, милая? — зовет Снайпер.

— Просто решила сделать небольшой перерыв, — отвечаю я.

— Осторожнее, когда ты одна, Шар, — предупреждает меня Грэг. — Убедись, что дверь открыта, на случай, если мы понадобится тебе, чтобы мы могли услышать тебя.

Странное предупреждение. Этот город опасен для женщин? Должно быть, по моему лицу можно прочесть мои мысли, потому что Снайпер спешит объяснить:

— Грэг раньше служил в полиции в Чикаго. Мне пока не удалось убедить его, что Уорм-Спрингс и Чикаго не одно и то же.

— Лучше быть в безопасности, чем жалеть потом, — добавляет Грэг, помешивая овощи в сковороде, которую держит в руках.

— Я ценю твое беспокойство, Грэг, — с улыбкой благодарю я. — Спасибо.

Я делаю шаг, направляясь обратно в зал, когда внезапно передо мной материализуется Аик. Я спотыкаюсь, и мое сердце чуть не вылетает из груди. *Черт возьми, убью его, если он не прекратит так делать.* Но мои планы по его кончине быстро рушатся, когда взгляд его широко открытых перепуганных глаз встречается с моим.

— Что случилось? — инстинктивно спрашиваю я.

— Я ничего не говорил, — говорит Снайпер, и с подозрением на меня смотрит.

— Джордж, — Аик практически задыхается.

— Где он? — задаю я вопрос, и волоски на руках и на затылке встают дыбом.

— Где кто? — уточняет Снайпер.

— Где Джордж? — добавляю я, по-прежнему глядя на Аика.

— На улице. Парень Мисти и его брат только что появились и вышибли из него дух, — Аик поворачивается к задней двери.

— Черт, — шиплю я.

— Ты в порядке, дорогая? — интересуется Снайпер и неуверенно подходит ко мне.

— Снайпер. Ты мне нужен. Пошли со мной, — зову я и бегу обратно к черному входу.

— Следи за заказами, Грэг, — командует Снайпер и спешит за мной. Грэг занимает его место и принимает руководство на себя.

— Что, черт подери, происходит? — спрашивает Снайпер, плетясь позади меня.

Я не отвечаю. Вместо этого я выбегаю через черный ход, и мое сердце колотится как сумасшедшее в груди. Я видела Роджера на танцах и как-то не подумала, что это означает, что он вернулся в город. Черт! Я не присматривала за Джорджем, как предполагалось. Теперь он ранен, и виновата в этом я одна.

Когда добегает до парковки, мы находим Джорджа на земле, вся его рубашка и лицо в крови.

— Черт, — выдыхаю я.

— Какого черта? — ревет Снайпер, обгоняет меня и подбегает к Джорджу. Я бегу за ним и опускаюсь на колени рядом с Джорджем. Его лицо уже успело опухнуть, щека раздулась, а губа разбита и кровоточит.

— Этот чертов... — громко рычит Снайпер, но не заканчивает фразу. Он переворачивает Джорджа на спину и распрямляет ему руки и ноги.

— Нас готовили к такому. Снайпер знает, что делать, — заверяет меня Аик, стоя напротив нас со скрещенными на груди руками, на его лице отражается беспокойство.

Ночной воздух увлажнился после дождя и этого достаточно, чтобы любой вспотел, но я просто вся мокрая: блузка прилипла к спине, а пряди выбившихся из прически волос прилипли к шее и ко лбу. Я не хотела, чтобы так получилось. Я просто хотела вывести Джорджа на чистую воду, и, возможно, это помогло бы разлучить его и Мисти. Я думала, что мы со Снайпером — хотя Снайпер понятия не имеет, что происходит — сможем уберечь Джорджа, и он не пострадает.

— Он в порядке? — спрашиваю я и протягиваю руки, желая коснуться Джорджа, но не уверена, нужно ли мне это делать или где я могу коснуться его.

Снайпер хлопает Джорджа по той стороне лица, которая не пострадала.

— Очнись, придурок, — Джордж пытается приоткрыть глаз, который не заплыл, и стонет. — Да у тебя тут отличный фонарь, дружище, — сообщает ему Снайпер, пока пытается помочь сесть. — Принеси бутылку бурбона, — велит мне Снайпер, тянется к карману и вручает мне свою связку ключей. Я бегу внутрь и рычу от досады, пока пытаюсь подобрать ключ, чтобы открыть шкаф. Естественно, нужный ключ оказывается последним. Я хватаю бутылку бурбона, но когда захопываю дверцу шкафа, появляется Мисти.

— Какого черта ты делаешь? — пронзительно громким голосом спрашивает она, скрестив руки на груди и глядя на меня с подозрением. Она считает, что я краду бурбон.

— Это для Джорджа, — нервно отвечаю я. Я нервничаю не из-за нее, а из-за того, что мои нервы расшатались.

— Он просил тебя принести ему бурбон? — спрашивает она и стервозно выгибает бровь.

— Сейчас не время для твоих спектаклей, Мисти. Твой дружок — ага, знаешь, тот, которому ты изменяешь — только что надрал Джорджу задницу, — парирую я и, развернувшись, бегу к черному входу.

— Что? — кричит она мне вслед, и в ее голосе отчетливо слышится испуг.

Когда выбегаю на улицу, я вижу, что Снайпер уже успел усадить Джорджа. Сорвав пластиковую крышку, я вытаскиваю пробку и вручаю бутылку Снайперу.

— Выпей залпом, — Снайпер прижимает бутылку к губам Джорджа и тот большими глотками пьет. Я морщусь. Я могу выпить стопку залпом, но только не Wild Turkey. (*Примеч. Wild Turkey — бурбон премиум-класса с богатым насыщенным вкусом*).

— Джордж, — ахает Мисти, опускается перед ним на корточки и кладет одну руку ему на ногу. Не сдержавшись, я максимально долго закатываю глаза.

— Мисти, детка, — качает головой Снайпер, словно пытается сдержать свой гнев. Все, что я видела от дюжего повара линии раздач до сегодня были подмигивания флирта ради и кривые ухмылочки. Сейчас выражение его лица пугает. — Мы оба знаем, кто это сделал. Тебе лучше уйти. Возьми выходные на пару дней, и посмотрим, как пойдут дела.

Мисти яростно трясет головой.

— Роджер не стал бы...

— Мисти! — рявкает Снайпер. — Пошла вон отсюда, и передай своему ублюдочному дружку, что Снайпер еще придет к нему.

Мисти потрясенно молчит. Впрочем, как и я. Интересно, как бы он отреагировал, если бы узнал, что я тоже причастна к тому, что Джорджа избили. Снайпер невероятно страшен, когда зол.

— Проваливай! — Мисти тяжело встает и убегает внутрь. — Ты должна отвезти его домой, Шар, а я останусь и на сегодня закрою кафе. Сообщить можно только его родителям, но он убьет нас обоих, если мы сделаем это.

— Разве не нужно отвезти его в больницу? — спрашиваю я.

— Нет, — почти одновременно отвечают Аик и Снайпер.

— Но мои столики, — добавляю я.

— Я попрошу Пейтона обслужить их за тебя.

Я помогаю Снайперу дотащить Джорджа до моей машины, где он затаскивает его в салон и оставляет бутылку бурбона у него на коленях. Голова Джорджа наклоняется, хотя он пытается оставаться в сознании. Снайпер захопывает дверцу и на секунду наклоняет голову вниз, но затем медленно поворачивается в мою сторону и, увидев выражение его лица, я застываю. Он злится? На меня? Когда он хватается за руку и отдергивает на несколько метров от машины, я понимаю, что он определенно зол.

— Какого черта, Снайпер? — шиплю я. — Мне больно!

— И будет еще больнее, если не расскажешь мне как, черт возьми, ты узнала, что сегодня вечером Джорджа избьют.

— Я и не знала, — лгу я.

— Чушь! Что ты имела в виду тогда этим своим «У меня такое ощущение, что сегодня произойдет нечто важное и мне нужно, чтобы ты держал ухо востро»? Ты знала, что это может произойти. Ты сдала Роджеру Джорджа и Мисти, признавайся!

— Это правда? — ахает Айк, но я не смотрю на него. Я наблюдаю, как от злости пульсирует вена на шее Снайпера. Я оказалась слишком наивна, полагая, что правда никогда не всплывет.

— Да, — отвечаю я, и так уж совпало, что мой ответ адресован обоим парням.

— Какого черта? — стонет Айк.

Снайпер хватается за предплечья, крепко удерживая на месте.

— Ты хоть представляешь, как тяжело ему жить? В какие игры ты играешь? Пытаешься разлучить их с Мисти и занять ее место? — рычит он.

— Нет! — вскрикиваю я в панике.

— Расскажи ему, что ты видишь меня, Шарлотта, — настаивает Айк. — Скажи ему «друзья познаются в радости и в беде», — я повторяю слова Айка, и Снайпер замирает. — Он сказал эти слова на моей могиле, через месяц после того, как меня похоронили. Он не успел приехать на похороны.

— Ты пропустил похороны Айка, — тяжело дыша, выдаю я, все еще пребывая в панике. Снайпер слегка разворачивается и, прищурившись, устремляет на меня убийственный взгляд.

— Об этом любой мог узнать, — шипит он, но все же отпускает меня. — Зачем ты здесь?

— Расскажи ему все, как есть, — предлагает Айк.

Зажмурившись, я тяжело вздыхаю. Я вынуждена рассказать Снайперу правду, иначе он свернет мне шею. Ненавижу это. Поначалу мне никто никогда не верит. Затем мне задают пятьдесят вопросов, чтобы доказать, что я вру.

— Послушай, Снайпер, — начинаю я, — то, что я сейчас расскажу, звучит немного безумно, но мне просто нужно, чтобы ты выслушал меня, ладно?

Он скрещивает руки на груди и внимательно на меня смотрит, но не возражает. Мышца на его челюсти подергивается и мне приходится подавить свою нервозность и страх, прежде чем я продолжаю:

— Сюда меня привел Айк. Можно сказать, что я... медиум.

Снайпер молчит. Он просто продолжает смотреть на меня, поэтому я продолжаю рассказывать, чтобы хоть как-то заполнить неловкую тишину. Моя вредная привычка.

— Мы с Айком встретились несколько дней назад, и он попросил меня приехать сюда и помочь Джорджу. Понимаешь... Айк... он в состоянии неопределенности. Он не может перейти в иной мир, потому что у него здесь есть незавершенное дело, — Снайпер продолжает смотреть и мышцы на его челюсти подергиваются от злости.

— Он тебе не верит, — бормочет Айк, качая головой.

— К черту, Айк, — резко отвечаю я и перевожу взгляд на Айка.

Снайпер отступает на шаг и качает головой.

— Полагаешь, я поверю, что ты сейчас с ним разговариваешь?

— Да, — просто отвечаю я. — Задай мне вопрос, ответ на который мог бы дать только Айк. Может, какая-нибудь известная только вам двоим шутка или секрет.

— Я не собираюсь делать этого, чокнутая сучка, — от его слов я морщусь. Раньше он никогда не позволял себе так со мной разговаривать. Внезапно Снайпер делает один большой шаг ко мне — все мышцы на его руках вздуты, руки сжаты в кулаки — и мне становится страшно, но я все равно не собираюсь отступать. Я не лгу и меня не запугать.

— Хотя я и не знаю, что за игры ты тут ведешь, но тебе лучше исчезнуть с моих глаз долой и из этого города, иначе тебе не поздоровится, — я с трудом сглатываю и отступаю назад.

— Шарлотта, повторяй за мной, — командует Аик. Он говорит, а я кричу вслед Снайперу, который направляется обратно к моей машине, намереваясь вытащить из нее Джорджа.

— Под номером один в списке желаний было пописать во флягу сержанта МакФорбса и посмотреть, как он будет пить из нее, — прищурившись, я смотрю на Айка. — Это отвратительно, — сообщаю я ему.

— Мы ненавидели его, — пожимает плечами Аик и продолжает говорить то, что я должна повторить Снайперу, который застыл на месте.

— Желанием номер два было пойти вместе на матч Суперкубка если «Стилерзы» будут играть против «Сихоксов». А на твоей заднице набито тату — розовый единорог, какающий радугой! *(Примеч. «Питтсбург Стилерз» — профессиональный футбольный клуб из американского города Питтсбург, штат Пенсильвания. «Сиэтл Сихокс» — профессиональный футбольный клуб из американского города Сиэтл, штат Вашингтон).*

Я сразу же смотрю на Айка и взглядом спрашиваю: «Какого черта?» Аик смеется.

— Он проиграл пари и был безбожно пьян.

— Серьезно? — я поворачиваюсь к Снайперу, который медленно приближается ко мне. — У тебя на заднице есть розовый единорог, какающий радугой?

— Черт возьми, Аик, — рычит он. Когда его взгляд встречается с моим, в его глазах стоят слезы. Так трогательно наблюдать за тем, как парень вроде Снайпера проявляет эмоции. Словно наблюдаешь, как новорожденный делает свой первый вдох. Понятно, что подобное случается крайней редко, и поэтому это очень трогательно. — Он, правда, здесь? Он меня слышит сейчас?

— Да, — отвечаю я и слабо улыбаюсь, бросая взгляд на Айка. Его глаза тоже заволкло слезами.

Снайпер снова скрещивает на груди свои мощные руки.

— Это какое-то чертово сумасшествие, — вздыхает он.

— Знаю, — честно отвечаю я.

— Аик, дружище, я... мне так жаль, — извиняется он.

Аик отвечает, и я повторяю его слова Снайперу. Разговор получается очень эмоциональным для обоих парней, и даже мне хочется плакать спустя какое-то время, но они оба говорят друг другу такие чудесные и милые слова, которые способны понять только братья, побывавшие на войне. Отправляясь вместе в «Ад», мужчины верят, что вернутся домой невредимыми, а когда этого не происходит и один брат возвращается домой, а второй нет, то на выжившего вина давит с такой силой, что он практически не в состоянии дышать. Снайпер живет с этой болью, и с моей помощью Аик говорит ему:

— Просто твое время еще не пришло, брат. У Бога на тебя планы. Живи за нас обоих. И если ты можешь помочь нам, чтобы мы помогли Джорджу, это будет очень много значить для меня, и я смогу упокоиться с миром.

Из глаз Снайпера начинают течь слезы, сильные эмоции, волнами исходящие от него, задевают и меня. Я чувствую груз вины и печали, которые он нес на себе со дня смерти Айка. Они обмениваются еще парой фраз: Аик обещает, что всегда будет приглядывать за Снайпером, а Снайпер обещает, что всегда будет заботиться о семье МакДермоттов. И когда все слова уже сказаны, Снайпер протягивает ко мне свои большие руки и крепко обнимает меня.

— Мне так жаль, что я дал волю рукам, Шар. Ты представить себе не можешь, что это значит для меня. Спасибо тебе, — шепчет он мне на ухо, прерывисто дыша. Затем он отпускает меня, отступает назад на пару шагов и усердно трет лицо обеими руками. Общаясь

с мертвыми, я миллионы раз слышала слова, с которыми они обращаются к любимым, но слова этих парней было приятно слушать. Я смотрю на Айка, который по-прежнему молчит, и вижу, что слезы все еще струятся по его щекам, и понимаю, что благодарность Снайпера значит для него больше, чем я могла предположить; помогая Снайперу, я помогаю и Айку. А Айку я хочу помочь больше всего на свете.

— Полагаю, раз Джордж ведет себя по отношению к тебе как придурок, то он не в курсе, что ты видишь Айка и все такое.

— У него не самое подходящее настроение, чтобы принять правду, — поясняю я.

— Значит, это Аик велел тебе намекнуть Роджеру про Джорджа и Мисти?

— Эм... — я умолкаю и бросаю робкий взгляд на Айка. — Не совсем. Я, в некотором роде, проявила инициативу сама. Аик просто хочет, чтобы Джордж и Мисти прекратили встречаться, потому что она поставляет ему наркотики.

— Эта шлюха еще и наркоту распространяет, да? — хрипит Снайпер.

— Я думала, что если ты будешь рядом, а я буду настороже, то мы не дадим избить Джорджа. Мне просто хотелось, чтобы Роджер... ну, я не знаю, припугнул его что ли.

— Что ж, думаю, хорошая взбучка поможет ему лучше всего. Отвези его домой, а завтра мы еще поговорим на эту тему. Я помогу ему, чем смогу, — Снайпер похлопывает меня по плечу и его взгляд блуждает вокруг нас, словно он пытается увидеть Айка. — Я люблю тебя, дружище, — говорит он, а затем уходит через черный вход.

— Ты в порядке? — спрашиваю я Айка, который вместе со мной наблюдает, как уходит Снайпер, но когда его взгляд встречается с моим, я вижу, что в нем плещется злость.

— Его могли убить по твоей вине, — рычит он.

— Ты говорил, что Роджер его не убьет, — возражаю я.

— Ты должна была посоветоваться со мной, чтобы я следил за всем и не допустил, чтобы мой брат пострадал.

— Послушай! — прерываю его я. — Мне жаль, но что-то ужасное должно было случиться. Люди в городе видят, что Джордж пропадает, и они пытаются поддержать его, потому что им жаль видеть, как он страдает по тебе. Если я собираюсь помочь *ему*, тем самым помогая и *тебе*, ему нужно избавиться от всего этого, что означает, что Джорджу в голову нужно вбить немного здравого смысла.

— Не тебе это решать.

Я горько смеюсь в ответ.

— О, понимаю. Значит я для тебя просто марионетка? Ты отдаешь приказы, а я слепо повинуюсь, верно?

— Он мой брат!

— Мне, черт возьми, прекрасно известно кто он, Аик! — кричу я. — Но кто тогда я?!

Он тупо смотрит на меня с минуту.

— Кто ты? — в недоумении переспрашивает он, словно не понимает, что я имею в виду.

— Я единственный человек, который способен и хочет помочь тебе, так что отвали! — громко топая, я направляюсь к машине, оставив Айка дымиться от злости в одиночестве.

Глава 13

Айк

Смыв с Джорджа кровь, Шарлотта снимает с него окровавленную рубашку, укладывает его на диван и накрывает одеялом. Я чертовски зол на нее и решаю, что лучше мне повременить и не разговаривать с ней, иначе скажу что-то, о чем потом пожалею. Как она могла поступить так опрометчиво, если речь шла о жизни Джорджа? А если бы Роджер наставил на него пистолет?

Отдраив его квартиру «от и до» и игнорируя мое присутствие в процессе работы, около часа ночи она задремала в глубоком кресле возле дивана, а я просто смотрел на нее. Возможно, все это огромная ошибка. Может, я был неправ, попросив ее помочь мне. Мне нужно, чтобы она помогла мне спасти Джорджа, а не добилась того, чтобы его убили. Где-то через час Джордж начинает шевелиться. Медленно сев, он прикладывает ладонь к заплывшему глазу и морщится, когда касается его.

— Блядь, — стонет он.

Резко нагнувшись, он тянется к кофейному столику, шарит по нему рукой и замирает, когда понимает, что там ничего нет. Шарлотта выбросила весь мусор и даже протерла поверхность с помощью «Виндекса». (*Примеч. «Виндекс» — средство для чистки стеклянных поверхностей*). Джордж поворачивает голову, смотрит на кресло, в котором сидит Шарлотта, резко вскакивает и стонет. Очевидно, его покрытые синяками ребра причиняют ему мучительную боль. Само собой разумеется, что Шарлотта не просыпается от его болезненного стога; ее и пушкой не разбудишь. Джордж ковыляет на кухню и открывает дверцу шкафчика возле холодильника, пытаясь найти свою заначку, но там пусто. Шарлотта проверила каждый шкафчик и ящик и уничтожила все, что ей удалось найти. Она проверила даже бачок унитаза.

— Шарлотта, — громко произношу я ее имя, наблюдая, как Джорджа охватывает злость и паника. Ему очень нужны его наркотики, и он отлично знает, кого следует винить, что их у него больше нет. Но Шарлотта даже не вздрагивает. Джордж с грохотом задвигает ящик и распаивает дверцы шкафа над плитой, где он хранит спиртное. Но и там ничего нет. Все исчезло.

— Шарлотта! — еще повысив голос, зову ее я, но она только едва приоткрывает глаза и ерзает в кресле. — Проснись, черт подери! Он в бешенстве!

Джордж захлопывает шкаф и пулей летит прямо к ней. Шарлотта подскакивает, как будто ее ударило током, и смотрит на Джорджа. Я ожидаю увидеть страх в ее глазах, если уж на то пошло, он выглядит так, словно собирается убить ее, но она наоборот, будто бы даже рада. Она рада его ярости.

— Ты что с ума сошла, черт тебя подери? — кричу я на нее, а она просто пытается подавить улыбку, изгибающую уголки ее губ.

— Ты что, черт тебя подери, наделала? — орет на Шарлотту Джордж, остановившись прямо перед ней: не заплывший глаз сверкает от ярости, сжатые в кулаки руки прижаты к бокам.

— Что ты имеешь в виду, Джордж? — спокойно спрашивает она, словно это не он изрыгает огонь ей в лицо.

— Где они, твою мать?

— Где что? — переспрашивает она, прикидываясь дурочкой.

Он отступает от нее и, запустив руку в волосы, дергает их, словно пытается не утратить контроль над собой.

— Мое виски, мои... — он умолкает на полуслове. Он знает, что она в курсе о наркотиках, но, тем не менее, даже не в состоянии произнести это вслух.

— Твой кокаин? — уточняет она.

Он вздергивает голову и с яростью смотрит на нее не пострадавшим глазом.

— Это мой дом. Ты не имеешь права тут находиться и трогать мои вещи!

Шарлотта беспечно пожимает плечами.

— Я вытянула короткую соломинку и была вынуждена отвезти тебя домой после того, как тебя отметелил дружок Мисти.

— Это было недоразумение, — ворчит Джордж.

— Разве? — саркастически спрашивает она. — Да весь город в курсе, что ты спишь с ней, хотя она встречается с местным наркодилером.

— Это не их ума дело, и уж чертовски точно не твое! Ты должна мне три сотни баксов!

— Я ни черта тебе не должна! — орет в ответ Шарлотта. Теперь уже она сжимает кулаки по бокам от себя. — Я пытаюсь помочь тебе.

Качая головой, Джордж отступает.

— Я не просил о помощи, — спокойно говорит он, холод из его голоса никуда не делся.

— Ты все равно ее получишь. Она тебе необходима.

— Кто ты? Чертова мученица? Ха, спасибо, Мать Тереза, я в порядке. Можешь идти.

Джордж уходит в спальню, а Шарлотта смотрит ему вслед.

— Может, тебе действительно лучше уйти, — настоятельно прошу я, не желая, чтобы она давила на него. Он прекратит общаться с ней, если она разозлит его еще сильнее. Что в таком случае делать мне?

— Нет, — ворчливо отвечает она и идет вслед за моим братом.

— Блин, — стону я и провожу рукой по лицу. Сейчас все станет еще хуже.

Я материализуюсь в комнате Джорджа. Шарлотта уже стоит в дверях и наблюдает, как он копается в нижнем ящике комода, откуда вытаскивает маленький пузырек с таблетками.

— Да ты издеваешься что ли? — рычит Шарлотта.

Джордж выпрямляется и трясет пузырьком с гремющими в нем таблетками у нее перед носом, после чего проходит мимо нее.

— Можешь остаться и посмотреть или проваливай из моего дома. Выбирать тебе, — он смотрит на нее, зловеще ухмыляясь, и Шарлотта закатывает глаза. Помня о своих ранах, Джордж медленно опускается на корточки перед кофейным столиком и кладет таблетку на стеклянную поверхность. Он берет рамку с фотографией, где я на выпускном, и начинает ею крошить таблетку.

У Шарлотты чуть глаза не вылезают из орбит.

— Это еще что такое?

Джордж фыркает.

— Окси.

— Ты собираешься нюхать «Оксикодон»? Ты, черт возьми, издеваешься? — визжит она. (Примеч. «Оксикодон» — мощное обезболивающее, полусинтетический опиоид).

Джордж не отвечает ей. Похлопав себя по карманам, он вытаскивает бумажник, достает из него свои водительские права и продолжает измельчать таблетку карточкой. Шарлотта стоит, скрестив руки на груди, и с возмущением на него смотрит.

— Присоединишься? — ядовито спрашивает Джордж, прекрасно зная ответ. Он достает из бумажника банкноту в один доллар и начинает скручивать ее. Шарлотта, скорее всего не осознает, что он делает, но я-то прекрасно понимаю. Он пытается отпугнуть ее; показывает свою самую худшую сторону.

— Не делай этого, Джордж, — предупреждает Шарлотта, и даже я удивлен тоном ее голоса.

— Или что, Мать Тереза?

— Я расскажу твоей матери, — угрожает она.

Джордж надменно смеется.

— Она тебе ни за что не поверит.

Шарлотта закусывает губу, когда Джордж наклоняется к столу, чтобы втянуть в нос первую полоску порошка. Рывком она бросается к столу, падает на него и порошок разлетается во все стороны, когда стекло под ней трескается и разбивается на тысячи крошечных осколков.

— Да какого черта? — орет Джордж, когда она вскакивает: ее черная фирменная футболка «У Айка и Джорджа» со спины покрыта белым порошком и осколками стекла, а на лице застыло суровое выражение. — Пошла вон из моего дома! — рычит Джордж.

Схватив с пола рамку с моей фотографией, которой Джордж измельчал таблетки, она кричит:

— Что бы сказал Аик, если бы видел тебя сейчас? — кричит Шарлотта и тычет ему фотографию в лицо.

Джордж застывает.

— Серьезно, Шарлотта? — бормочу я. — Все зашло слишком далеко. Тебе лучше уйти, — уговариваю я. Меня, как близнеца Джорджа, который знает его, как свои пять пальцев, беспокоит непроницаемое выражение, застывшее на его лице. Не знаю, на что он способен в данную минуту.

Джордж медленно поднимает на нее взгляд, выпускает из рук долларовую бумажку и, выдернув из руки Шарлотты рамку с фотографией, швыряет ее на диван позади себя. В его состоянии у него уходит минута, чтобы полностью встать, и Шарлотта ждет, выпитив подбородок.

— Вон! — орет он. — Твою мать, вон сию же секунду!

В комнате наступает тишина, нарушаемая только их тяжелым дыханием. Взгляд Шарлотты падает на пузырек с таблетками, лежащий рядом с разбитым столом, и я сразу же понимаю, что у нее на уме.

— Не вздумай, — предупреждаю я, но не успеваю. Она бросается к столу, хватается за пузырек и летит в ванную. Джорджу, хотя ему и больно, довольно быстро удается догнать ее, матеря на ходу, но все равно, к тому времени, когда он добегают до ванной, я вижу, что Шарлотта уже спускает воду. Ее взгляд прикован к унитазу, где в вихре воды исчезают таблетки. В проеме появляется Джордж: он без рубашки, каждая мышца его тела напряжена. Ярость жаркими волнами исходит от него, и он в неверии смотрит на Шарлотту. Я тоже в замешательстве. Очень решительная женщина. Даже я представить не мог, что она поступит подобным образом.

Подняв голову, она закрывает пузырек крышкой и подходит к Джорджу, стоящему в дверях. Шарлотта не улыбается, но и признаков сожаления о содеянном в ее глазах нет. Прижав пузырек к груди Джорджа, она смотрит ему прямо в глаза и без тени страха заявляет:

— Держи. А теперь я ухожу. Спасибо, что пригласил меня к себе домой.

Она отпускает пузырек и тот падает на пол, так как Джордж не делает ни единого движения, чтобы поймать его. Протиснувшись мимо него, она спокойно идет в гостиную, но прежде, чем успевает дойти до входа в комнату, Джордж хватается за руку и разворачивает к себе лицом. Ее глаза слегка распахиваются, но почти сразу же к ней возвращается свойственное ей спокойствие. Я еще ни разу не видел Джорджа настолько злым. Уверен, он никогда не позволит себе ударить женщину, но судя по выражению его лица, я начинаю волноваться, что могу ошибаться на этот счет.

Прижав руки, сжатые в кулаки, к бокам, он наступает на нее.

— Ты прикатила в город, и я дал тебе работу. Ты приперлась ко мне домой и вылила всю мою выпивку и выбросила наркотики. Несмотря на то, насколько я зол, я мог бы забыть об этом, хотя я, скорее всего, уволю тебя завтра же с утра. Но не смей даже вид делать, что ты хоть что-то знаешь о моем брате или о том, через что мне приходится проходить, — после

всего, что она сказала и сделала сегодня вечером, я удивлен, что больше всего его разозлило именно то, что она упомянула меня, чтобы повлиять на него.

— И почему же это? — зло кричит в ответ Шарлотта, толкая его в грудь, и в ее глазах сверкает ярость. *Черт возьми!* Почему она внезапно так разозлилась? Всего пару мгновений назад она была само спокойствие. — Потому что ты единственный, кто потерял кого-то? — она толкает Джорджа еще сильнее, и он морщится. — Потому что ты единственный, кто хочет, чтобы все это закончилось навсегда? — и она толкает его еще раз, на сей раз крепко вцепившись в его руку, и Джордж спотыкается, удивленный ее агрессией. — Наркотики. Выпивка. Ты, черт возьми, прячешься за ними, Джордж, и Аик был бы сражен наповал, если бы мог видеть тебя сейчас!

Она замахивается, чтобы дать ему пощечину, но Джордж мгновенно перехватывает ее руку и прижимает ее к стене.

— Ты не знаешь меня, ты ни черта не знаешь об Аике, пошла ты, Шарлотта! Где ты успела обкуриться до такой степени, что смеешь говорить мне такие вещи?

— Потому что я знаю тебя! — орет она и пытается высвободиться из его хватки. По ее щекам текут слезы. — Я знаю, ты жалеешь, что это не ты умер вместо него. Ты считаешь, что он был лучше, что он всегда знал, как поступить и что сказать, а теперь, когда он ушел, ты чувствуешь, что никто и никогда не будет понимать тебя так, как он!

Замерев на мгновение, она делает глубокий вдох, опираясь на стену, к которой Джордж прижал ее, и ее губы дрожат.

Выражение лица Джорджа слегка смягчается, хотя он по-прежнему крепко удерживает ее; его грудь высоко вздымается при каждом рваном вдохе. У него явно все болит после того, как Роджер с братом отметили его, и я вижу, что он истощен. С трудом сглотнув, Джордж спрашивает:

— И откуда ты все это знаешь, Шарлотта?

— Потому что... — она качает головой и дергается, стараясь высвободиться из его хватки.

— Не дергайся! — командует он, снова прижимая ее к стене.

— Пошел ты, — всхлипывает она и бьет его коленом в пах. Когда он сгибается от боли, Шарлотта пытается сбежать, но Джордж хватает ее, и они оба, крича, падают на пол. Она царапается и извивается, но, вскарабкавшись на Шарлотту, Джордж садится на нее верхом и крепко прижимает ее руки к бокам.

— Расскажи же мне, откуда ты все это знаешь, — задыхаясь, требует он.

Шарлотта прекращает борьбу, видимо, осознав, насколько он сильнее. Ее грудь высоко вздымается и опадает, пока она пытается восстановить дыхание.

— Скажи мне, — повторяет свое требование Джордж.

— Потому что я вижу себя в тебе, — цедит она сквозь стиснутые зубы, как будто ненавидит его за то, что он заставил ее признаться в этом. — Всякий раз, когда я смотрю в твои печальные карие глаза, я вижу, как на меня смотрит мое собственное отчаяние. Думаешь, раз я не выросла в этом крошечном городке, то не могу знать, что ты чувствуешь? Так ты ошибаешься. Я понимаю тебя, как никто другой. Может быть, даже лучше, чем твой брат.

— Шарлотта, — шепчу я. — Ты о чем? Что ты задумала?

Она игнорирует меня, и смотрит в глаза Джорджу. Они, будто видят то, чего я не вижу или не могу видеть, но не знаю, это из-за того, что я мертв, или потому, что мне не дано это понять.

Джордж вздыхает.

— Кто это был?

— Мой брат Аксель, — тихо отвечает она. — Шесть лет назад.

Как вышло, что я не знаю о ее брате? Мне следовало спросить. Я должен был расспросить о ее жизни, но я был слишком занят спасением Джорджа. Как я мог оказаться настолько глупым, думая, что работа и жилье — решение всех ее проблем? Они оба сидят в протекающих лодках, а я попросил Шарлотту пересест в лодку Джорджа и помочь ему вычерпывать из нее воду, в то время как ее собственная лодка уверенно идет ко дну.

— Как это случилось?

Шарлотта с трудом сглатывает и от воспоминаний по ее щекам снова начинают катиться слезы.

— Авария на мотоцикле. Мы оба катались. Он умер, а я нет, — механическим голосом отвечает она.

Джордж крепко зажмуривает глаза, когда внезапно понимает.

— Паническая атака тогда... — шепчет он. Теперь все встало на свои места. — Черт, — бормочет он себе под нос. — Мне так жаль, — Джордж отпускает ее руку и слезает с нее. Они лежат бок о бок и молча, тяжело дыша, смотрят в потолок. — Аик погиб в Афганистане. Самодельное взрывное устройство.

— Анна рассказала мне, — отвечает Шарлотта, вытирая лицо. — Мне очень жаль, — добавляет она, глядя на меня. И я верю ей. Она искренне сожалеет о моей смерти. Когда наши взгляды на секунду встречаются, я наконец-то вижу то, что она описывала Джорджу. Вижу ее отчаяние, боль, и начинаю ненавидеть себя за то, что не заметил этого раньше. Я встретил ее в поворотный момент, когда она предпочла неизвестность, лишь бы сбежать из этого мира. Я знал, что ей было больно, но не думал, что вот так. Как я мог быть столь бесчувственным?

Спустя какое-то время Джордж встает и протягивает Шарлотте руку, чтобы помочь ей встать. Встав, она снова вытирает мокрые щеки, проводит пальцами под глазами, чтобы убрать потеки туши.

— После такой драки я бы не прочь выпить, — смеется Джордж. — Жаль, что одна боевая задира пришла сюда и вылила все в помойку.

Он пытается пошутить, чтобы немного поднять ей настроение.

Шарлотта вяло улыбается.

— Я больше не буду вмешиваться, Джордж, — с этими словами, она хватается за ключи с дивана и открывает входную дверь.

— Подожди! — зовет ее Джордж. — Куда ты собралась?

— Собираюсь вернуться в свой номер в мотеле и поспать. Я уезжаю завтра.

— Как это? — одновременно выкрикиваем мы с Джорджем.

— Надеюсь, ты все понял, Джордж, — и она закрывает за собой дверь, а мы с Джорджем остаемся и чувствуем себя покинутыми.

Развернувшись, мой брат проводит рукой по волосам, его глаза плотно закрыты. Он должен понять, что по-настоящему все испортил относительно Шарлотты. Спустя пару секунд он открывает глаза и берет мою фотографию с дивана.

— Что же мне делать, Аик?

— Бежать за ней, придурок! — кричу я, но он, конечно же, не слышит меня.

Глава 14

Шарлотта

Я плачу на протяжении всего пути в мотель. Поделившись болью с Джорджем и Айком, я будто сняла с себя кожу и обнажила свои внутренности. Прошло так много времени с тех пор, как я позволяла воспоминаниям о брате и его безвременной кончине вот так выводить меня из строя. Я не собиралась рассказывать об Акселе ни Джорджу, ни Айку, по крайней мере, точно не о том, как его смерть раздавила меня.

Заехав на парковку возле мотеля, я нахожу место для машины и бегу внутрь, надеясь, что Джинджер не увидит меня в моем нынешнем состоянии. Внутри темно, так что вряд ли это случится, к тому же сейчас два часа ночи, но я все равно спешу, просто так, на всякий случай. Оказавшись в номере, я включаю свет, и у меня душа уходит в пятки, когда я вижу Айку. Я знаю, что он разочарован во мне. Я бросила его брата. Я собираюсь уехать завтра, так и не оказав ему помощи в решении его незавершенного дела.

— Мне жаль, Айк, — хрипло извиняюсь я. Взгляд его карих глаз смягчается, и он проводит рукой по волосам — он частенько так делает — и вздыхает.

— Почему ты мне не рассказала?

— Потому что про такое тяжело рассказывать, — честно признаюсь я.

— Я бы хотел, чтобы ты рассказала мне об этом сейчас. Пожалуйста.

Наши взгляды встречаются, и он протягивает руку к моему лицу, словно хочет стереть слезу, катящуюся по моей щеке, но на полпути его рука замирает, и он медленно опускает ее, вспомнив, что не может. Я быстро вытираю мокрые щеки и опускаю взгляд вниз. Ненавижу, что именно в данную минуту он не может прикоснуться ко мне.

Его прикосновение, объятие ощущалось бы чудесно. Уже очень давно никто не обнимал меня, не утешал физически. Возможно, частично в этом есть моя вина — я никого к себе не подпускаю, но сейчас я бы отдала все что угодно, чтобы почувствовать прикосновение Айку. И как бы странно это ни прозвучало, я была бы не против почувствовать прикосновение Джорджа тоже. Близнецы такие разные, я бы даже сказала полные противоположности, но меня тянет к каждому из них по совершенно разным причинам. Один настолько сильный и ответственный, что даже смерть не в силах помешать ему заботиться о тех, кого он любит. Другой сломлен и потерян, и с одной стороны мечтает открутить время назад, а с другой — пытается любыми способами забыть о времени. В Джордже я вижу себя, и мое желание спасти его напрямую связано с желанием спастись самой; словно, выдернув его из черной дыры, в которой он барахтается, у меня появится шанс вырваться из ада, в котором я живу последние шесть лет. В Айке я вижу надежду. Вижу, что, может быть, при достаточном количестве любви спасение все-таки возможно.

Но прежде чем я успеваю ответить Айку, раздается стук в дверь, и я, кажется, догадываюсь кто это. Я открываю дверь и вижу Джорджа: его заплывший глаз, сильно разбитую губу. Плечом он опирается о дверной проем. Он не ждет, что я приглашу его войти, а просто протискивается мимо меня, вынуждая меня отступить, и закрывает за собой дверь. Мы стоим друг напротив друга и смотрим друг другу в глаза. Я ненавижу слабую жалкую девчонку, которой являюсь на данный момент. Все, чего мне сейчас хочется — упасть на пол и разрыдаться. Пословица гласит, что на миру и смерть красна, и так оно и есть. В Джордже отражаются все ужасные чувства, которые я испытываю, и хотя моменты, которые у нас были, по большей части не были приятными, мне кажется, что находиться рядом с ним — все равно, что быть с тем, кто тебя понимает.

Он смотрит на меня здоровым глазом, и уголки его губ приподнимаются. Не успеваю я опомниться, как он уже вытирает мне слезы, а когда я прижимаюсь щекой к его ладони, он обхватывает меня второй рукой и притягивает к себе. Своими худыми руками я обнимаю его

за талию. Джордж тихо шипит от боли, и я сразу же убираю руки, вспомнив, что у него сломаны ребра, но он все равно прижимает меня к себе.

— Не останавливайся, — велит он, поэтому я крепче обнимаю его и прижимаюсь лбом к его груди. Проходят минуты, часы, я не знаю сколько... но мы стоим и обнимаем друг друга. Это не интимные или сексуальные объятия, это утешительные объятия человека, который понимает меня. Когда мы, в конце концов, размыкаем наши руки, я осматриваю взглядом комнату, но Айка нигде нет. Это разбивает мне сердце. Именно так ему хотелось утешить меня, но он не смог.

— Не уезжай, Шарлотта, — нарушает тишину Джордж. — Я знаю, что вел себя как придурок. Я все испортил, но считаю, что ты должна остаться, — он проводит рукой по своим спутанным волосам и вздыхает. — Думаю, если ты останешься, мы могли бы стать хорошими друзьями, и честно тебе признаюсь, мне очень нужен друг.

Я облизываю свои пересохшие губы.

— Я останусь, если ты пообещаешь мне кое-что.

Он фыркает.

— Что же?

— Больше никаких наркотиков. Я серьезно, Джордж. Никаких.

Он с трудом сглатывает и кивает.

— Договорились.

Мне дали выходной — привилегии дружбы с боссом, я полагаю, поэтому я выпалась. Проснувшись, я почти сразу одеваюсь и отправляюсь в главный офис, чтобы получить у Джинджер инструкции. Кроме меня до сих пор никто не зарегистрировался в отеле, но я вызвалась провести генеральную уборку комнат и пообещала прибраться сегодня в трех номерах. Надеюсь, что все комнаты будут в идеальном порядке к следующей неделе, когда начнут прибывать постояльцы.

Джинджер несказанно обрадовалась и, показав, где найти тележку с приспособлениями для уборки, спроводила меня. И честно говоря я благодарна за любое занятие, которое отвлечет меня от мыслей о событиях вчерашнего вечера.

Джордж ушел сразу после того, как мы пришли к согласию. Мы оба ступаем на неизведанную территорию, оба не знаем, как будет развиваться наша дружба, но мы согласны попробовать. Прошлым вечером Аик так и не вернулся, и я волнуюсь. Полагаю, он все еще зол на меня за то, что я отправила письмо Роджеру. Я понимаю, почему он чувствует себя так — его брата избили. Само собой разумеется, что он зол на меня.

Закончив уборку, я возвращаюсь в свой номер с намерением принять душ. Как только раздеваюсь, раздается стук в дверь. Завернувшись в полотенце, я открываю дверь и обнаруживаю на пороге Джорджа, с заплывшим глазом, но с улыбкой на лице. В руке он держит коричневый бумажный пакет с масляными пятнами.

Увидев меня в полотенце, он широко распахивает свой здоровый глаз.

— Привет, — с трудом сглотнув, выдавливает из себя Джордж.

— Привет, — отвечаю я, но жар ползет вверх по шее и щеки покрываются румянцем. Прижав полотенце крепче к телу, я откашливаюсь.

— Ты всегда открываешь дверь, не спрашивая, кто пришел, и на тебе при этом из одежды одно полотенце? — ругает меня он.

— Я тоже рада видеть тебя, Джордж, — ворчу я. — Чем могу помочь?

— Я принес ланч для миледи, — объясняет Джордж. — Полагаю, я задолжал благодарность своему новому другу.

Я чувствую, как в груди бьется сердце. Не ожидала от него такого милого поступка.

— Чудесно. Умираю с голоду, — я открываю дверь, чтобы он мог войти, но он отступает назад.

— Одевайся, я подожду тебя тут. Может быть, у нас получится устроить пикник. Я знаю одно отличное местечко.

— Ладно. Буду готова через пару минут, — соглашаюсь я и закрываю дверь. Надев последнюю чистую пару нижнего белья, я быстро натягиваю несвежие джинсы и футболку, и хватаю куртку со стула у двери. Увидев его джинсы и облегающий серый свитер, я понимаю, что сегодня не принимала душ и даже не потрудилась взглянуть на себя в зеркало. Догадываюсь, что выгляжу ужасно. — Я сегодня не принимала душ, так что извини, если от меня пахнет.

— А я-то гадаю, что за противный запах, — дразнит меня он. Я закрываю дверь, и мы направляемся к его «Бронко» — выдавшему виды красному джипу на высоких колесах. (*Примеч. Ford Bronco — внедорожник компании Ford*).

— Ты забавный, — парирую я. — Отличная тачка. И сколько жрет этот зверь, не меньше литра за восемь километров?

Джордж смеется, и у меня сводит мышцы живота. У него удивительный смех. Он напоминает выстрел из ружья; его смех удивляет меня, я оглушена и немного нервничаю. Джордж открывает пассажирскую дверь и, положив руки мне на бедра и приподняв меня, помогает забраться внутрь.

Меня бросает в жар от его прикосновений. Мне бы хотелось контролировать реакцию своего тела, когда бы он ни коснулся меня, но я не могу. Мне остается только надеяться, что он не замечает эту мою реакцию на него.

— Это наша с Айком первая машина. Мы потратили на нее все наши сбережения, но нам было шестнадцать, и наша машинка считалась самой крутой в школе.

Улыбнувшись от этой мысли, я смотрю по сторонам, выискивая взглядом Айка, но его по-прежнему нигде не видно. Я хмурюсь. Мне не нравится, когда его нет рядом. Джордж везет нас вверх на гору, и через десять минут мы приезжаем к небольшому пролеску. По пути он указывает на дома и рассказывает, кто там живет и как они познакомились. Очевидно, он знаком с каждым жителем этого городка, потому что нет ни одного дома или фермы, мимо которых мы проезжаем, чтобы он не знал проживающую там семью. Дорога очень крутая, и если посмотреть направо, то сразу увидишь обрыв. Один неправильный поворот или отклонение от курса, и мы упадем и разобьемся насмерть. Пока «Бронко» Джорджа, накренившись, преодолевает труднопроходимую местность, я спрашиваю:

— Ты привез меня сюда, чтобы убить?

— Кажется, вчера вечером такая мысль мелькнула у меня в голове, когда я понял, что ты все выбросила и вылила, — отвечает он, ехидно улыбаясь.

— Как ты себя чувствуешь? Ломка уже началась?

— Нет еще, но думаю, что сегодня вечером или завтра утром мне будет не очень хорошо. Но мне нужно работать, надеюсь, это отвлечет меня. А может, ты захочешь прийти сегодня вечером и помочь мне отвлечься, — подмигивает мне Джордж. — Уверен, что ты найдешь парочку способов вывести меня из себя.

— Точно, — соглашаюсь я и показываю ему язык. У меня легко получается злить Джорджа. — Как бы заманчиво это ни звучало, но у меня есть планы.

— Какие же? — нахмурившись, интересуется он.

— Ужинаю у Мерсеров, — объясняю я, копаясь в сумке, пока не нахожу тюбик гигиенической помады.

Пока мы вылезаем из машины, я молюсь, чтобы Джордж оказался прав насчет того, что у него получится отвлечься от симптомов ломки, но у меня такое чувство, что все окажется гораздо хуже, чем он ожидает. Вытащив с заднего сиденья одеяло, он расстилает его на

траве, и мы садимся в центре вырубки. Листья уже начали менять цвет, и осень поцеловала деревья желтым, оранжевым и красным оттенками.

— Где мы? — спрашиваю я Джорджа, когда он достает из пакета бургеры, завернутые в вощеную бумагу.

— Эта земля принадлежит моему отцу. Иногда мы приезжаем сюда отдохнуть на лоне природы.

— Здесь красиво, — отмечаю я, распаковывая свой бургер. — Очень мирно. Мне очень нравится цвет листьев.

— Через неделю другую тут и не такое будет. «Крайола» бы умерла от зависти. (Примеч. «Крайола» — бренд художественных изделий, принадлежащий компании Crayola. Основная продукция — разноцветные восковые мелки). К концу следующей недели тут будет не протолкнуться.

Откусив большой кусок от своего бургера, Джордж поднимает голову и жует с задумчивым выражением на лице.

— Мы с Айком частенько приезжали сюда, — я снова смотрю по сторонам, высматривая Айку, но его по-прежнему нет. Где же он? — Мы и девчонок сюда привозили, — признается Джордж с ухмылкой. — Мы, правда, были классными парнями.

— Оу, — я изображаю обиду, — а я-то думала, что я особенная, — дразню я. — А оказывается одна из многих.

— Это было в старшей школе, и куда еще мог подросток пригласить девушку, чтобы немного побыть с ней наедине? Либо сюда, либо в амбар. Мы предпочитали прятаться тут.

— Так вот что ты делаешь? — я не могу сдержаться и не задать этот вопрос. — Прячешь меня или нас от всего города?

— Зачем мне скрывать нашу дружбу?

— Может быть, Мисти разозлится, когда узнает?

Он снова откусывает от своего бургера и медленно жует, а я гадаю, не пытается ли он выиграть немного времени, прежде чем ответить мне. Наконец, дожевав и слизав кетчуп с большого пальца, он отвечает:

— Догадываюсь, что кажусь тебе жалким.

Я слегка приподнимаю голову. Это совершенно не то, что я думаю.

— Нет. Вовсе нет, — возражаю я.

— Я имею в виду наркотики и то, что я тусовался с чужой девушкой. Я вовсе не горжусь этим, — он отводит взгляд в сторону, чтобы не встречаться с моим. Ему стыдно.

— Мы все по-разному справляемся, — говорю я. Я последний на Земле человек, который смеет осуждать Джорджа. Конечно же, он занимался тем, что мне совершенно не нравится, но еще совсем недавно я собиралась покончить жизнь самоубийством, так чья бы корова мычала? По крайней мере, он пытается бороться с болью, а я хотела с ней покончить. Может быть, я не настолько сильна, как думаю.

— То, что произошло между мной и Мисти, просто произошло, а потом все начало расти, как снежный ком. Но мы не вместе... мы просто друзья.

— Но ты все равно не хочешь, чтобы она видела нас вместе, верно? — он склоняет голову набок и смотрит на меня так, словно мой вопрос озадачил его.

— Ты хочешь, чтобы нас видели вместе, Шарлотта? — серьезным голосом спрашивает он, и я в замешательстве хмурюсь в ответ на его вопрос.

— Что ты имеешь в виду? — уточняю я и впииваюсь зубами в бургер.

— Я просто думал, что ты не захочешь, чтобы нас видели вместе. Очевидно, ни для кого не секрет, что я встречался с Мисти, а с учетом того, что ты знаешь о наркотиках и остальном... Плюс, я выгляжу так, будто меня бейсбольной битой отдубасили.

Облизнув губы, я качаю головой.

— Думаешь, мне было бы стыдно, если бы меня увидели с тобой?

— А что, нет?

Наклонившись вперед, я кладу руку ему на ногу. Он замирает и переводит взгляд на мою руку.

— Ты теперь мой друг, Джордж. И я не стыжусь этого.

Когда его глаза цвета кофе встречаются с моими, один уголок его рта приподнимается.

— Ага. Тебе чертовски повезло, что я твой друг, — смеется он.

Закатив глаза, я снова принимаюсь за бургер. Дожевав, я спрашиваю Джорджа:

— Так, как у вас в городке развлекаются?

— Ты имеешь в виду, есть ли что-нибудь помимо «эпичных» танцев в клубе, — насмехается он.

— Именно, — ухмыляюсь я. — Что-то помимо танцев.

— Охота, рыбалка, пешие прогулки и выпивка, — перечисляет он.

— Звучит увлекательно, — фыркаю я, но на самом деле в какой-то степени это действительно замечательно. Есть в этом всем что-то очень спокойное, и разве это не то, чего я хотела больше всего на свете последние пару лет?

— Ну, это не всякому подходит, — отмечает Джордж. — Но здесь дом. А не взять ли мне тебя на прогулку как-нибудь на днях?

— О, Боги, — восклицаю я, старательно изображая южный акцент, и прижимаю руку к груди. — Меня ждет гранд-тур по округу Бат с самим Джорджем МакДермоттом. Это будет мой самый счастливый день.

— Угу, вижу, твой интерес ко мне растет и растет. Как грибы.

— Ты и правда знаешь, как заставить девушку почувствовать себя особенной, Джордж, — отвечаю я и швыряю в него смятой оберточной бумагой. — Бургер был очень вкусный, но боюсь, что, съев его, я набрала килограммов двадцать.

— Если встанешь, то в тебя поместится еще парочка, — говорит он и запихивает в рот остатки своего бургера.

— Нет уж, у меня и так, кажется, появилась третья дополнительная ягодича.

— Боже, надеюсь, что ты ошибаешься, потому что у тебя отменная задница, — восклицает он с дьявольской улыбкой на лице. Жар ползет по шее вверх, и мои щеки заливаются краской.

— Я подам на тебя иск за сексуальное домогательство, — шучу я, затем ложусь и смотрю в небо. Он искренне хохочет, и в груди у меня все сжимается. *Черт.* Мне *на самом деле* нравится его смех.

Взглянув на меня, он наклоняется.

— У тебя здесь... — он проводит большим пальцем по уголку моего рта, стирая капельку кетчупа. Облизав палец, он улыбается. — Кетчупу повезло.

Жар снова окрашивает мои щеки, и я быстро отвожу взгляд. *Почему это было так горячо?* Джордж ложится рядом со мной, и когда его рука задевает мою руку, все тело начинает покалывать. Я не должна реагировать на него подобным образом. Предполагается, что я просто помогу ему, чтобы Аик мог спокойно уйти, а уж о своих чувствах к Айку я вообще молчу. Очевидно, я схожу с ума. Я имею в виду, кем надо быть, чтобы втюриться в братьев, не говоря уже о том, что один из близнецов мертв? Но я не буду отрицать, что меня тянет к близнецам МакДермоттам. В Айке я обожаю его тепло и доброе сердце. В Джордже мне нравится его схожесть со мной, то понимание, которое установилось между нами. Поискав взглядом Айка, но опять не увидев его, я пытаюсь расслабиться, хотя чертовски волнуюсь из-за того, что он исчез.

Мы с Джорджем ведем непринужденную беседу. Обмениваемся историями из нашего детства, о наших братьях, а Джордж посвящает меня в городские сплетни, и это печально. Его свидания с Мисти и последующее избиение Роджером самое драматическое событие, случившееся в Уорм-Спрингс за долгие годы.

Затем он отвозит меня обратно к мотелю, и мы неловко застываем у двери моего номера.

— Спасибо, что составила мне компанию, и прости еще раз, что я был таким мудаком вчера вечером или... ну, почти каждый день с тех пор, как мы встретились.

Я смеюсь.

— Я рада, что теперь мы друзья, Джордж.

И я на самом деле рада. Он оказался неплохим парнем, когда расслабился, но мысль, что мы с ним теперь настоящие друзья, не покидает меня, ведь я лгу ему обо всем. О том, кто я и зачем сюда приехала. Когда откроется правда, будет не очень хорошо. Еще одна секунда проходит в неловкой тишине, а затем он наклоняется ко мне, и у меня перехватывает дыхание. Он собирается поцеловать меня? О, Божечки, нет... точнее да. Хочу ли я, чтобы он поцеловал меня? Думаю, да. Облизнув губы, готовлюсь к тому, что его губы коснутся моих, и закрываю глаза. Но когда его теплые губы легонько касаются моей щеки, я резко распахиваю глаза, и меня охватывает смущение. Неужели по мне было видно, что я хочу поцеловать его? *Мне так стыдно.*

Джордж отстраняется, и я вижу, что уголки его губ ползут вверх, и понимаю, что он смеется надо мной. Значит, он *все* понял. *Сукин сын.*

— Еще рано, Шарлотта, но уже скоро, — обещает он, засовывая руки в карманы. Он подразумевает, что собирается поцеловать меня в ближайшее время? Наверное, он это имеет в виду. Но я не успеваю прикинуться дурочкой и спросить его, так как он разворачивается и уходит, бросив через плечо:

— Увидимся завтра, Шарлотта, — после чего залезает в свой «Бронко» и уезжает.

Когда вхожу в номер, я понимаю, что Айка там нет, и меня охватывает чувство вины. Видимо, он очень серьезно на меня разозлился. *Черт.* От этой мысли сердце сжимается. Я ведь просто хочу помочь ему, помогая Джорджу. Но мне следовало рассказать ему о своих намерениях. В этом он прав. Джорджа могли серьезно ранить. *Черт.* Его и ранили. Впереди у меня несколько свободных часов, а поговорить мне не с кем, поэтому я решаю вздремнуть, перед тем как идти на ужин к Мерсерам. Но сплю я беспокойно, той разновидностью сна, когда образы такие живые и яркие, что кажется, будто я вовсе и не сплю.

Не помню весь сон в деталях, но точно помню, что мне снился Джордж. Он подошел ко мне, и в его темных глазах горело желание. Мое тело сразу же отреагировало, дыхание стало прерывистым, чувствительные соски затвердели, а между ног стало влажно и все части тела, которых касался его взгляд, вспыхивали огнем.

Когда он прошептал «Шарлотта» и притянул меня к себе, я захныкала. Да, именно захныкала. А когда наши губы соприкоснулись, во мне что-то вспыхнуло. Обняв меня, он крепко прижался ко мне всем своим телом, а я провела руками по его волосам и стала гладить его по спине, но когда он отстранился, все резко прекратилось. На меня смотрел Аик, улыбаясь этой своей улыбкой, от которой я таю.

И тогда я проснулась.

Хоть это и был сон, мои губы припухли, как будто поцелуй был настоящим. Потянувшись рукой к губам, я провожу по ним пальцами.

— Привет, — здоровается Аик и, ахнув, я подпрыгиваю на кровати.

— Дружище, тебе лучше прекратить подкрадываться ко мне вот так. Ты до чертиков напугал меня.

— Прости, — извиняется он и уныло улыбается. Он садится в кресло, обитое искусственной кожей, и упирается локтями в колени.

— Куда ты пропал? — я подтягиваю ноги к себе и сажусь в «позу лотоса».

— А что? Ты скучала по мне? — он играет бровями, и я фыркаю.

— Я боялась, что ты все еще злишься на меня. Ну, понимаешь, за то, что я отправила Роджеру то письмо. Прости меня, Айк. Мне следовало рассказать тебе, прежде чем предпринимать что-то.

Айк вздыхает и запускает руку в волосы — его армейский жетон звенит при каждом движении — и откидывается на спинку кресла.

— Я вовсе не злюсь. Похоже, твой план сработал. Я больше злюсь на себя.

— Из-за чего? — интересуюсь я.

— Из-за того, что ни разу не поинтересовался твоей историей. Я ни разу не спросил тебя, через что тебе приходится проходить. Я такой мудака, что попросил тебя помочь Джорджу, в то время как тебе самой и без того тяжело.

Я тереблю уголок наволочки, водя пальцами вверх-вниз по ткани. Моя история такая... печальная, не уверена, что хочу рассказывать ее ему.

— Я хочу знать, Шарлотта. Расскажи мне, прошу тебя.

Я поднимаю голову и встречаюсь с ним взглядом.

— Ладно... — говорю я и горько смеюсь. — С чего мне, черт возьми, начать?

— Я хочу знать всю историю, — отвечает он, и я тяжело вздыхаю.

— Ну... Я выросла в округе Джексон, в Оклахоме. Моя мама преподаватель, она занимается коррекционным образованием, — добавляю я, — а отец — представитель фармацевтической компании «Линкольн». И у меня был старший брат Аксель, — когда произношу его имя, я чуть не задыхаюсь. Не один год я не осмеливалась произнести имя Акселя вслух, и успела позабыть, какие эмоции оно будит во мне. — Он был на три года старше меня, — наконец удается мне выдать из себя. — Мы не были близнецами, но были очень близки. Не думаю, что кто-то рыдал сильнее, чем я, когда он уехал учиться в колледж, — смеюсь я и встречаюсь взглядом с Айком. — Полагаю, я была влюблена в своего старшего брата гораздо сильнее, чем он в меня. Для меня он был наперсником, лучшим другом, а он видел во мне младшую сестренку, которую должен оберегать ото всех бед. Он не перебарщивал с контролем или что-то в этом духе. Полагаю, он догадывался, что если начнет указывать мне, что делать, я перестану доверять ему. Он в этих вопросах разбирался.

Я встаю с кровати и потягиваюсь, после чего иду к комоду, на котором стоит полупустая бутылка с водой, и делаю большой глоток, прежде чем продолжить:

— Само собой разумеется, что, окончив школу, я решила, что поступлю именно в тот колледж, где учиться он. Не знаю, как он относился к этому, но он ни слова не сказал, чтобы отговорить меня, так что я поступила в его колледж. Шесть лет тому назад я стала первокурсницей Государственного университета Оклахомы. В начале второго семестра я вступила в сестринскую общину и у меня появилась парочка подруг. Но я продолжала зависать с Акселем при любой возможности, хотя его братство отнимало у него все свободное время. Однажды вечером я была на вечеринке красок, — грустно улыбаюсь я. — Я напилась и с головы до ног оказалась измазана флуоресцентной краской — несколько парней из колледжа охотно помогли мне растереть ее по всему телу.

— Счастливики, — хмыкает Айк и подмигивает мне.

— На вечеринке была Мелисса — девушка, с которой я дружила, — она по уши втрескалась в Акселя. В ходе вечеринки она умудрилась стащить мой телефон, сфотографировала, как я танцую, зажата между двух парней, и отправила фотографию Акселю.

Айк смеется.

— Дай-ка угадаю. И Аксель пришел?

— Угу. Но он не стал пытаться увести меня, ничего такого. Позже я выяснила, что он переговорил со всеми парнями, которые осмелились заговорить со мной, и сделал им строгое предупреждение держаться от меня подальше при любых обстоятельствах, — я делаю еще один глоток воды; у меня дрожат руки, пока я несу бутылку к губам.

— В итоге мне стало скучно, и я попросила его отвезти меня домой. У Акселя был этот нереально крутой «Харлей», он потратил скопленные за всю жизнь сбережения, чтобы купить его. Он был у него уже около года, и они с родителями постоянно ругались из-за этой покупки. Но Аксель был... — я поднимаю взгляд к потолку, словно пытаюсь там найти подходящее слово, которое могло бы описать моего брата. — Он был правильным до безобразия. Хороший сын, всегда отличные отметки, играл в футбол и тому подобное. Он редко плыл против течения, но когда родители пригрозили прекратить оплачивать его обучение, я очень удивилась, когда он не дрогнул. Он любил свой байк.

Я возвращаюсь к кровати, сажусь, скрестив ноги, и, схватив с тумбочки резинку для волос, завязываю волосы в неопрятный пучок.

— В тот вечер он надел на меня свой шлем. Меньше чем за километр до моего общежития откуда-то слева выехал пьяный старшекурсник и на скорости шестьдесят километров в час мы врезались в него. Когда я очнулась, я была в машине скорой помощи и вокруг меня суетились paramedics. Невредимый Аксель смотрел на меня. Судя по выражению его лица, мое состояние вызывало опасения.

Я замолкаю, надеясь, что не сорвусь.

— «Держись, Шар. Все будет хорошо», — сказал он мне, — глаза начинают щипать от слез, когда я вспоминаю его, то, как дрожал его голос, когда он сказал мне эти слова. — Я потеряла сознание. Я сломала позвоночник и правую ногу. Несмотря на шлем, я все равно получила сотрясение мозга, и они ввели меня в искусственную кому, пока не спадет отек. Когда я наконец-то пришла в себя, родители испытали облегчение, они так сильно плакали. Я была очень слаба, но когда увидела, как Аксель улыбается мне, подумала, что все будет в порядке. Он кивнул мне и сказал: «Я люблю тебя. Никогда не забывай об этом», — мне с трудом удается проглотить образовавшийся в горле комок.

— В течение суток или двух я то приходила в себя, то снова отключалась, но когда окончательно пришла в себя, врачи начали рассказывать мне, что меня ждет впереди и как будет проходить лечение. Когда они ушли, я посмотрела на маму и спросила: «Где Аксель?».

Я с трудом делаю короткие рваные вдохи.

— Поначалу она не ответила мне, просто ушла за отцом. Когда они оба вернулись, они сели справа и слева от меня и беспрестанно всхлипывали.

Я качаю головой из стороны в сторону, когда слезы начинают струиться по моим щекам.

— «Аксель не выжил, Шар. Он умер», — прошептал отец дрожащим голосом. Никогда раньше я не видела его таким удрученным. Он всегда казался таким сильным. Я уставилась на него в недоумении. — «Но он был здесь, когда я пришла в себя», — твердо сказала я родителям. — «Я видела его», — но мама лишь сильнее разрыдалась и сказала мне: — «Мне очень жаль, милая, но твой брат умер».

Я встречаюсь взглядом с Айком и пытаюсь улыбнуться сквозь слезы.

— Как тебе наверняка известно, вместе с горем наступает стадия отрицания. Я отказывалась верить в это. Я полагала, что сплю, что в любой момент я проснусь и пойму, что все это было обычным ночным кошмаром. Но время шло, и я поняла, что он и правда покинул меня, — я вытираю нос рукой.

— Он не мог уйти, пока не убедился, что со мной все будет в порядке. Я оказалась его незаконченным делом. Мне так жаль, что я упустила возможность попрощаться с ним, но я не знала тогда, что происходит.

— Мне очень жаль, Шарлотта, — сочувственно говорит Аик, не зная, что еще сказать.

— Вскоре после этого я начала видеть людей и разговаривать с ними, а моя мама постоянно задавала мне вопросы, с кем я веду беседы. Так как тогда я принимала массу лекарств, прошло какое-то время, прежде чем я поняла, кого именно вижу. Когда я поняла, что со мной разговаривают мертвые, я попыталась рассказать об этом родителям, но они,

конечно же, решили, что я свихнулась, и отправили меня к психиатру и неврологу. Родители заставили меня принимать нейролептики, от которых я чувствовала себя совершенно ужасно, но по-прежнему продолжала видеть души, — стону я. — В итоге, я прекратила рассказывать о своих видениях. Я погрузилась в глубокую депрессию; все мои друзья отвернулись от меня, когда посчитали, что я свихнулась, — печально рассказываю я. — А родители наравне с моими проблемами пытались как-то справиться с потерей Акселя. Через год я пришла в норму, по крайней мере, физически, и как-то раз отец пригласил деловых партнеров на ужин. Конечно же, на вечеринку пришел его начальник, чей отец недавно умер. Я улучила минутку и осталась с ним наедине, чтобы рассказать ему то, что просил меня передать ему его отец, но мой отец застучал нас. Его босс плакал и обнимал меня, но это не имело никакого значения, — вспоминаю я.

— Отец сказал, что с него хватит. На следующий же день он вручил мне чек на тридцать тысяч долларов и предложил отправиться попутешествовать. Эти деньги были частью страховки, которую компания заплатила за аварию. Я поняла, что он просто хочет, чтобы я исчезла. Ну, так я и поступила.

Выражение лица у Айка мрачное, губы сжаты в тонкую жесткую линию. Он качает головой, полагая, в недоумении, а затем опускает ее вниз. Когда Аик снова поднимает голову, он грустно улыбается.

— Так, значит, ты едешь по стране последние пять лет и помогаешь мертвым? В одиночестве, — это не вопрос, скорее констатация факта. С трудом сглотнув, я киваю и продолжаю гладить ткань наволочки, чтобы было чем занять руки. Я не в силах посмотреть на него, иначе снова расплачусь. Встав с кресла, Аик подходит ко мне, садится рядом и кладет руку на кровать рядом со мной. — Думаю, самое ужасное это то, что я могу видеть тебя, слышать, но не могу прикоснуться.

— Знаю, — тихо отвечаю я.

Я бы все на свете отдала, чтобы он мог. Я знаю его не так давно, но за последние несколько лет он первый человек, с которым у меня установилась связь. Внимательно глядя на него, я задаюсь вопросом, что бы Аксель сказал об Айке. Глупая мысль, даже не знаю, откуда она взялась, но уверена, что Акселю Аик бы очень понравился. Джордж, может быть, тоже, несмотря на все его проблемы.

Глубоко вздохнув, я встаю и распускаю волосы, которые недавно связала в пучок.

— Мне пора собираться. Сегодня ужинаю у Мерсеров.

— Ага, — отвечает он и кивает. — Хочешь пойти одна или мне составить тебе компанию?

Я удивлена тем, что он интересуется моим мнением. Все предыдущие разы, когда я хотела побыть одна, мне приходилось требовать, чтобы он ушел. Но затем я волновалась, куда он пропал и о чем думает, и ненавидела, что попросила его уйти. Мне необходимо, чтобы он оставался рядом со мной.

— Ты не против пойти со мной?

— Совсем нет, — отвечает он и улыбается, и по его лицу я вижу, как он доволен, что я позвала его с собой.

Глава 15

Айк

— Ну, расскажи нам о своей семье, Шар. Вы часто видите? — спрашивает мистер Мерсер и ставит перед Шарлоттой стакан с чаем со льдом. Миссис Мерсер расстаралась и приготовила на ужин столько, что можно накормить досыта не меньше двадцати человек. Стол застелен чистой белоснежной скатертью, и она достала свой лучший фарфор. У меня слюнки текут от вида жареного цыпленка и картошки пюре.

— Думаю, не так часто, как им бы хотелось, — отвечает Шарлотта и делает глоток чая. На ней свободная голубая футболка и джинсы, а свои темные волосы она чуть приподняла и заколола. Шарлотта выглядит... красивой.

— У тебя есть братья или сестры? — интересуется миссис Мерсер, присаживаясь к столу и поднимая блюдо с картошкой пюре. Взгляд Шарлотты на долю секунды переключается на меня, а затем возвращается к миссис Мерсер.

Натянуто улыбаясь, она отвечает:

— У меня был брат, но он умер шесть лет назад.

Мистер Мерсер хмурится, словно ему больно слышать ее слова.

— Мне жаль слышать это. Ты же знаешь, что мы в курсе, каково это — терять того, кого нежно любишь.

Шарлотта привстает и принимает у миссис Мерсер блюдо с картошкой.

— Все так аппетитно выглядит, миссис Мерсер.

— Лучший жареный цыпленок в округе Бат, — добавляет мистер Мерсер, вынуждая свою жену улыбнуться и скромно посмотреть на Шарлотту.

— Как будто ты хоть раз говорил иначе, Билл, — подшучивает над мужем миссис Мерсер, и Шарлотта улыбается. — Мэгги любила жареного цыпленка. Мы готовили его каждое воскресенье.

— Это было ее любимое блюдо, — печально добавляет мистер Мерсер.

Миссис Мерсер ласково улыбается.

— Ее нет уже десять лет, но все равно кажется, будто еще вчера она была с нами.

— Она боролась. Прожила гораздо дольше, чем предполагали врачи, после того как поставили диагноз.

— Могу я спросить от чего она умерла? — деликатно интересуется Шарлотта.

— Врожденный дискератоз. Это редкое заболевание, которое приводит к недостаточности костного мозга. В один прекрасный день ее тело просто не справилось, — отвечает мистер Мерсер и добавляет на свою тарелку ложку зеленого горошка.

Они болтают преимущественно о Мэгги. Шарлотта внимательно слушает, как они описывают все, начиная с того, как она улыбалась, и заканчивая тем, какой она была своенравной крошкой.

Когда они заканчивают с ужином, миссис Мерсер отсылает своего мужа и Шарлотту в гостиную, пока сама убирает со стола. У Мерсеров довольно скромный дом: небольшой, но и маленьким его тоже нельзя назвать. Стены увешаны антикварными вещами и многочисленными часами, неумолимо отсчитывающими время.

— Слушай, не подскажешь который час? — шучу я, и Шарлотта закатывает глаза. — Думаешь, им нравятся часы?

Но она, очевидно, не слышит последнюю часть моей тирады — когда Шарлотта входит в гостиную, все ее внимание переключается на рояль из красного дерева, стоящий у дальней стены. Словно мотылек, летящий на пламя, она подходит к нему и проводит пальцами по деревянной крышке, под которой прячутся клавиши.

— Ты играешь? — понаблюдав за ее действиями, спрашивает мистер Мерсер.

— Играла, — отвечает Шарлотта, не отводя взгляда от своей ладони, лежащей на крышке рояля.

— Сыграешь нам?

Шарлота поворачивается к нему и грустно улыбается.

— Вы не против?

— Вовсе нет. На нем уже много лет никто не играл.

Открыв крышку, она вытаскивает из-под рояля небольшую скамеечку и садится.

— Женщина с кучей талантов, как я погляжу, — говорю я, и Шарлотта улыбается, но не смотрит на меня.

— Будут какие-нибудь пожелания? — спрашивает она у мистера Мерсера.

— Сыграй мне свою любимую мелодию, — просит он и усаживается в потертое мягкое кресло.

Шарлотта разворачивается обратно к роялю и нерешительно нажимает пару клавиш; полагая, она проверяет, как настроен рояль.

— Я уже давно не играла, так что, возможно, моя игра покажется вам немного грубоватой, — предупреждает она, но мистер Мерсер просто улыбается.

— Не волнуйся, дорогая. Играй.

Ее пальцы начинают танцевать по клавишам, в комнате раздаются звуки красивой мелодии, и я застываю. Она играет что-то из классики, возможно, Моцарта. Я ни черта не смыслю в классической музыке, но, полагая, теперь я ее обожаю. Мелодия очень серьезная и сложная, она словно отражает все эмоции Шарлотты.

Она сидит, держа спину прямо, все ее внимание сосредоточено на руках, так что даже кажется, что она каким-то образом связана с роялем. Словно рояль — продолжение ее, место, где чувства и эмоции живут своей жизнью. Музыка может звучать сердито и грубо, но люди все равно считают ее красивой. Правда в реальном мире такие эмоции считаются слабостью.

Она играет некоторое время, а закончив, кивает своим рукам, словно сама себя убеждает, что еще не разучилась играть.

— Это было... потрясающе, — удается мне выдать из себя.

Мистер и миссис Мерсер хлопают в ладоши, а Шарлотта, робко улыбаясь, встает.

— Где ты так научилась играть?

— Мама научила. Она преподаватель. Помимо своих коррекционных занятий она еще преподает игру на фортепиано.

Остаток вечера они проводят на веранде, потягивая чай. Когда приходит время уходить, Мерсеры крепко обнимают Шарлотту. Она достает из заднего кармана деньги и вручает их мистеру Мерсеру со словами:

— Буду должна вам еще шестьдесят и к концу недели смогу вернуть всю сумму.

— Нет. Ты ничего нам не должна.

— Пожалуйста, мистер Мерсер, — умоляет Шарлотта. — Сделка есть сделка. Я получу обратно свою цепочку, когда отдам вам оставшуюся часть денег.

Он сводит вместе свои густые седые брови, а губы складывает в тонкую линию, словно хочет возразить, но вместо этого согласно кивает головой.

— Придешь на обед на следующей неделе? — с надеждой в голосе спрашивает миссис Мерсер.

— Да, конечно. Я должна проверить, когда у меня выходной, но я приду. С удовольствием.

— И снова нам сыграешь, — говорит мистер Мерсер, и это больше похоже на утверждение, нежели на просьбу.

— Если хотите, — смеется Шарлотта. Мерсеры наблюдают, как она садится в машину и выезжает с их подъездной дорожки.

— Они очень одиноки. Такие люди, как они, должны быть окружены кучей внуков, — отмечает Шарлотта, выворачивая на Эмерсон-авеню.

Я пожимаю плечами и соглашаюсь:

— Думаю, ты права.

— Сотрудникам позволено сидеть в баре и выпивать или нет?

— Позволено. Если в этот день у сотрудника выходной, то смело можно приходить и пить, — объясняю я.

— Хорошо, потому что я не против выпить бокальчик другой, — сообщает Шарлотта. Пару мгновений она кажется задумчивой, а затем складывает губы бантиком и хмыкает:

— Хмм.

— Все в порядке? — задаю я ей вопрос.

Она едва заметно улыбается.

— Просто один из тех дней, когда я предаюсь воспоминаниям.

— Мэгги была там во время ужина?

— Да, но она ни слова мне не сказала, пока мы не ушли.

— Полагаю, этим она здорово тебе помогла, — ухмыляюсь я. — И что она сказала?

Шарлотта хмурится и отвечает:

— Она попросила меня не забывать о ней.

Несколько минут мы едем в тишине, а затем Шарлотта обращается ко мне с вопросом:

— Могу я спросить тебя кое о чем?

— Конечно, — соглашаюсь я.

Облизнув губы, она делает глубокий вдох и выдыхает.

— Ты боишься? — ее вопрос удивляет меня. — Перехода, — вносит она пояснение к своему вопросу.

Теперь моя очередь делать глубокий вдох и выдох. Не буду отрицать, что я обеспокоен, но не могу сказать, что боюсь.

— Не столько напуган, сколько мне грустно.

— Грустно?

— Тяжело расставаться с теми, кого любишь. Семья, друзья. И, знаешь, хоть мы и знакомы не так уж долго, мне будет тяжело расстаться и с тобой тоже.

Ее нижняя губа дрожит, и я закрываю глаза, моля Бога о возможности коснуться ее.

— Мне будет не хватать тебя, Айк, — шепчет Шарлотта.

Я печально улыбаюсь и смотрю вперед. Мне не нравится видеть ее плачущей. Это разрывает меня на части.

— Когда буду уходить, я вспомню это и уйду с улыбкой, — обещаю я ей, и она вытирает слезы со щек.

— Если бы ты только был жив, Айк МакДермотт...

— Ты бы раздела меня догола и изнасиловала? — дразню я ее, а она смеется, хотя по-прежнему вытирает мокрые щеки.

— Знаешь, думаю, да.

Я вхожу в азарт и охотно присоединяюсь к ее игре «Если бы...». Разве могу я отказаться от этого?

— Если бы я был жив, то пригласил бы тебя на свидание. Ты бы согласилась? — нам не стоило бы затрагивать эту тему, но мы, наконец, признали, что нас влечет друг к другу, и хотя между нами ничего и никогда не будет возможно по вполне очевидным причинам, я хочу знать ее ответ. Хочу знать, каким бы нездоровым это ни казалось со стороны. Кровь с бешеной скоростью несется по венам, и я прижимаю руки к бокам, пока жду ее ответа.

— Смотря на то... — начинает она, — как бы ты пригласил меня?

Я чешу затылок.

— Думаю, я бы уговорил тебя на свидание, заманив в ловушку. Так, чтобы ты не могла сказать мне «нет». Я бы приехал к тебе на работу с цветами и сказал: «Пообедаешь со мной?».

Улыбаясь, она спрашивает:

— И мы бы обедали прямо у меня на работе?

— Почему бы и нет? — усмехаюсь я. — Ведь это лучший ресторан в городе, разве нет?

— Конечно же. Значит, прижал бы меня к стенке, да? — ухмыляется она.

— Бесспорно, — подтверждаю я ее предположения. — Так что бы ты ответила?

— Я бы согласилась пообедать с тобой, — грустно улыбается она.

— Я бы рассказал тебе о своей службе в армии и о своей семье.

— Я бы скрыла от тебя, что вижу мертвых, — добавляет она.

— Серьезно? — удивленно спрашиваю я. Мне грустно слышать эти ее слова. Я хочу знать о ней абсолютно все. Неужели она думает, что если бы я был жив, то не поверил бы ей?

— Поначалу бы молчала, пока не уверилась бы, что ты влюблен в меня и тебя не испугает эта новость, — взгляд ее серых глаз встречается с моим, а затем она снова возвращает свое внимание на дорогу.

— Это не заняло бы много времени, — говорю я ей. Я влюбился в Шарлотту сразу же, как услышал ее смех. Будь я жив, на все бы пошел, лишь бы она была моей. На секунду она опускает взгляд, а затем вздыхает. Нам следует прекратить играть в эти игры. Уверен, что вообще не стоило даже начинать, но я не в силах остановиться. Пока еще нет.

— Я бы проводил тебя до дома и поцеловал на прощанье.

— Я не стала бы возражать, — с грустью сообщает она.

— После того как мы бы встречались какое-то время, я бы привез тебя на то место у реки, куда возил тогда, и, чтобы доказать тебе свою любовь, вырезал бы наши инициалы на большом дереве. В большом сердечке буквы «А» и «Ш», — и я правда представляю себе все это: ее серые глаза сияют любовью, пока она наблюдает, как я вырезаю сердечко на дереве; вижу, как она улыбается мне, когда я заканчиваю. Боже, как бы я хотел подарить ей все это.

— А потом мы бы занялись сексом, — шутит она и фыркает сквозь слезы.

— Прямо там, у воды? — уточняю я и смеюсь. — Так ты эксгибиционистка, — дразню ее я.

— Почему бы и нет? Меня застукают в момент благоговения от твоего романтического жеста. Мне будет плевать, если кто-нибудь увидит. Значение будем иметь только мы с тобой.

Мы оба молчим, наслаждаясь тем, что кроется в ее последних словах. *Значение будем иметь только мы с тобой.* Я задыхаюсь от эмоций — они комом встали в горле. Живой человек может хотеть чего-то, чего у него нет, но у нас немного другая ситуация. Я в буквальном смысле никогда не смогу быть с ней. Это убивает меня. Нужно сказать что-нибудь — хоть что-то — но Шарлотта спасает ситуацию и говорит:

— Ты бы подготовил корзинку для пикника и покрывало.

Прочистив горло и будучи не в силах остановиться, я продолжаю описывать эту фантазию вместе с ней.

— Я укладываю тебя на одеяло.

— И целуешь, — выдыхает она, подстегивая меня.

Я улыбаюсь.

— И где-то рядом течет река, а с веток деревьев на нас осыпаются осенние листья.

— Воздух прохладный, и мы оба покрываемся гусиной кожей, но нам все равно.

— Потому что мы одно целое, — говорю я и с трудом сглатываю. Вспыхнувший в голове образ, где обнаженная Шарлотта лежит подо мной, прекрасен и мучителен одновременно. Я даже могу почувствовать ее дыхание на своей шее, когда она хнычет. Представляю себе, как приоткрываются ее губы, когда с них срывается стон.

И я дорожу каждой чертовой минутой. Я бы любил ее так, словно это в последний раз. Как, черт подери, мы дошли до этого? Мы расписали фантазию, которой никогда не стать реальностью. В глубине души я понимаю, что все это неправильно. Мы все сильнее привязываемся друг к другу, и из-за этого нам будет сложнее расстаться.

— Это было бы...

— Волшебно, — заканчиваю я за нее мысль. Я все так ясно себе представляю, что это рвет мое сердце на части. Я смотрю прямо перед собой и во мне разгорается гнев, но мне не на ком и не на чем сорвать его. Все внутри кипит, я сажу, сцепив зубы, и надеюсь, что Шарлотта не может чувствовать исходящие от меня эмоции.

— Мне жаль, Айк, — говорит Шарлотта и ее голос дрожит. — Все это так несправедливо.

От ее слов в груди что-то сдавливает. Я стараюсь быть сильным и не возмущаться по поводу своего положения. Что есть, то есть. Я умер. Люди умирают каждый день.

Но сейчас я не в состоянии справиться с охватившей меня горечью. Я сделал бы ее своей, если бы только мог. Я хочу ее так, как никогда и никого не хотел. Но я не могу заполучить эту девушку, и вдруг понимаю, что если наша дружба или влечение будет и дальше расти, то я сделаю ей только больнее, когда уйду. Я попросил ее решить громадную проблему и спасти моего брата-наркомана, в то время как у нее своих проблем выше крыши.

Я не могу сделать еще хуже. Не имею права так поступить с ней. Мне нужно начать отстраняться. И как бы мне ни нравилось наше поддразнивание друг друга, все, чего я хочу на самом деле — видеть ее счастливой. Не хотелось бы уйти и оставить ее в том же состоянии, в каком встретил — печальную и одинокую. Не знаю, где бы я оказался, если бы не она. Она стала моим лучшим другом.

И я всегда буду благодарен за то, что она делает для моего брата. Он всегда был лучше, чем я, до тех пор, пока наркотики не испортили его и он не превратился в того, кем вовсе не является. У Джорджа так много талантов. Уверен, что он вернется на правильный путь. Он у меня боец.

К счастью, груз, который я нес, стал немножечко легче. Джорджу постепенно становится лучше. Может быть, у них двоих что-нибудь получится. Сердце екает от этой мысли. Эгоистично ревновать вот так, но я все равно ревную. Но раз уж я не могу получить эту девушку, то он, определенно, может. Уверен, что она ему по-настоящему нравится.

Шарлотта ему подходит, и он всегда будет защищать ее. Я заметил, что она слегка заигрывает с ним. И даже когда она не знает, что я наблюдаю за ней, я вижу, что она его хочет. Может быть, если я несколько отдалюсь, они смогут сблизиться.

— Ты в порядке? — интересуется она после продолжительного молчания.

— Да, — отвечаю я, хотя на самом деле очень далек от этого. — Спасибо тебе за все, что ты делаешь, Шарлотта.

Она кивает.

— Всегда пожалуйста, Айк.

Глава 16

Шарлотта

Мы подъезжаем к бару, когда часы показывают почти девять. Подхожу к бару и вижу, что изнутри к дверям как раз направляется Анна.

— Привет, детка, — весело щебечет она, открывая мне дверь. Ее губы покрыты кроваво-красной помадой, как и в тот вечер, когда я впервые встретилась с ней.

— Привет, — улыбаюсь я. — Сегодня тут почти пусто, — отмечаю я, проходя мимо нее.

— Да, закроемся, наверное, пораньше.

— Черт, — бормочу я. — Я приехала выпить чего-нибудь.

— Что ж, — она подхватывает меня под руку и ведет к бару. — Ты приехала в правильное место. У нас как раз вечеринка для сотрудников.

— Вечеринка для сотрудников? — переспрашиваю я, когда мы подходим к бару, стойку которого полирует Пейтон. Аик идет рядом со мной.

— Именно. Иногда мы остаемся после закрытия и играем в карты. Танцуем, напиваемся. Так что ты вовремя, — она похлопывает меня по спине, а затем развязывает передник.

Мне хочется спросить ее, на месте ли Джордж, но не хочу казаться слишком очевидной.

— Так, а кто есть? — спрашиваю я как можно безразличнее.

— Снайпер и Грэг закрывают кухню, а Джордж в своем кабинете с Мисти.

— Что?! — вскрикиваю я слишком... слишком рьяно.

Анна наклоняется ко мне и шепчет:

— Думаю, она приползла сюда умолять Джорджа принять ее обратно на работу. Может быть, попытается уговорить его вернуть ей не только работу, — Анна качает головой. Я перевожу взгляд на Айка, и он исчезает, чтобы проверить, как там Джордж. — Мне нужно закончить протирать столики, — говорит Анна и быстро уходит.

Почему мне кажется, что все внутренности будто огнем горят? Джордж обещал, что больше не будет никаких наркотиков. И вообще, почему он заперся с ней в кабинете? Так, успокойся, Шарлотта. То, что она вернулась, пока еще ничего не значит, верно? *Зачем тогда дергаться, как ревнивой подружке?*

Направляясь к кабинету Джорджа, я обхожу линию подачи, и тут показывается Снайпер — он испуганно округляет глаза.

— Погоди, Шар, — зовет он и бросается ко мне. И не успеваю я дойти до дверей кабинета, как он сильной рукой обхватывает меня за талию, приподнимает над полом и уносит подальше оттуда.

— Опусти меня, — рычу я, пытаюсь вырваться из его хватки.

— Это не то, что ты думаешь, — шепчет он, опустив меня на пол. — Нет причин ревновать.

Ревновать? Я что, ревную? Нет, он ошибается.

— Я не ревную! — заявляю я упрямо. — Джордж пытается избавиться от зависимости, а она тот балласт, который тянет его за собой на дно.

— А еще она была его любовницей, — добавляет он, и уголки его губ приподнимаются.

Взгляд, которым я его награждаю, можно смело назвать уничтожающим. *Это удар ниже пояса.* Я сжимаю кулаки в ответ на его слова. Сердито глядя на него, я задаю вопрос:

— И какое это имеет отношение ко всему?

— Ты прекрасно поняла, что я хотел сказать.

Он снова намекает на свое предположение, что я ревную. Я не обращаю внимания на его заявление, так как пока что не готова признать это. К тому же, я едва знаю Джорджа и наши отношения до сих пор были очень переменчивы.

— Что ей нужно?

— Работа, — он качает головой и закатывает глаза.

— Джордж собирается позволить ей и дальше работать здесь? — у меня чуть глаза из орбит не вылазят, когда я пытаюсь представить себе невообразимое. Если Джордж позволит ей и дальше работать здесь, то он, черт его дери, чокнутый.

— А тебе какое дело? — раздается голос из-за спины Снайпера, и мы оба оборачиваемся к его обладателю. В дверях, выпятив бедро и скрестив на груди руки, стоит Мисти.

Снайпер проводит широкой ладонью по своему лицу.

— Она просто любопытствовала, Мисти, — отвечает он ей, но в его голосе чувствуется раздражение. Она ему тоже не нравится.

— Если тебя это утешит, — ехидничает Мисти, — я больше не буду здесь работать. Полагаю, это предоставит тебе кучу возможностей соблазнить его, — шепчет она, наклонившись ко мне. — У нас только что... эм... мы только что попрощались, — ядовитая ухмылка на ее губах подтверждает то, что она подразумевала своими словами. — Теперь он весь твой, детка. Но сильно сомневаюсь, что ты когда-либо будешь столь же хороша для него, как была я.

У меня отвисает челюсть. Вот же мыбра. Ненавижу вести себя стервозно или коварно, но не в силах справиться с собой. Сочувственно улыбаясь ей, я говорю:

— Если бы я захотела его, твое присутствие мне бы не помешало. И уж если ты так хороша, как утверждаешь, почему он отпускает тебя? Потому что в конечном итоге мужчинам не по нраву несимпатичные наркоманки.

Не веря своим ушам, она смеется. Я переиграла Мисти в ее же оскорбительной игре.

— Советую тебе быть начеку, Шар, — угрожает она и наступает на меня. Снайпер стоит в полной боевой готовности и наблюдает за ней, размышляя, не собирается ли она наброситься на меня.

Я улыбаюсь Мисти, когда она проходит мимо меня, и говорю:

— Выглядишь напряженной, Мисти. Почему бы тебе не пойти домой и не нюхнуть кокаину. Может, отпустит чуток.

— Шарлотта! — гремит голос Джорджа, и взгляды Мисти, Снайпера и мой встречаются с его кипящим яростью взглядом. Я смотрю на него. Он злится на меня? Он что, защищает ее? Опухоль на глазу еще не спала, но теперь он, по крайней мере, открывается, хотя там огромный темно-фиолетовый синяк.

— Да? — резко отвечаю я и упираюсь руками в бедра.

Мисти улыбается и продолжает свой путь к выходу.

— Пока-пока, Шарлотта, — кричит она мне почти что нараспев. — Джордж, если я тебе *понадоблюсь*, у тебя есть мой номер телефона, — обращается она к нему и выходит.

— Думаю, я был бы рад увидеть, как ты собьешь с нее спесь, Шар, — говорит мне Снайпер и кивает.

— Заткнись, Снайпер. Шарлотта, ко мне в кабинет. Немедленно! — орет Джордж и я расправляю плечи в знак протеста. Его злость направлена против меня или это просто признаки ломки?

— Я сейчас не на работе, босс. Ты не имеешь права указывать мне, что делать! — громко топая, я проношусь мимо него в направлении черного входа, но он хватает меня за руку и тащит в свой кабинет. Я быстро оглядываюсь, но не вижу Айка поблизости. Он что, бросил меня?

— Что, твою мать, сейчас там было?

— Что, твою мать, сейчас здесь происходит? — парирую я. — Она сказала, что вы двое отлично потрахались напоследок, — *Мисти не совсем так изложила свою мысль, но именно это она имела в виду.* — Понравилось? Трахаться с женщиной, чей парень выбил из тебя все дерьмо?

— Я не трахал ее! — орет Джордж в ответ. — С этим покончено, понимаешь? Она больше не будет работать здесь.

— Тогда почему она сказала это? — спрашиваю я спокойно, пытаюсь умерить свой гнев.

Джордж слегка приподнимает голову и выражение его лица немного смягчается. Склонив голову набок, он едва заметно улыбается.

— Ты... ревнуешь? — в его голосе слышится неприкрытое удивление.

Я умолкаю, меня охватывают злость и смущение. Я что, вела себя, как какая-то сумасшедшая? Я не имею права вести себя подобным образом. Я не должна испытывать эту ревность. Но, Господи, я *ревную*. Я презираю Мисти и мне ненавистен тот факт, что она касалась его. Когда до меня доходит, что я, на самом деле, хочу Джорджа МакДермотта — именно хочу, желаю его, — у меня подкашиваются коленки. Вцепившись в стол за своей спиной, я пытаюсь найти опору и не дать Джорджу догадаться о моих чувствах. Я не могу сказать Джорджу, что испытываю к нему что-то. Как я могу? Как я могу признаться в этом ему или кому бы то ни было еще, если испытываю точно такие же чувства к Айку? Я окончательно запуталась. Мне нужно срочно сменить тему.

— Нет. Ты попросил меня остаться и обещал, что не будешь употреблять наркотики. Она твой поставщик. Я обеспокоена, и вовсе не ревную.

Сократив расстояние между нами, Джордж подходит ко мне. Мое сердце стучит с бешеной скоростью, пока я продолжаю смотреть ему прямо в глаза, отказываясь отводить взгляд.

— Послушай, Шарлотта, — шепчет он. — Я понимаю, что ты обеспокоена, но ты не можешь устраивать подобные сцены. Все мои сотрудники подумают, что в порядке вещей вести себя подобным образом.

Я сжимаю губы в суровую линию и смотрю себе под ноги. Черт возьми, он прав.

— Шарлотта, пожалуйста, посмотри на меня, — мягко просит он. Но я продолжаю смотреть в пол, поэтому он кладет ладонь мне на подбородок и задирает мою голову вверх.

— При всем при этом я понимаю, что я лицемер, потому что умираю как хочу поцеловать тебя прямо сейчас. Сильнее, чем когда-либо хотел поцеловать любую другую женщину. Но когда я сделаю это, хочу не зависеть от наркоты и хочу, чтобы при этом мое лицо выглядело нормально, — его признание рушит все мои защитные барьеры. Сдавшись, я опускают плечи. Понятия не имею, что сказать, потому что просто киваю, давая понять, что понимаю его.

Он убирает ладонь от моего лица и спрашивает:

— Позволишь мне отвести тебя кое-куда?

— Что? Прямо сейчас? — спрашиваю я и хмурюсь.

— Ага. Это отличное местечко.

— Ладно, — я согласно пожимаю плечами.

Джордж сообщает Снайперу, что мы уходим, и выводит меня через черный вход. Он снова помогает мне забраться в свой издавший виды грузовичок и мы едем. Днем Уорм-Спрингс может похвастаться целой бездной различных красок, отлогими полями и круглыми тюками сена, которые можно встретить буквально везде, но вечером — это самое темное место, которое я когда-либо видела. Ночью здесь не увидишь ничего из красот, открывающихся взгляду днем.

Мы проезжаем мимо бельведера, на котором висит знак «*Добро пожаловать в Уорм-Спрингс*» и сворачиваем на дорогу, покрытую гравием. (*Примеч. бельведер — лёгкая*

постройка на возвышенном месте, позволяющая обозревать окрестности. Кроме отдельно стоящей постройки бельведером может называться надстройка над зданием, вышка. Например, башня, с широкими застекленными или открытыми отверстиями).

— Где мы? — спрашиваю я и шурюсь, пытаюсь разглядеть здание перед нами, освещаемое лишь слабым светом передних фар.

— «Купальни Джефферсона», — поясняет Джордж, паркуясь напротив круглого, обшарпанного на вид здания. (*Примеч. Купальни (или бассейны) Джефферсон — купальни для мужчин и женщин выстроенные на минеральном источнике с температурой 37°C. Купальня для мужчин — была выстроена еще в 1761 году и считается самым первым спа в США, купальня для женщин появилась в 1836).*

— Там внутри бассейн? — спрашиваю я Джорджа.

— Ну, здесь термальный источник, в честь которого и назван город. (*Примеч. Warm Spring — в переводе с англ. термальный источник, а также название города, в котором происходят события романа).* Круглый год температура воды держится на отметке тридцать семь градусов. Именно благодаря этому источнику наш город появился на карте, — он вытаскивает из бардачка фонарик, вылезает из машины и, обойдя вокруг, открывает дверь и помогает выбраться мне. Когда мое тело скользит вниз по его, мне кажется, что это происходит, словно в замедленной съемке, но каждый нерв во мне осознает это соприкосновение и мне нравится каждая миллисекунда этого момента.

— Так значит, это сюда Томас Джефферсон приезжал отмокать и восстанавливать силы? — решаю уточнить я, вспомнив, что Айк рассказывал мне что-то об этом.

— Да. Ты будешь плавать в воде, в которой плавал третий президент Соединенных Штатов.

Я резко останавливаюсь.

— Мы собираемся плавать? Но я ничего не взяла с собой для этого, Джордж.

Я не вижу его лица, но по его голосу слышу, что он улыбается.

— Похоже, нам придется плавать нагишом.

Покачивая головой, я иду за ним и говорю:

— Значит, целовать меня еще слишком рано, но увидеть голой самое время?

— Я уже видел твою попку, — напоминает он.

— Собираешься вечно мне об этом напоминать? — ворчу я.

— Не думаю, что когда-нибудь смогу забыть это зрелище, — произносит Джордж так, словно эта мысль доставляет ему огромное удовольствие. Я благодарна, что сейчас темно и он не видит, как мои щеки заалели.

— Ты серьезно ждешь, что я разденусь догола?

Он смеется.

— Я не буду смотреть, Шарлотта, — он делает паузу. — Часто, — поправляет он себя. — Я не буду часто смотреть на тебя.

Мне хочется запротестовать, но я не могу. Мне нравится в нем эта черта — беспечный и забавный Джордж. Его смех, как наркотик для меня; мне нужно все больше и больше, и я готова на все, лишь бы услышать его.

Когда мы подходим к дверям, Джордж вытаскивает из кармана кошелек и выуживает из него кредитку.

— А это зачем?

— Чтобы открыть замок, — беспечно поясняет он свои действия и вставляет карточку между дверью и дверным косяком.

— Мы что, взламываем замок? — шиплю я и лихорадочно смотрю по сторонам.

— Нет. Моя дебетовая карта — ключ от этого места, — язвит Джордж, и я закатываю глаза, хотя он не может видеть этого. — Расслабься, — уговаривает он меня. — Я знаком с парнем, который управляет здесь всем. Если даже нас застукают, проблем не будет. Обещаю,

— заверяет он меня. — Вот и все, — тихо радуется он, когда ему удается поддеть задвижку замка и открыть дверь.

— Дай мне руку, — я нахожу его руку в темноте и он ведет меня внутрь. В нос ударяет запах серы и я морщусь, но быстро привыкаю к нему и вскоре уже ничего не чувствую. — Держись поближе к стене или упадешь в воду.

— Тут так темно. Я ни черта не вижу, — жалуюсь я, прижимаясь к стене.

— Тогда раздевайся и ныряй. Я все равно ничего не увижу. Собственно, этим я и занят.

— Ты раздеваешься? — в темноте я чувствую, как он наклоняется, и слышу шуршание одежды. Должно быть, он снял футболку, штаны и нижнее белье.

— Уже разделся, — подтверждает он мои догадки. Затем слышится всплеск. — Ну же, Шарлотта. Вода чудесная. Только не ныряй, глубина тут всего полтора метра.

Хорошо, что он не видит, как я закатываю глаза. Сняв с себя всю одежду, даже лифчик и трусики, я собираюсь спуститься в воду.

— А как же порез?

— Все будет в порядке. Иди сюда, — подбадривает он меня. Я нагибаюсь и соскальзываю с деревянного пола, окружающего бассейн. Вода в бассейне теплая, как если бы я принимала ванну, и должна признать, ощущения и правда фантастические.

— Где ты? — я иду в воде, стараясь ступать как можно аккуратнее, так как на дне, кажется, есть большие камни, но вдруг внезапно загорается свет.

— Вот тут, — отвечает он и швыряет фонарик в воду метров на шесть вперед от нас. Я обхватываю грудь руками, пытаюсь прикрыться. Вода совершенно прозрачная, а это означает, что при наличии освещения, разглядеть обнаженное тело в воде не составит никакого труда.

— Джордж! — визжу я.

Его брови взлетают вверх, пока он разглядывает меня.

— Не думал, что ты правда разденешься *догола*, — он громко смеется, а я мысленно отрекаюсь от всех своих более ранних заявлений о том, как подседа на его смех.

— Я бы не раздевалась, если бы только подумать могла, что ты включишь фонарь и швырнишь его в воду! — отрезаю я. — Выключи его!

Джордж только сильнее смеется.

— Он же в воде. Разве он не должен был уже отключиться? — пронзительно кричу я.

— Неа, — его смех стихает, когда взгляд темных глаз сосредотачивается на мне.

— Водонепроницаемый, — слово звучит низко и хрипло.

Как ему удалось так эротично произнести слово «водонепроницаемый»?

Стараясь не растерять самообладание, я интересуюсь:

— Я не упоминала, что первое, чему научил меня брат, это как ударить парня по яйцам?

Джордж снова заливается смехом.

Пока он искренне хохочет, я вижу его удивительно белые ровные зубы. Ладно, я действительно зависима от его смеха. *Черт его побери.*

— В данную минуту я ненавижу тебя, — сообщаю ему я, пока стараюсь подавить закипающее внутри желание рассмеяться.

— Хорошо, хорошо, — вздыхает он и делает шаг в направлении того места, где лежит фонарик, но затем опускается в воду и деланно вскрикивает от боли. — Моя нога! Пошевелиться не могу! Прости, Шарлотта, я не смогу выключить свет.

Сердито зыркнув на него, я предупреждаю:

— Я тебе синяк под второй глаз сейчас поставлю.

Не прекращая смеяться, он плывет ко мне, вынуждая меня вжаться в доски, окружающие бассейн. Когда дальше отступать уже некуда, я вынуждена стоять и ждать, пока

он не оказывается на расстоянии вытянутой руки от меня. Я так крепко обхватила себя руками, что груди расплющились, и верхняя часть открыта его взгляду.

Карие глаза Джорджа нацелены на меня, он стоит в воде в полный рост и вода едва прикрывает его бедра. Я смотрю ему в глаза, отказываясь опускать взгляд ниже, чтобы увидеть то, что скрыто под водой.

— А я ничего не имею против того, чтобы ты видела меня обнаженным, Шарлотта.

— Возмутительно, — сухо реагирую я на его слова. — Уверена, что нет. Ты же парень.

— Возможно, доля истины в твоих словах есть, — признает он. — Но ты видела того меня, кого давно не видел никто. Все мои отвратительные замашки. То, чем я не горжусь, — когда он проводит рукой по волосам, глаза отказываются подчиняться мне и опускаются на его пресс и аппетитные бедра. Боже, какие они у него красивые. Руки покалывает от желания потянуться и провести по ним пальцами. Затем Джордж добавляет:

— Я хочу знать тебя всю. Все хорошее в тебе, плохое, даже уродливую сторону тебя.

От этих его слов, мое сердце начинает учащенно биться. В глубине души я понимаю, что сейчас тот самый момент, когда следует рассказать Джорджу правду обо мне, о том, что я могу видеть, но я не готова открыться ему по многим причинам. Одна из них — страх, что он подумает, что я лгунья, или еще хуже, что, если он возненавидит меня, за то, что я скрывала свой дар от него все это время? Или даже еще ужаснее, что, если это ускорит уход Айка? Боже, эгоистично даже думать об этом. Аик хочет уйти. Он в состоянии неопределенности уже не один месяц, но эгоистичная часть меня все еще не готова отпустить его. Аик — единственный друг, который у меня есть. Я не могу рассказать Джорджу правду. Пока не могу. Поэтому я выпрямляюсь и опускаю руки. Стоя обнаженным напротив другого человека, чувствуешь себя таким уязвимым, открытым. Может быть, я и не могу сказать ему всего, но могу показать то, чего никогда никому раньше не показывала. Дыхание замирает в груди, когда взгляд Джорджа начинает двигаться вниз по моему телу, а затем обратно вверх. Его губы сжимаются в прямую линию, грудь вздымается и опадает при каждом вдохе. Свет фонарика, лежащего в бассейне, освещает его кожу и волосы, отражается в глазах. Даже избитый и с синяками, он все равно красив.

Я еще никогда в жизни не раздевалась перед мужчиной. До аварии я была девственницей и, наверное, подарила бы ее Уиллу, парню, с которым вроде как встречалась в то время. Но авария лишила меня такой возможности, а последние шесть лет, когда я считалась чокнутой, которая умеет разговаривать с мертвыми, не способствовали наличию у меня личной жизни. Но взгляд Джорджа, путешествующий по моему телу, возбуждает меня, не оставляя места смущению.

— Я солгал тебе, — признается Джордж, делая еще один шаг ко мне. Я склоняю голову набок. Не это я ожидала услышать. — Я сказал, что не стану тебя целовать, пока не избавлюсь от зависимости и не буду выглядеть, как побитая собака, но я не в силах ждать так долго.

С трудом сглотнув, я поднимаю голову, приглашая его подарить мне поцелуй, которого так сильно хочу, хотя и не должна. Джордж все еще не поправился и все это может быть просто симптомом ломки. Возможно, я для него просто средство отвлечения и позже он пожалеет об этом, но я не в силах бороться с этим. Если он хочет поцеловать меня, я позволю ему сделать это.

Он кладет одну руку на заднюю часть моей шеи и притягивает меня к себе. Когда наши губы соприкасаются, другой рукой он обхватывает меня за талию, и я оказываюсь тесно прижата к его телу. Его язык погружается мне в рот и из меня вырывается стон, пока я позволяю своим рукам изучать его бицепсы. В теплой воде я чувствую его длинный твердый член, вжимающийся мне в живот, отчего между ног зарождается приятная боль. Наш поцелуй яростный и дерзкий, мы оба цепляемся друг за друга не на жизнь, а на смерть. Если

уж на то пошло, мы с ним держимся на поверхности воды, отчаянно ища опору, чтобы уверенно стоять на земле. Возможно, мы нашли ее друг в друге.

Когда Джордж отстраняется, я дрожу — мне не хватает тепла его тела. Уголки его губ слегка изгибаются, когда нежный взгляд его глаз останавливается на моих губах.

— Спасибо, — тихо благодарит он меня.

Джордж подарил мне самый лучший первый поцелуй из всех, что у меня были. Уилл никогда не целовал меня так — так страстно. Уверена, что *ни у одной девчонки* в мире не было такого замечательного первого поцелуя. Это я должна благодарить его. И я благодарю.

Вжимаюсь в Джорджа и снова целую его, мое желание к нему я передаю с помощью своих губ. Мои поцелуи рассказывают ему, что есть нечто большее, гораздо большее во мне, но я пока не готова рассказать ему все. Он стонет от возбуждения, и я крепко целую его один последний раз. Когда отстраняюсь, я говорю:

— Спасибо, что привел меня сюда. Здесь так... здорово.

Глава 17

Айк

Я стою неподалеку от «Купален Джефферсона», пока Джордж и Шарлотта находятся внутри. Они выходят оттуда, держась за руки, и я чувствую, что мой брат излучает счастье. Он влюбился в нее. Мы с моим братом влюбились в одну и ту же девчонку. Я усмехаюсь нелепости этой ситуации.

Переместившись обратно в мотель, усаживаюсь в кресло и жду возвращения Шарлотты. Я не собираюсь рассказывать ей, что следил за ней. Не хочу, чтобы она чувствовала себя неуютно в присутствии Джорджа или чтобы у нее мурашки по коже бежали из-за того, что я слежу за ней.

Час спустя открывается дверь и Шарлотта включает свет. Она испуганно подпрыгивает, когда видит меня, но затем смеется, прижав руку к груди.

— Пытаешься устроить мне сердечный приступ?

Улыбнувшись, я встаю.

— Просто держу тебя в форме.

— Где ты был?

— Ты попросила дать тебе пространство, чтобы поработать, и я постарался выполнить твою просьбу.

— Оу, — бормочет она и бросает свою сумку на пол у кровати. Забравшись на кровать, она зевает; волосы у нее до сих пор влажные от воды. — Джордж водил меня в «Купальни Джефферсона». Мне понравилось.

Засунув руки в карманы, я говорю:

— Я рад, что ты получила полноценный опыт купания в округе Бат, — когда наши взгляды встречаются, я вижу в ее глазах печаль и вину. Я знаю, Шарлотта чувствует себя ужасно из-за того, что хочет нас обоих, но еще хуже она чувствует себя от того, что понимает, что я ничего не могу поделать в сложившейся ситуации, как бы ни старался.

— Ляжешь со мной? — она хлопает ладонью по кровати рядом с собой, а мне хочется отказаться, хочется сопротивляться, но не могу. Если это все, что мне доступно с ней хотя бы на короткий промежуток времени, я собираюсь воспользоваться этой возможностью, как бы неправильно это ни было. Я подхожу к кровати и подпрыгиваю, как будто могу приземлиться на поверхность. Она визжит и смеется, когда я материализуюсь в лежащем положении рядом с ней.

— Почему это всегда пугает меня?

— Не знаю, — ухмыляюсь я. Повернувшись к ней лицом, я встречаюсь со взглядом ее серых глаз, и она улыбается мне. — Как прошел вечер? — спрашиваю я, хотя и так знаю как.

Она отводит взгляд буквально на секунду, а затем снова смотрит мне в глаза.

— Я ему нравлюсь... как будто по-настоящему нравлюсь ему, — тихо признается она.

— А он тебе нравится? — задаю я вопрос, на который, впрочем, тоже знаю ответ.

Ее глаза заволакивает слезами и она утыкается лицом в подушку.

— Это такая дурацкая ситуация, Айк, — говорит она.

Я закрываю глаза. Мне больно из-за того, что я больше ничего не могу сделать. Мне хочется обнимать и целовать ее, прижиматься к ней всем телом, но я не могу. Ничто из того, что я испытываю к ней, не имеет значения, потому что я никогда не смогу дать ей то, в чем она нуждается.

И мне приходится напоминать себе об этом. Рано или поздно мне придется отпустить ее. Я ей безразличен... уверен в этом. Я чувствую это всякий раз, когда она смотрит на

меня. Но я мертв. Она не должна испытывать чувство вины за то, что ей нравится мой брат-близнец, и я понимаю, что должен каким-то образом сказать ей, что все в порядке.

— Это нормально, что он нравится тебе, Шарлотта, — мягко убеждаю я ее. — Не стоит чувствовать себя плохо только из-за того, что я... — нравлюсь тебе тоже? Должен ли я произносить это вслух?

— Дело не только в том, что ты мертв, Айк. Как можно влюбиться в близнецов? Что я буду за человек, если скажу, что люблю вас обоих?

Вот в чем дело. Она любит нас обоих. Сердце в груди сжимается.

— Если ты готова отдать свое сердце другому мужчине, а не мне, то я бы хотел, чтобы это был Джордж.

— Если бы вы оба были живы, я бы никогда не смогла выбрать. Я бы просто уехала. У меня бы просто не вышло отдать предпочтение одному из вас, и я бы не хотела причинить боль никому из вас.

Улыбнувшись, я говорю:

— Полагаю, хорошо, что все так, как есть. Проблема выбора не стоит перед тобой, Шарлотта. Выбор уже сделан.

— Как я смогу спасти его и в то же время позволить тебе уйти? Как я с этим справлюсь? — после этих слов ее крики переходят во всхлипы и я не в силах видеть ее такой.

— Ты же знаешь, что я упокоюсь с миром. Я смогу уйти с легкостью, зная, что женщина, которую я люблю, и мой брат — мой лучший друг — счастливы. Я буду знать, что вы оба будете в порядке, — я едва заметно улыбаюсь и добавляю: — Шарлотта, ты тоже мой лучший друг. Я спокойно отношусь к тому, что ты будешь с Джорджем. Я считаю, что вы подходите друг другу.

И это правда, хотя она и причиняет мне боль. Шарлотта пытается улыбнуться мне, но по-прежнему выглядит обеспокоенной.

— Вскоре нам придется рассказать все Джорджу, — говорит она и вытирает слезы.

— Расскажем, но сейчас тебе нужно отдохнуть, малышка.

— Ты останешься? Не уходи, пожалуйста, — умоляет она, и я придвигаюсь ближе к ней.

— Я рядом, — *и даже когда я уйду, какая-то часть меня всегда будет рядом с ней.*

Мы снова ложимся, и в итоге она засыпает. Я смотрю на нее, на ее чистую кожу, темные волосы и понимаю, что люблю ее. И хотя в моей жизни не было задачи сложнее, чем отпустить ее, я охотно сделаю это, так как буду уверен, что она будет в безопасности и счастлива. Надеюсь, она останется здесь и обретет здесь дом. Ей будет хорошо в этом городе. Буду молить Бога, чтобы Джорджу удалось убедить ее.

Ночь плавно перетекает в утро, и сквозь шторы начинает просачиваться солнце. Шарлотта крепко спит, но испуганно просыпается, когда кто-то начинает барабанить в дверь.

— Какого?..

Я появляюсь в коридоре, затем возвращаюсь в комнату.

— Это Снайпер, — сообщаю я ей, пока она, потирая глаза, идет к двери. — Судя по его виду, что-то случилось.

— Джордж, — ахает она и испуганно распахивает глаза. Резко распахнув дверь, она спрашивает:

— Что случилось? Что-то с Джорджем?

— Нет, крошка. Вчера вечером возле бара кто-то залез в твою машину. Сейчас Джордж как раз беседует с полицией.

— Он вызвал полицию? — вскрикивает она и напрягается.

— Ага. Ведь кто-то взломал твою машину, — поясняет ей Снайпер, как будто она дурочка.

— Черт! — бормочет она. Закрыв глаза, Шарлотта сжимает руки в кулаки.

— Что не так, Шарлотта? — обращаюсь я к ней. Почему она испугалась?

— Я думаю! — отрезает она.

— Айк здесь? — спрашивает Снайпер и осматривает взглядом комнату.

— Да, — отвечает она и, подойдя к кровати, хватая с пола сумку. — У меня неприятности, Снайпер.

— Ясно, — отвечает он, заходит в комнату и закрывает за собой дверь. — Что происходит?

— Видел выпуски новостей о Кейси Перселл? О пропавшей студентке университета Вирджинии и о том, как полиции удалось обнаружить ее тело?

Пытаясь вспомнить, он приподнимает брови.

— Да, думаю, видел, — пожимает он плечами.

— Так вот... это я отправила детективам анонимное письмо, в котором рассказала, где найти тело, — мы все молчим, а затем она добавляет: — Кейси показала мне, где спрятано ее тело.

— Ты же не убивала ее, так в чем проблема? — недоумевает Снайпер.

— Как я объясню, каким образом мне удалось обнаружить тело под мостом? Они ни за что не поверят, что я разговариваю с мертвыми.

Он закусывает губу и согласно кивает.

— Нет, скорее всего, нет. А что думает Айк?

Шарлотта переводит взгляд на меня, а я обеими руками чешу затылок, пытаюсь придумать выход.

— Расскажи им правду, Шарлотта, — предлагаю я ей, но она только закатывает глаза.

Она снова переводит взгляд на Снайпера и спрашивает:

— Кто мог взломать мою машину?

— У меня есть отличная догадка, — сообщаю я.

— Скорее всего эта шлюха Мисти, — выдвигает предположение Снайпер и Шарлотта втягивает голову в плечи.

— Наверное, лучше пойти и разобраться со всем этим, — вздыхает она и надевает рюкзачок на плечи.

— Все будет в порядке, Шарлотта, — обещаю я ей. — Не переживай.

По пути в бар Снайпер пытается отвлечь ее, рассказывая всякие пикантные истории обо мне.

— Когда мы проходили курс базовой подготовки, у нас была общая душевая. Там не было кабинок или дверей, или чего-то такого, в общем, мы все находились в одном помещении, друг напротив друга.

— Серьезно? — угрюмо спрашивает она, очевидно, думая о том, что ее ждет впереди.

— Ага, но мы ведь мужчины, понимаешь? Нам нужно... спускать пар, если ты понимаешь о чем я, — продолжает Снайпер, и Шарлотта поворачивает голову в его сторону.

— О, каков засранец, — реагирую я и крепко зажмуриваюсь, догадавшись, что он собирается рассказать ей.

— Айк только что назвал тебя засранцем. Уровень моего любопытства уже зашкаливает, — улыбается Шарлотта, а Снайпер трясется, пытаясь совладать с приступом смеха. Это ублюдок еще даже не закончил историю, а уже умирает со смеху.

— Так вот, в комнате или душевой, где обитают шестьдесят парней, нет никакой возможности уединиться и подрочить, — поясняет Снайпер.

— Хочешь сказать, что шесть недель вы не занимались этим делом? — спрашивает Шарлотта.

— Просто убейте меня, — прошу я.

— А ты и так уже мертв, — напоминает мне Шарлотта.

Снайпер ржет и бьет кулаком по рулю. Он слишком сильно радуется.

— Я просто пытаюсь подбодрить ее, Айк. Не будь таким придурком.

— Продолжай. Я вся в предвкушении, — подбадривает Шарлотта Снайпера.

— Значит, Айк решил встать посреди ночи и воспользоваться ванной, — Снайпер изображает кавычки, когда говорит «*воспользоваться ванной*». — В нашем подразделении был один парень... Уильямс... полнейший придурок. У него отлично получалось доставать других из-за их слабостей. Конечно же, когда Айк направился в ванную расслабиться, Уильямс последовал за ним и застукал, как тот «спускает пар». Он ржал так громко, что разбудил всех остальных.

Шарлотта разворачивается ко мне, улыбаясь от уха до уха.

— Тебя застукали, когда ты дрочил среди ночи?

— Да, — ворчливо подтверждаю я. Это история не предназначена для ушей девушки, по которой я схожу с ума.

— Спасибо, Снайпер, — благодарю я, хотя он не может слышать меня.

— Айк говорит «спасибо», — Шарлотта передает Снайперу мои слова и улыбается.

— Рад стараться, Дрочила, — отвечает мне Снайпер. — До конца курса подготовки его только так и звали.

— Дрочила? — переспрашивает Шарлотта и, широко улыбаясь, качает головой. Снайпер только что унизил меня, как мог, но это сработало. Она немного расслабилась, но сейчас, когда мы паркуемся напротив «*У Айка и Джорджа*», ее улыбка сразу же увядает.

— Все будет в порядке, — снова заверяю ее я.

Она кивает пару раз и смотрит на свою машину. Возле пассажирской двери стоит полицейский и заглядывает внутрь, правда ничего не трогает. Завидев, что машина Снайпера въезжает на парковку, Джордж сразу же подходит к пассажирской двери, где сидит Шарлотта, и открывает ее.

— Привет, — просто здоровается он. Опухоль на глазу и губе выглядит гораздо лучше, хотя розовато-фиолетовые синяки все еще смотрятся не очень приятно. Протянув руку к Шарлотте, он помогает ей вылезти из машины, а она в благодарность вяло ему улыбается.

— Когда я приехал утром, лобовое стекло и стекло со стороны водителя были разбиты. Я ничего не стал трогать, но когда заглянул внутрь, все выглядело так, будто кто-то копался в бардачке, — Джордж кладет руку ей на поясницу и аккуратно ведет к полицейскому. Засунув руки в карманы, я остаюсь стоять возле машины Снайпера. Я стою в метре от Снайпера, но он не в курсе этого.

— Не волнуйся, Айк, — тихо произносит он, — я помогу ей, — и с этими словами он направляется к внедорожнику Шарлотты.

Глава 18

Шарлотта

— Вы владелица этой машины? — спрашивает меня полицейский, пока я изучаю осколки стекла на капоте машины.

— Она записана на имя моего отца, — поясняю я, встретившись с ним взглядом.

— А вы в курсе, что у вас просрочены регистрационные номера? — спрашивает он, и мне хочется закатить глаза. Понятия не имею, платил ли отец за обновление регистрационных номеров и номерных знаков после того, как я уехала. Меня останавливали сотню раз за эти чертовы номера и просроченное ТО, и у меня куча выписанных штрафов.

Но поскольку последние пять лет я переезжаю из штата в штат, я никогда не видела особой необходимости оплачивать их или вообще обращать внимание на их существование.

— В курсе, — отвечаю я.

— Рэнди, — раздраженно обращается к нему Джордж, — может, нам лучше сосредоточиться на том, что кто-то взломал ее машину?

В этот момент коллега офицера Рэнди подходит к нему и, отведя того в сторону, наклоняется, чтобы сказать ему что-то. Джордж подходит ко мне и кивает в их сторону.

— Округ Бат не может похвастаться большим количеством преступлений. Он просто хочет произвести впечатление, — заверяет меня Джордж.

Тяжело вздохнув, я киваю. Интересно, если я попрошу полицейских уехать, они послушаются? Чем дольше они тут, тем крепче завязывается узел у меня в желудке. Джордж кладет ладони мне на предплечья, нежно сжимает их и целует меня в лоб.

— Все будет в порядке, — шепчет он.

Нахмурившись, я поднимаю голову и смотрю на него. Он бледный, а лицо покрыто бисеринками пота. Похоже, ему не очень хорошо.

— Ты в порядке? — шепотом интересуюсь я. — Тебя тошнит?

Он с трудом сглатывает и кривит губы.

— Немного, — признается он. — Сегодня утром меня вырвало несколько раз.

— Джордж, тебе лучше пойти домой и отдохнуть, — настаиваю я и прикладываю тыльную сторону ладони к его лбу, но он быстро убирает мою руку.

— Я в порядке. Я не оставлю тебя здесь одну разбираться со всем этим.

— Мисс Акрес? — зовет меня Рэнди и я поворачиваюсь к нему, удивленная, что он обратился ко мне по фамилии. Джордж сообщил ему мою фамилию? Полицейский опускает поля шляпы пониже и кладет руку на пояс. Его коллега стоит прямо за его спиной.

— Да? — отзываюсь я.

— Вы должны проехать с нами, — сообщает Рэнди, и я напрягаюсь, когда Джордж отходит от меня и делает несколько шагов вперед.

— Какого черта, Рэнди? — сухо спрашивает Джордж, и я понимаю, что сейчас самое неподходящее время. У Джорджа ломка, и он с трудом сдерживается. Последнее, что ему сейчас нужно, это оказаться в неприятной ситуации.

— Тебя это не касается, Джордж, — говорит напарник Рэнди, подходя ближе.

— Черта с два, Уилард. Кто-то взломал ее машину вчера вечером, а вы забираете ее?

— Для тебя я офицер Ллойд, Джордж, и если мы сказали, что нам нужно, чтобы она проехала с нами, значит так и будет, — отрезает Уилард.

Нужно вмешаться и успокоить Джорджа. Обойдя вокруг него, я смотрю ему в глаза и кладу руку на грудь.

— Все в порядке, Джордж. Наверное, все из-за каких-то просроченных штрафов, — я бросаю взгляд на Снайпера, молча призывая его помочь мне выпутаться.

Он четко и ясно понимает мой молчаливый призыв. Подойдя к нам, он обнимает Джорджа за плечи и тянет его назад.

— Все в порядке, дружище. Мы поедем следом за ней в участок и разрешим все вопросы.

— Бред собачий, и ты это отлично знаешь, Рэнди, — рычит Джордж, пока Снайпер тащит его за собой. Джордж подходит ко мне и, положив руку мне на плечи, слегка наклоняется, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. — Мы поедем следом за тобой. Мама сможет приехать и открыть ресторан, а на кухне сегодня смена Грэга, он вполне справится сам.

Мое сердце ухает в пятки. Джордж ведет себя так мило и замечательно, несмотря на то, что у него ломка, а я скрываю от него правду. Так чудесно, что есть человек, который заботится обо мне вот так, но в душе у меня кошки скребут. *Когда Джордж узнает правду, он возненавидит меня.*

— Тебе вовсе необязательно ехать, Джордж. Уверена, дело в штрафах. Я буду чувствовать себя неловко, если ты поедешь вместе со мной. К тому же, тебе лучше отдохнуть.

— Я еду с тобой, Шарлотта, — сурово заявляет он, наклоняется и легонько целует меня в губы, чертовски перепугав этим своим жестом. Я смотрю на Айку и вижу, что он изучает землю под ногами, а брови Снайпера чуть ли к середине лба взлетели. — Не волнуйся. Мой отец адвокат и, если понадобится, он нам поможет, — успокаивает меня Джордж.

— Поехали, — командует Рэнди из-за его спины, и я закатываю глаза.

— Могу я взять свою сумку из машины Снайпера?

Рэнди кивает в ответ, и, забрав сумку, я сажусь на заднее сиденье коричневого полицейского автомобиля, и мы едем в полицейское управление округа Бат. Айка появляется рядом со мной на сиденье и ободряюще мне улыбается.

— Дело не в штрафах, — утвердительно сообщает он, и я киваю, давая понять, что понимаю это.

— Так в чем дело? Почему вы везете меня в участок? — обращаюсь я к Рэнди и Уилларду.

— На вашу машину и вас вчера вечером поступила ориентировка. Вас разыскивают для допроса в связи с расследованием дела Кейси Перселл.

Я откидываю голову на подголовник заднего сиденья и шумно вздыхаю. День обещает быть долгим.

Приехав в отделение, меня сразу же отводят в маленькую комнатку, в которой стоят только стол и два стула по обе стороны от стола. Там даже есть стеклянная стена, как в фильмах, и я понимаю, что с другой стороны за мной будут наблюдать. Айка остается со мной, хотя я и не могу разговаривать с ним. Все равно приятно осознавать, что он рядом.

Только через три часа, за которые я успеваю выпить четыре чашки крепкого безвкусного кофе, дверь открывается и в комнату входит высокий темноволосый мужчина в брюках цвета хаки и светло-голубой рубашке. В одной руке у него папка, а в другой бутылка воды.

— Мисс Акрес, — кивает он в знак приветствия. — Меня зовут детектив Эндрюс, и я представляю полицейское отделение Шарлоттсвилля, — я молча наблюдаю, как он выдвигает стул и садится напротив меня. — Воды не желаете? — предлагает он, протягивая мне бутылку. Я отрицательно качаю головой.

Он опирается на стол руками и спрашивает:

— Вы в курсе, почему вас привезли сюда?

— Офицеры, которые доставили меня сюда, сказали, что на меня получена ориентировка в связи с расследование дела Кейси Перселл.

Выпрямившись, он внимательно смотрит на меня.

— Вы были знакомы с Кейси Перселл?

— Ничего не отвечай, — предупреждает Айк.

— Я арестована? — задаю я встречный вопрос.

— Нет. Но вы под подозрением. Вашу машину видели на заправке неподалеку от того места, где было обнаружено тело Кейси.

— И это включает меня в ряды подозреваемых? Вы считаете, что я имею какое-то отношение к ее убийству?

— А вы имеете? — просто спрашивает он, и я в ответ свысока улыбаюсь.

— Вы шутите?

— Нам известно, если уж на то пошло, что именно вы сообщили, где находится тело, — отвечает Эндрюс и открывает папку. — Вам это знакомо? — он достает листок бумаги в пластиковом пакете. Я сразу же узнаю его. Это анонимное письмо, которое я написала.

С трудом сглотнув, я делаю глубокий вдох.

— Это письмо, — сообщаю ему я, потому что понятия не имею, что еще нужно сказать. Пытаясь успокоиться или хотя бы казаться спокойной, я кладу руки на стол и переплетаю пальцы.

Он грустно улыбается мне, словно хочет этим сказать *«Вы просто оттягиваете неизбежное»*.

— А что насчет вот этого? — спрашивает он, убирает письмо обратно в папку и кладет передо мной фотографию, от вида которой у меня замирает сердце.

На фото изображен фонарик, который я уронила в воду в ту ночь. Я могла бы отрицать, что он мой, если бы на нем не было жирными буквами написано «АКРЕС». У моего отца всегда был пунктик касательно помечания принадлежащих ему вещей. Я идиотка. Как я могла забыть про фонарик?

— Я пытаюсь получить ордер на арест, и уверен, что бумага, на которой написано анонимное письмо, может оказаться вырвана из принадлежащей вам записной книжки.

Опустив руки на колени, я качаю головой. Вот она благодарность за то, что я пытаюсь помочь.

— Думаю, мне нужен адвокат.

Глава 19

Айк

Как только дверь за детективом Эндрюсом закрывается, Шарлотта сразу же вскакивает и начинает нервно расхаживать по комнате.

— Просто расскажи им правду, — предлагаю я, но она отрицательно качает головой. — С той стороны стекла сейчас никого нет, и здесь нет камер. Ты можешь разговаривать со мной.

— Кто мне поверит?

— Шарлотта, расслабься. Я понимаю, что ты напугана, но у них нет доказательств, что ты была там в ту ночь, когда Кейси исчезла. Просто расскажи им все, что знаешь, и, может быть, у них получится найти настоящего убийцу.

— И как мне объяснить им, откуда я узнала все подробности произошедшего, Айк? Может быть, они и не могут обвинить меня в убийстве, но все это определенно выглядит очень подозрительно.

— Джордж привезет отца и он поможет.

— Я не стану пользоваться услугами твоего отца ради этого, Айк. Не могу. Не после того, как лгала твоей семье о нас и... о тебе, — заканчивает она свою мысль.

— Значит, пришло время рассказать правду моему отцу, — заявляю я. Я встаю перед ней, и она прекращает расхаживать и встречается со мной взглядом. — Он поверит тебе. Я позабочусь о том, чтобы поверил.

Она опускает голову и вздыхает.

— Не уверена, что готова к этому.

Час спустя в комнату влетает мой отец и сразу же бросается обнимать Шарлотту.

— Ты в порядке, дорогая? На Джорджа хоть смирительную рубашку надевай, так он распсиховался, волнуясь за тебя, — сообщает мой отец.

Когда Шарлотта отстраняется, в ее глазах стоят слезы.

— Спасибо, что приехали, мистер МакДермотт.

— Я же просил называть меня Генри. А теперь садись. Давай разберемся с этой неразберихой, — он ведет Шарлотту к ее стулу, а затем обходит вокруг стола, садится напротив нее и вытаскивает из портфеля желтый блокнот.

— Вы рассказали Джорджу из-за чего я здесь? — Шарлотта морщится, задавая вопрос.

— Ты просила меня не рассказывать, и все, что мы сейчас будем обсуждать, останется сугубо между нами. Я переговорил с детективом Эндрюсом. Теперь я бы хотел услышать твою историю.

Взгляд Шарлотты переключается на меня, и я ободряюще киваю ей.

— Генри, знаю, что мое объяснение прозвучит странно, но я нашла тело Кейси Перселл под мостом Юкон и сообщила о своей находке.

— Понятно. Ты имеешь какое-либо отношение к ее смерти? — задает он следующий вопрос.

— Нет! Клянусь! — спешит заверить моего отца Шарлотта.

— Просто расскажи ему правду. Он поверит тебе, — уговариваю ее я, и она крепко зажмуривается. Когда она открывает глаза, ее взгляд мимоходом скользит по мне, так быстро, чтобы мой отец ни о чем не догадался, но этого взгляда достаточно, чтобы я понял, что она извиняется за то, что не собирается рассказывать ему правду.

— Я проезжала через Шарлоттсвилль, и вдруг моя машина начала вилять. Я притормозила возле моста и вышла, чтобы проверить шины. Выходя, я взяла с собой фонарик, так как в тот вечер шел дождь, но к несчастью я поскользнулась и фонарик упал за бортик моста. Я полезла за ним, но не смогла найти его. Именно тогда я наткнулась на тело Кейси, — Шарлотта заканчивает свою ложь и старается не смотреть мне в глаза. Она понимает, что я расстроен из-за того, что она не стала рассказывать ему правду.

— Почему ты просто не обратилась в полицию?

— По нескольким причинам. Я испугалась. Мне не хотелось быть свидетелем или что-то в этом роде. У меня накопилась куча штрафных квитанций за несколько лет и я переживала, что из-за этого у меня будут неприятности. У меня не было денег, чтобы оплатить их.

— Ты ведь понимаешь, насколько глупо это звучит, правда? — говорю я ей, и она сжимает губы, как будто злится.

Подтолкнув блокнот к Шарлотте, отец предлагает ей:

— Напиши заявление, и мы отдадим его детективу.

Она кивает, подвигает к себе блокнот, берет ручку и начинает писать. Когда Шарлотта заканчивает писать заявление, отец крепко обнимает ее и заверяет, что все будет в порядке, а затем уходит, чтобы отдать детективу заявление.

— Мне казалось, мы договорились, что ты расскажешь ему правду.

— Договорились, — резко отвечает она. — Но не сейчас. У Джорджа ломка. Пусть он отойдет от всего этого, и тогда мы расскажем им все.

И затем в комнате на мгновение повисает тишина. Шарлотта сидит прямая, как палка, сложив руки на коленях, и смотрит в пространство перед собой.

— Ты в порядке, Шарлотта? — спрашиваю я.

Она вяло улыбается.

— Вдруг они возненавидят меня за то, что утаивала от них правду так долго?

— Не будут они ненавидеть тебя, — обещаю я ей. И я ни капли в этом не сомневаюсь. Может, поначалу они будут немного шокированы, но точно поверят ей.

— Прошло так много времени с тех пор, как кто-то заботился обо мне. Я не хочу потерять их, Айк. Но и тебя я тоже не хочу потерять.

— Ты и не потеряешь, — заверяю я ее. — Может быть, после того как я уйду ты и не сможешь видеть меня, но, Шарлотта, я навсегда останусь в твоём сердце, — я театрально прижимаю руку к груди. — Мои близкие ни в коем случае не отвернутся от тебя. Ты теперь часть нашей семьи. Они никогда не повернутся к тебе спиной. Клянусь.

Ее полные слез глаза встречаются с моими, и она подавляет всхлип.

— А как только они узнают, если они примут эту информацию и обретут покой, ты уйдешь. У меня такое чувство, что как бы ни решила поступить, я в любом случае лишусь чего-то, Айк. Это убивает меня.

— Шарлотта, — мой голос надламывается.

Встав, я подхожу к зеркальной стене, пытаюсь совладать с собственными чувствами. Ненавижу, когда она плачет, но еще сильнее мне ненавистна мысль, что когда покину ее, это причинит мне такую же боль, какую испытывает она. Но я чувствую некое невидимое глазу притяжение, которое тянет меня, зовет в другое место. Меня бы уже здесь не было, если бы не Джордж, но его хватка — груз, лежащий на моих плечах, начинает уменьшаться. Когда Джордж обретет покой, у меня не останется выбора, кроме как уйти туда, куда тянет меня эта невидимая нить, и это будет означать также, что я покину эту красивую девушку. Я понимаю, что с одной стороны так будет лучше для нее, как бы она ни грустила из-за этого. Рано или поздно, она начнет двигаться дальше или ее печаль пойдет на убыль, и она будет счастлива. С другой стороны, эгоистичная часть меня хочет, чтобы она нуждалась во мне.

— Что, если ты ошибаешься? Тогда я снова останусь одна, Аик. И окажусь снова в том состоянии, в котором пребывала, когда мы встретились. Одинокая, потерявшая надежду.

Быстро обойдя вокруг стола, я наклоняюсь над ним так, что наши с Шарлоттой взгляды встречаются. Я не допущу, чтобы она снова чувствовала себя так. От воспоминания о том, как она стояла на перилах того моста, все внутренности сжимаются. В жизни столько красок и чудес, она полна взлетов и падений, но Шарлотта — лучшая часть жизни. Она — это свет, тепло и благословение.

— Послушай меня, Шарлотта. Я больше никогда не хочу слышать подобных слов, — я сжимаю руки в кулаки, когда меня охватывает гнев, и она отводит глаза. — Посмотри на меня, разрази тебя гром! — кричу я. Когда ее взгляд снова возвращается ко мне, она задерживает дыхание. — Никогда не сдавайся. Пообещай мне, — требую я уверенным голосом с нотками злости в нем.

— Я не смогу уйти спокойно, если хоть на секунду представлю, что ты снова превратишься в ту девушку, которая стояла в ту ночь на мосту, Шарлотта. Пообещай мне, — умоляю я. Слезы подступают к моим глазам, когда мной овладевают страх и гнев.

Она так важна для меня. Я должен знать, что у нее все будет в порядке — что она будет сильной. Моя жизнь там, куда я уйду, превратится в ад, если я буду вынужден уйти, беспокоясь, что она сведет счеты с жизнью после моего ухода. Мне нужно знать, что она переживет мой уход, что с ней все будет в порядке.

Понизив голос и глядя прямо ей в глаза, я молю:

— Пожалуйста, детка. Пообещай мне. Мне необходимо... Мне необходимо знать, что ты будешь в порядке.

По ее щекам струятся слезы, но она едва заметно кивает.

— Обещаю.

— Мне жаль, что в этот момент я не могу обнять и утешить тебя. Я бы душу дьяволу продал за такую возможность, Шарлотта, — от моих слов с ее дрожащих губ срывается всхлип.

— Знаю, — шепчет она, вытирая лицо и нос дрожащими пальцами. Шарлотта делает несколько глубоких вдохов и спустя несколько секунд, она, кажется, успокаивается немного. Еще через час в комнату возвращается детектив с ее распечатанным заявлением и велит ей подписать его в присутствии моего отца.

— Вы ведь в ближайшее время не собираетесь покидать город, Шарлотта? — интересуется Эндрюс.

— Нет, сэр, — отвечает она.

— Вашу машину привезли сюда для обследования. Мы собираемся снять отпечатки пальцев. Если найдем сходства с отпечатками того, кто взломал вашу машину, мы свяжемся с вами. Мы сообщим, когда вы сможете забрать машину.

— Спасибо, — благодарит она и вяло кивает перед тем как встать. Мой отец выводит ее из комнаты допросов и ведет по коридору до вестибюля. Завидев их, Джордж мгновенно вскакивает с кресла и обнимает ее.

— Какого черта так долго? — рычит он. Под глазами у брата мешки и он очень бледен. Мне больно видеть, что ему плохо.

— Джордж, сегодня был долгий день. Давай просто отвезем ее домой, — предлагает отец. Он чувствует тревожное состояние Джорджа, но не понимает, что это имеет какое-то отношение к ломке.

— Я отвезу их, — вызывается Снайпер.

Глава 20

Шарлотта

Снайпер везет нас домой к Джорджу, настояв, что возьмет управление рестораном на себя. Всю дорогу до дома мы с Джорджем сидим на заднем сиденье и он, несмотря на свое состояние, обнимает меня. Дышит он с трудом, и я понимаю, что ему плохо. Я рассказываю ему, что нашла тело Кейси; само собой, опустив ту часть, где призрак Кейси показал мне, где оно. Он обнимает меня еще крепче и говорит, что я очень сильная, раз смогла пережить такое. Все внутри меня напрягается, ведь я снова лгу ему.

Как только мы заходим в дом, Джордж ведет меня в ванную в хозяйской спальне и откручивает вентиль.

— Прими ванну и попытайся расслабиться, а я закажу пиццу.

— Джордж, ты плохо себя чувствуешь. Это тебе нужно принять горячий душ и позволить мне заняться обедом.

— У тебя был по-настоящему дерьмовый день. А я буду чувствовать себя дерьмово, что бы ни делал. По крайней мере, хоть одному из нас стоит чувствовать себя лучше.

Он выделяет мне футболку и какие-то боксеры и оставляет принимать ванну. Я долго отмокаю, до тех пор, пока не слышу звонок в дверь, и понимаю, что, видимо, доставили пиццу. Я не ела весь день, поэтому быстренько вылезая из ванны и одеваюсь.

Выйдя на кухню, вижу Джорджа в одних шортах до колена, его кожа блестит от пота. Черт. Он выглядит совсем неважно.

— Мне очень жаль, что я бросаю тебя, Шарлотта, но мне нужно прилечь. Пожалуйста, чувствуй себя как дома.

— Хорошо, — я киваю, а он уходит в свою спальню.

Пока ем, я включаю телевизор и стараюсь вести себя тихо, чтобы Джордж мог поспать. Спустя какое-то время, я решаю пойти проверить как он и нахожу его свернувшимся в клубок на кровати; он весь мокрый. Кожа на ощупь горячая, как будто он весь горит. Нахожу тряпицу, смачиваю ее холодной водой и кладу прохладную ткань ему на лоб. Затем беру сухое полотенце и пытаюсь вытереть его.

— Тебе лучше пойти домой, Шарлотта, — стонет он от боли. — Не хочу, чтобы ты видела меня в таком состоянии.

Взяв Джорджа за руку, я целую его ладонь.

— Я никуда не собираюсь уходить. Все хорошее, плохое, даже уродливое... помнишь?

И это действительно уродливо. Следующие несколько дней я остаюсь с Джорджем, пока его тело наказывает его за отказ от кокаина, таблеток и выпивки, к которым он привык. Мое сердце болит за него; я готова все что угодно сделать, лишь бы облегчить его боль. Я остаюсь ночевать у него, на случай, если понадобится ему, а днем напрасно стараюсь уговорить его съесть хоть что-нибудь. Аик заверяет меня, что если Джордж будет постоянно пить воду, с ним все будет в порядке. Тело способно продержаться без еды, но без воды уже через три дня наступит обезвоживание. Я уходила только пару раз, когда в перерывах между сменами посидеть с Джорджем приезжал Снайпер, и ездила прибираться в номерах для Джинджер. Зато у меня появилась возможность воспользоваться стиральной машиной Джорджа и перестирать свою одежду.

Первые сутки были самыми ужасными, но время шло и ему стало чуть легче. Сейчас он просто чувствует усталость и хочет спать. Пока Джордж выведен из строя, я пытаюсь найти ему терапевта или средство, которое может помочь избавиться от зависимости. Надеюсь, он не будет против.

— Ему нужно пройти реабилитацию, — говорит Аик, пока я ищу в Google информацию о наркотической зависимости.

— Он не согласится, — отвечаю я. — По крайней мере, по началу.

— С кем ты разговариваешь? — хрипло интересуется Джордж, появляясь в дверях гостиной. Я чуть под потолок не подпрыгиваю. Он без рубашки, и в течение нескольких секунд я не в силах отвести взгляд, наслаждаясь его рельефным прессом и широкими плечами.

— Сама с собой, — отвечаю я, отставив в сторону ноутбук Джорджа, и встаю.

— Ты частенько так делаешь? — спрашивает он. — Мисти рассказывала, что ты разговаривала сама с собой в тот день, когда приступила к работе в баре.

Мне чертовски сложно не хмурится при упоминании ее имени.

— Рассказывала, значит? — уточняю я, и мне не удается скрыть раздражение в голосе. — Уверена, что она много чего может рассказать обо мне.

— Полегче, Шарлотта, — прерывает меня Айк, но я только закатываю глаза.

Протиснувшись мимо Джорджа, я иду на кухню и начинаю доставать бекон и сыр, чтобы приготовить бутерброды.

— Есть хочешь?

Я кладу продукты на стол справа от холодильника, а сама ищу майонез, но тут чувствую, как на бедра мне ложатся руки и оттягивают меня назад. Джордж разворачивает меня, закрывает дверцу холодильника за моей спиной, приподнимает меня и усаживает на кухонный стол.

Я машинально развожу ноги в стороны, чтобы он мог встать ближе ко мне, но так как на мне только старая футболка и пара боксеров Джорджа, то поза ощущается очень... интимной. Он проводит рукой по моему бедру, пока не касается резинки боксеров, которые надеты на мне, и там его ладонь останавливается.

— Шарлотта, спасибо тебе, — благодарит меня он. — За то, что ухаживала за мной. Мне жаль, что тебе пришлось это делать, — взгляд его карих глаз останавливается на моих глазах, и, протянув руку, я запускаю пальцы в его лохматую шевелюру.

— Спасибо, что позволил позаботиться о тебе, Джордж, — отвечаю я и опускаю взгляд на его губы.

Когда наши губы встречаются в страстном поцелуе, от которого поджимаются пальчики на ногах, я забрасываю руки ему на шею, тянусь к нему, пока не оказываюсь так близко, как только возможно. Не успеваю я опомниться, как он поднимает меня, я обхватываю его ногами за талию и мы, не размыкая губ, движемся в его спальню. Мы представляем из себя клубок сумасшедшего желания, когда падаем на кровать и он всем весом прижимает меня к ней. Мое тело пронзает приятная боль, а когда рукой Джордж пробирается мне под футболку и обхватывает ладонью грудь, я практически взрываюсь. Он прокладывает дорожку поцелуев от шеи к груди, задирает футболку и своими красивыми губами начинает посасывать мой заострившийся сосок. С моих губ срывается низкий гортанный стон и я приподнимаю бедра, чтобы прижаться ими к его телу, умоляя о всем том, что он готов дать мне.

— Шарлотта, — шепчет он, задыхаясь, и все внутри меня сжимается.

Он убирает руку с моей груди и ладонью скользит вниз по моему телу, вжимая пальцы в мою плоть, пока теребит резинку боксеров. Туман желания начинает рассеиваться, когда жестокая действительность внезапно обрушивается на меня. Во-первых, где Айк? Я совершенно забыла, что он был в гостиной, когда все это началось. А заниматься сексом с Джорджем, пока Айк наблюдает за нами, кажется неправильным по целому ряду причин. Но даже если отбросить этот факт, остается самый главный: я — девственница. Все происходит слишком быстро. А Джордж еще толком не избавился от своей зависимости.

— Джордж, — стону я в попытке охладить его пыл, но, кажется, только подстегиваю его еще сильнее, так как он тянет за резинку боксеров и начинает тянуть их вниз по моим бедрам.

— Боже, Шарлотта, ты такая красивая, — мурлычет он, продолжая стягивать боксеры вниз. — Я так сильно тебя хочу.

Я хочу его с не меньшей силой. Я самый ужасный человек на свете, но я, правда, хочу его. Как я могу так поступать с Айком?

— Джордж, нам нужно остановиться, — наконец-то удается прохрипеть мне, и он замирает, успев стянуть боксеры с меня уже до щиколоток. Его глаза широко раскрыты и в них плещется смущение.

Отстранившись, как будто я обжигаю его, он извиняется:

— Прости, я думал ты... забудь. Я придурок. Мне очень жаль.

— Дело не в этом, Джордж. Я, правда, хочу тебя. Очень сильно, — я делаю ударение на последних двух словах, а сама тянусь вниз и натягиваю обратно боксеры. Перекатившись, я сажусь на колени перед ним, и мой взгляд падает на внушительную эрекцию под его боксерами. Мне жутко хочется прикоснуться к нему, пройти рукой по всей длине и почувствовать его реакцию на мои прикосновения. — Просто... Мы слишком быстро двигаемся и...

— Понимаю. Я неудачник и наркоман, — угрюмо заявляет он и собирается встать с кровати.

— Нет! — восклицаю я, и он останавливается. — У меня еще никого не было, Джордж, — признаюсь я, с трудом проглотив комок в горле.

Его брови взлетают вверх.

— Ты серьезно? — не веря своим ушам, уточняет он. Не знаю, он мне не верит или просто удивлен.

— Серьезно, — отвечаю я и наблюдаю за ним, пытаюсь решить, как действовать дальше. Между нами повисает тишина и вверх по шее ползет жар, заливая щеки. Может, он думает, что я какая-то прокаженная, раз не лишилась невинности до сих пор? Криво улыбаясь, я добавляю: — Просто подумала, может, тебе следует знать.

— Как... не понимаю, как? Ведь ты такая... совершенная, — бормочет он, думаю, скорее сам себе, нежели мне. Мое сердце раздувается, увеличиваясь в размерах раз в пять, отчего в груди все сдавливает. *Совершенная*. Он считает меня совершенной.

— Я тоже считаю тебя удивительным, — признаюсь я ему, но внутренности сводит, когда я вспоминаю, что, хотя этот парень и влюблен в меня, на самом деле он не знает меня. По крайней мере, не знает кое-какую важную правду обо мне.

Взгляд его темных глаз встречается с моим, он протягивает руку и заправляет прядь волос мне за ухо.

— Понятия не имею, почему ты обо мне такого высокого мнения, но, клянусь, я хочу быть достойным такой высокой оценки, хочу быть достойным тебя, Шарлотта, — с трудом сглотнув, он опускает глаза. — Мужчина, которого ты встретила и с которым познакомилась, это не я. Честно, я понимаю, что покажусь еще более одержимым, но мне не нужны наркотики. Я просто был так потерян, мне хотелось не чувствовать ничего в течение долгого времени. Совсем ничего. Но теперь я хочу чувствовать... по крайней мере, готов испытывать положительные эмоции. Мне хочется испытывать какие-то чувства с тобой.

Слезы готовы пролиться из моих глаз. Я открываю рот, чтобы ответить, но внезапно раздается стук в дверь.

— Ты ждешь кого-то? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает он, встает и ищет футболку, которую можно надеть, но я слезаю с кровати и останавливаю его.

— Я открою. Ты нравишься мне без футболки, — подмигиваю я Джорджу и прохожу мимо него к выходу из спальни.

— Я запомню, — он подмигивает мне, притягивает обратно к себе и очень нежно целует. Я прижимаюсь к нему, пока он аккуратно пропускает мои волосы сквозь пальцы.

Отстранившись, он внимательно смотрит мне в глаза и говорит: — Я буду ждать столько, сколько потребуется. Я хочу быть с тобой. Знаю, что сначала должен доказать тебе, что достоин, но я докажу. Обещаю, — затем он снова целует меня, но резкий стук в дверь снова прерывает нас.

По пути к двери я решаю, что сегодня вечером расскажу Джорджу правду. Я должна все ему рассказать. Больше не могу утаивать это. Я только молюсь, что, узнав правду, он не возненавидит меня. Но даже мне ясно, где-то в глубине души, что он воспримет это не очень хорошо и мне нужно подготовиться к его реакции. Может быть, следует попросить Снайпера присутствовать при этом разговоре.

Гость за дверью на этот раз стучит еще громче, и я хмурюсь.

— Попридержи коней! Сейчас открою! — кричу я и распахиваю дверь. Всего секунду назад я пребывала на седьмом небе от счастья, хотя и там присутствовало сомнение и неуверенность, но я все равно таяла от удовольствия от признания Джорджа, что он хочет быть со мной. Я тоже хочу быть с ним. Но, открыв дверь, сердце у меня уходит в пятки, когда я натыкаюсь на взгляд пары знакомых серых глаз.

— Шарлотта Анна, — произносит мужчина с явным разочарованием в голосе.

Облизнув пересохшие губы и сложив руки перед собой, чтобы скрыть, что я нервничаю, я отвечаю:

— Отец.

Глава 21

Айк

Когда Джордж уводит ее от холодильника и сажает на стол, я сразу же переносусь на улицу. Это самая настоящая пытка — наблюдать, как женщина, которую я люблю, проводит время с другим мужчиной. И никто из них не виноват, что только ухудшает ситуацию.

Я сам подтолкнул ее к Джорджу, и в итоге она влюбилась в нас обоих. Это нечестно по отношению к нам — ни к ней, ни ко мне, ни к Джорджу. Хотя мой брат даже не подозревает о существовании этого извращенного любовного треугольника.

Невидимое притяжение, сила, которая притягивает меня к тому, что находится за гранью этого мира, усиливается по мере того, как ослабевает мое беспокойство за Джорджа. Я знаю, что он по-прежнему нестабилен и все еще не оправился, но все равно считаю, что пришло время рассказать ему правду.

Несомненно, с его стороны последует некое охлаждение и ему понадобится несколько дней, чтобы смириться с этой информацией. Но ему необходимо узнать правду и принять ее. Если же говорить только обо мне, то вся эта ситуация разрывает меня на части. Я очень хочу, чтобы Джорджу стало лучше, чтобы он был счастлив, но его счастье подразумевает, что он получит то, за что я готов душу продать.

Я придурок, раз допускаю подобные мысли. Они два человека, которых я люблю больше всех на свете, и мне бы хотелось, чтобы они сошлись, когда я уйду, но так тяжело наблюдать, как это происходит.

Я хожу туда-сюда по подъездной дорожке, когда к дому подъезжает голубой седан и из него выходит зрелый мужчина в брюках и зеленой рубашке. У него суровое выражение лица, как будто он зол, и я напрягаюсь. Кто, черт возьми, этот парень и зачем он здесь? Он стучит и стучит во входную дверь Джорджа, пока Шарлотта не распахивает дверь, но она сразу меняется в лице — вся кровь отливает от него.

— Шарлотта Анна, — рычит мужчина, и я перехожу в режим полной боевой готовности. Кто это и откуда он ее знает?

Я материализуюсь в дом за спину Шарлотты, когда она говорит:

— Отец.

У меня отвисает челюсть. Так вот он, этот урод, который обращался с ней, как с безумной, а потом отослал прочь? Готов отдать свое левое яичко за возможность вмазать этому парню. Любой, кто знаком с Шарлоттой, кто по-настоящему знает ее и ее тайны, понимает, что она не чокнутая. Она красивая и бескорыстная. Только посмотрите, на что она согласилась, чтобы помочь мне, что уж говорить о тех, кому она помогла до меня?

— Как ты меня нашел? — удастся ей выдавить из себя.

— Мне позвонили из полиции и сообщили, что моя машина под арестом в связи с расследованием убийства и взлома. Шериф дал мне адрес твоего мотеля, но там тебя не оказалось и мне дали этот адрес.

Замерев, Шарлотта стоит и смотрит на него.

— Могу я войти? — спрашивает ее отец после долгой паузы, хотя на самом деле его вопрос мало напоминает просьбу. Я вижу, что он использует отеческий тон с ней. Он прохаживается по ней взглядом, изучая ее одежду. На ней футболка Джорджа и его боксеры, подкатанные так много раз, что ее зад практически вываливается из них. Мне кажется, что это сексуально, но, полагаю, ее отец другого мнения.

— На самом деле, сейчас не самое подходящее время, — наконец-то отвечает она. — Где ты остановился? Я встречаюсь с тобой там, — она паникует и это заметно по интонации ее голоса, по крайней мере мне. Она боится, что отец откроет Джорджу правду.

Шарлотта выходит на крыльцо и прикрывает за собой дверь, вынуждая своего отца отступить назад. Остается небольшая щелочка, сквозь которую я прекрасно вижу их обоих.

— Я остановился в отеле «Арчер Вэлли», — сообщает он ей, и хотя я не думал, что лицо Шарлотты может стать еще бледнее, но она становится совсем белая. Мир тесен порой, и, конечно же, из всех гостиниц округа Бат ее отец предпочел остановиться в той, которая принадлежит моим родителям.

— Все будет в порядке, Шарлотта, — говорю я ей, как и обычно, хотя она, кажется, никогда не верит мне. Она вцепилась в дверную ручку, поэтому, когда Джордж распахивает дверь, Шарлотта чуть не падает, но ему удается поймать ее. И если до этого отец с неодобрением смотрел на ее наряд, то появившийся в дверях без рубашки Джордж не сильно помогает делу.

— Эм... чем могу помочь? — спрашивает Джордж и прижимает Шарлотту к себе.

Мне жаль, что я не могу крепко обнимать ее, когда мир вокруг, кажется, будто рушится под ногами, но раз уж я не могу, то рад, что Джордж может сделать это за меня. Ей нужен кто-то, кто будет удерживать ее на поверхности.

— Я Уэйн Акрес, отец Шарлотты, — представляется ее отец.

— Ох, — вырывается у захваченного врасплох Джорджа. — Приятно познакомиться, сэр, — он сразу же выпрямляется и протягивает руку ее отцу, но мистер Акрес игнорирует протянутую руку моего брата.

— Я просто приехал за своей дочерью. Шарлотта, ты без транспортного средства. Почему бы тебе не переодеться, и мы встретимся у меня в машине? У тебя пять минут, — и, дав указания, он разворачивается и направляется к своей машине.

Джордж закрывает дверь и поворачивается к Шарлотте.

— Думаю, я ему понравился, — пытается пошутить он, но Шарлотте не смешно.

— Дело не в тебе. Мне надо идти.

Шарлотта бежит в его комнату, а он идет следом за ней. Она так спешит, снимая с себя одолженную «пижаму», что не замечает, что мы оба в комнате. И хотя ситуация идиотская, мы мужчины и оба, не отводя взгляда, наблюдаем за ней.

Когда она заканчивает одеваться и оборачивается, я жду, что она сердито нахмурится и сделает Джорджу выговор за то, что тот подглядывал за ней, подразумевая и меня тоже, но она ничего не говорит. Шарлотта проходит мимо Джорджа и хватает свою сумочку в гостиной. Затем идет к двери, но прежде чем открывает ее, Джордж кладет руку на дверь, останавливая Шарлотту.

— Ты выглядишь так, будто у тебя сейчас сердечный приступ случится. Ты в порядке?

— Я в порядке, — отвечает она. — Мы не очень хорошо ладим, и прошло уже много времени с тех пор как мы виделись последний раз. Я просто сильно удивилась, увидев его.

— Тебе вовсе необязательно ехать с ним. Я сейчас выйду и велю ему проваливать к чертям с моей собственности.

— Все будет нормально. Я позвоню тебе позже, — обещает она и целует его в щеку.

— Сегодня вечером я планирую выйти на работу. Слишком долго отсутствовал. Мне нужно все проверить и начать возвращаться к делам.

— Хорошо, — отвечает она. — Уверен, что уже готов?

Он улыбается.

— Готовее некуда, — он наклоняется и нежно целует ее. Она быстро отстраняется, не знаю, из-за того, что знает, что я рядом, или просто нервничает. А может быть, оба варианта.

— Пока.

Шарлотта выскальзывает за дверь, и я материализуюсь рядом с ней.

— Мне жаль, что тебе пришлось увидеть это, — она имеет в виду то, что произошло между ней и Джорджем.

— Я знаю. Но у тебя есть другие проблемы, по поводу которых стоит волноваться, детка. Просто помни, что тебе не надо ни о чем сожалеть, Шарлотта. Если кто и неправ, так это твой отец.

Каким-то образом ей удастся уговорить своего отца поехать к ней в мотель, чтобы они могли побеседовать в более приватной обстановке. По пути они почти не разговаривают, и тишина в машине стоит оглушительная. Ее отец задумался; очевидно, обдумывает то, что хочет сказать. Тем временем Шарлотта сидит неподвижно, сцепив руки на коленях. Мне больно видеть, насколько перепуганной она выглядит.

Когда они оказываются в ее номере, он садится в мое кресло и наклоняется вперед, упираясь локтями в колени.

— Тебя не было пять лет, — говорит он и переводит взгляд на Шарлотту, сидящую на кровати.

— Не думала, что ты станешь считать, — она смотрит в пол, но ее голос звучит уверенно.

— Как тебе удалось прожить пять лет на тридцать тысяч долларов?

— Справлялась, — сухо отвечает она.

— Как? — настаивает он. Его голос звучит сурово, и Шарлотта напрягается.

Он встречается с ней взглядом, и она выпрямляет спину.

— Будь сильной, Шарлотта, — подбадриваю я.

— Ну, я часто спала в машине, — признает она, и я закрываю глаза, так как мне отвратительна мысль, что она спала в холодной машине. — Иногда люди одалживали мне денег и позволяли переночевать у них ночь-другую.

— Превратилась в попрошайку? — спрашивает он скептически.

— Нет, — твердо заявляет она. — Знаю, тебе трудно в это поверить, отец, но есть люди, которые верят в то, что я могу делать. Этим людям я подарила утешение, когда помогла им пообщаться с любимыми людьми, которых они потеряли. В благодарность они предлагали мне крышу над головой и иногда немного денег.

— О, Господи, Шарлотта. Ты ездила по стране и рассказывала людям, что умеешь разговаривать с мертвыми? Дорогая, ты хоть понимаешь, насколько это безумно? — качая головой, он откидывается на спинку кресла. Меня охватывает гнев, и я представляю, как мой кулак врезается ему в лицо.

— Я помогаю душам перейти в мир иной. Дарю им упокоение. Что же в этом неправильного?

— Дорогая, — вздыхает ее отец и проводит рукой по волосам. — Ты больна, тебе следует вернуться домой, — Шарлотта приоткрывает рот, но не произносит ни звука. — Ты должна вернуться домой и начать посещать своих докторов...

— И они снова начнут пичкать меня лекарствами? — прерывает она его. — Нет, отец. Я не вернусь с тобой.

Мистер Акрес проводит ладонью по лицу.

— Шарлотта Анна, это не предложение. У тебя будут неприятности с законом... я не могу оставить тебя здесь.

— У меня нет никаких проблем с законом! — кричит она. — Я помогла душе перейти тем, что нашла ее тело. Я не рассказывала полиции, что она разговаривала со мной... я сочинила историю, но на самом деле все было именно так. Кейси Перселл появилась у меня на пути и отвела меня к своему трупу!

— И теперь ты замешана во всем этом, — возражает он, качая головой. — Пора возвращаться домой, — снова повторяет он.

— Ты велел мне убираться, — плачет она. — А теперь заявляешь, что я должна вернуться домой? Это больше не мой дом.

— А это место, значит, дом? Ты живешь в мотеле, ради Бога, — парирует он, в его голосе сквозят нотки злости.

Шарлотта делает судорожный вдох, пытаясь обуздать свои эмоции.

— Я ни разу не побеспокоила тебя. Ты просил меня уехать, исчезнуть с глаз долой, хотел выкинуть меня из памяти, отец. Ты этого хотел, и я дала все это тебе, потому что знала, что ты никогда не сможешь принять меня такую, какая я есть. Я могу видеть мертвых. Могу. А ты не в состоянии смириться с этим. Поэтому *ты* отослал меня. А теперь ждешь, что я вернусь с тобой домой?

— Я думал, что ты возьмешь деньги и уедешь на месяц, максимум на два. Думал, что тебе просто нужна передышка... может быть, из-за воспоминаний об Акселе у тебя в голове возникла неразбериха.

— Нет. Это ты устроил неразбериху у меня в голове, отец, — кричит она.

Шарлотта встает, а ее отец остается сидеть и выражение лица у него спокойное, словно он отказывается «разжигать» ее ярость еще сильнее, но это и понятно, ведь она, по его мнению, *больна*. Боже, как же мне хочется вмазать этому мужику.

— Ты никогда не верил мне... Я имею в виду, думаешь, я хотела этого? Думаешь, недостаточно было того, что я пришла в себя и узнала, что мой брат, мой лучший друг умер? А в довершение ко всему, думаешь, я хотела видеть мертвых?

— Нет, детка, я понимаю, что ты всего этого не хотела, — с нежностью говорит отец Шарлотты. Я вижу, что он пытается вести себя мягко, чтобы успокоить ее. — Если ты вернешься домой, мы сможем решить все это. Мама скучает по тебе, Шарлотта. Она умирает, как хочет видеть тебя.

— Нет, отец. Я не поеду. Нет.

Мистер Акрес встает, наклоняет голову и засовывает обе руки в карманы, затем тяжело вздыхает. Когда он поднимает голову, выражение лица у него очень суровое.

— Я уезжаю через два дня и ты едешь со мной. Полиция разрешила забрать внедорожник, и я продал его, отправив на свалку.

— Что? — неверяще ахает она, спотыкается и пытается опереться на комод. — Почему ты сделал это, сначала не посоветовавшись со мной?

— Потому что машина была на последнем издыхании.

— Шарлотта, — шепчу я. — Все в порядке. Снайпер поможет нам найти тебе другую машину, — пытаюсь заверить ее я, но она, кажется, не слышит, что я говорю.

— Но... она же принадлежала ему, — она смотрит на отца так, словно тот только что вонзил нож ей в сердце, и это предательство гораздо хуже всего того, что он уже успел сделать. — Как ты мог? — спрашивает Шарлотта, но ее голос надламывается, а я сжимаю руки в кулаки, когда понимаю, почему она так расстроена. Это была машина Акселя. Да ее папаша мудака!

Мистер Акрес раздраженно сжимает челюсти, затем разворачивается и идет к двери.

— Два дня, — повторяет он, а затем открывает дверь и уходит. Как только дверь за ним захлопывается, Шарлотта сползает на пол и начинает рыдать.

— Шарлотта, — я опускаюсь на колени рядом с ней, мечтая, что смогу поднять ее, усадить себе на колени и стирать крупные слезы, катящиеся по ее щекам. — Малышка, ты должна успокоиться. Дыши.

— Он продал ее. Он продал машину моего брата, — всхлипывает она, крепко зажмурившись, словно от боли. — Как он мог?

— Не знаю, — отвечаю я. — Он хочет, чтобы ты вернулась домой. Наверное, посчитал, что, если заберет у тебя средство передвижения, это поможет ему убедить тебя.

Несколько минут спустя она успокаивается и садится, прижавшись к спинке кровати.

— Он остановился в гостинице твоих родителей. Время вышло, Айк. Я должна рассказать им все, прежде чем это сделает он и закрутится какая-нибудь чокнутая история.

Вот и настает тот момент, к которому мы оба шли. Мы знали, что он на подходе, но даже меня пугает, чем все может закончиться. Когда она расскажет семье и Джорджу правду, я на один шаг стану ближе к тому, чтобы окончательно уйти... покинуть ее. Но пока что у нас нет выбора. Мы не можем позволить отцу Шарлотты обращаться с ней, как с душевнобольной.

— Позвони Снайперу, чтобы он заехал за тобой, — советую я ей. — Затем позвони моей матери и попроси ее собрать всех у нас дома. Скажи ей, что это очень важно, и тебе нужно, чтобы Джордж тоже присутствовал.

Едва заметно кивнув, она берет себя в руки, но с минуту стоит не шевелясь.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, хотя и так понимаю, что нет.

— Мне страшно.

— Знаю. Мне тоже, — признаюсь я. — Просто знай, они поверят тебе.

— Он возненавидит меня, — тихо плачет она. — А ты уйдешь, и я снова останусь одна. Я хочу, чтобы ты забрал меня с собой.

Мне кажется, что мое сердце разлетелось на миллионы крошечных осколков боли. Помогая мне, ее ситуация только усугубилась.

— Шарлотта, пожалуйста, — мой голос дрожит, когда я говорю. — Все будет хорошо. Мы позаботимся об этом. И до тех пор я не уйду, ладно?

Но в глубине души подозреваю, что это обещание я сдержать не смогу. Чем лучше Джорджу, тем сильнее становится невидимое глазу притяжение, и мне приходится в буквальном смысле цепляться за этот мир, чтобы меня не забрали. Но я буду бороться изо всех сил с этой тягой, чтобы убедиться, что с ней все будет в порядке.

— Звони Снайперу, — велю я ей, и, вытерев нос рукавом, Шарлотта кивает и идет к телефону. Я диктую ей номер, и она звонит Снайперу и моей матери, и все приходит в движение.

— Прими душ и оденься. Снайпер скоро будет.

Онемело кивнув, она бредет в ванную, но перед тем, как закрыть за собой дверь, зовет меня:

— Айк.

Я поворачиваюсь и встречаюсь с ее взглядом; глаза у Шарлотты покраснели и опухли от слез.

— Да, малышка?

— Я люблю тебя.

И хотя слова звучат красиво, я вижу боль на ее лице, пока она произносит их, и все внутри меня сжимается. Затем она закрывает дверь, и я остаюсь один на один с болью, вызванной ее словами.

Глава 22

Шарлотта

Когда Снайпер заезжает забрать меня, я, должно быть, выгляжу, как пугало, потому что он сразу же заключает меня в свои большие медвежьи объятия.

— Что случилось? — спрашивает он, пока я плачу у него на груди, увлажняя футболку.

— Отец разыскал меня. Он хочет, чтобы я вернулась с ним домой, и мне придется рассказать всем правду, прежде чем он попытается убедить их, что я чокнутая.

— Все будет хорошо, милая. Я рядом и помогу тебе. Я верю, что ты можешь видеть Айка. И я буду рядом с тобой в течение всего пути, — в благодарность за его слова я обнимаю его крепче. Мне нужен кто-то, кто будет со мной, кто будет поддерживать меня. Я знаю, что Аик на моей стороне, но это не поможет, пока мне не удастся убедить их.

Снайпер едет к гостинице МакДермоттов, а я стараюсь сдерживать рвотные позывы.

— Беверли позвонила Джорджу?

— Да, — отвечает он. — Но она не упомянула, что это ради тебя. Так что он понятия не имеет, что происходит.

— Хорошо, — выдыхаю я. — Джордж будет... расстроен.

— Может быть, по началу, но так же было и со мной. Нужно просто немножко доказательств.

— Да, но он будет чувствовать себя так, будто я предала его.

Снайпер хлопает меня по ноге, а затем кладет руку обратно на руль.

— Вдруг он удивит тебя.

Когда мы приезжаем, я вижу перед домом мотоцикл Джорджа и понимаю, что он уже здесь. Машина, на которой приезжал сегодня днем мой отец, тоже припаркована перед домом, и мой желудок завязывается в узел.

Я надеялась, что его здесь не будет. Мы выбираемся из машины, и пока идем к крыльцу, Аик требует, чтобы я дышала. Но не успеваю я поставить ногу на первую ступеньку, как на крыльцо вылетает Джордж и подбегает ко мне.

— Что происходит, Шарлотта? — он непонимающе хмурится. — Мама позвонила мне и сказала, что дело срочное. Я приехал сюда, а она объяснила мне, что мы ждем тебя.

— Давай зайдем в дом, Джордж, — уговаривает его Снайпер и кладет руку мне на поясницу.

— Твой отец там, — предупреждает Джордж, и я киваю, давая понять, что понимаю.

Как только мы заходим, Беверли обнимает меня, в ее взгляде плещется беспокойство, когда она видит мое лицо.

— Он так разнервничался, когда приехал, что нам пришлось рассказать ему, что это ты звонила. Я старалась не говорить ему как можно дольше.

— Все в порядке, Беверли. Спасибо, что собрали всех.

— Ты приехала, чтобы спасти меня от издевательств? — шутливо вставляет свои пять копеек Кэмерон. Я улыбаюсь и обнимаю его, благодарная за юмор, хотя на меня он и не подействовал.

— Боюсь, что нет, — отвергаю я его шутливое предположение.

— Не знаю, что происходит, но мой брат весь на нервах из-за этого, — шепчет мне он.

— Я сейчас все объясню.

Беверли проводит меня в гостиную и мое сердце останавливается. Напротив Генри сидит мой отец и они тихо беседуют. Брови Генри нахмурены, и когда его взгляд встречается с моим, я без тени сомнения понимаю, что мой отец уже успел рассказать ему, что я сумасшедшая.

— Шарлотта, — здороваются Генри и намеревается встать, но я поднимаю руку, давая понять, что в этом нет необходимости.

— Привет, Генри, — здороваюсь я с ним. — Спасибо, что позволили приехать к вам, чтобы объяснить все.

— К делу, — понукает меня Айк. — Не трать попусту время.

— Обращаюсь ко всем, — начинаю я свое объяснение дрожащим голосом, и все останавливаются и смотрят на меня. — Сядьте, пожалуйста. У меня есть нечто очень важное, что необходимо обсудить с вами.

— Так, Шарлотта Анна, — вмешивается мой отец и встает, сурово глядя на меня. — Вовсе нет никакой необходимости беспокоить этих замечательных людей своими проблемами.

Слезы обжигают глаза. Он на полном серьезе пытается заставить их подумать, что я не в себе. Как он может так поступать со мной?

— Со всем уважением, мистер Акрес, — встав во весь рост, Снайпер делает шаг к отцу. — Девочке есть что сказать, и она это скажет. А теперь, если хотите, можете сесть и послушать, или я помогу вам выйти из этого дома, — у меня глаза чуть из орбит не выскакивают, как и у отца, собственно. Все остальные с недоумением переводят взгляд друг на друга и все мы, будто приклеенные, остаемся на своих местах.

— Что, черт возьми, происходит? — Джордж первым нарушает тишину.

— Шарлотта все объяснит, как только ее отец сядет, — спокойно заявляет Снайпер, не сводя взгляда с моего отца. Хмыкнув, отец садится, и все остальные тоже занимают свои места, кроме Джорджа, Снайпера и меня.

— Давай же, дорогая. Я рядом, — нежно подбадривает Снайпер, скрестив руки на груди, тем самым показывая всем, что им лучше к чертям заткнуться и послушать или они будут иметь дело с ним.

Я бросаю взгляд на Айку, и он кивает.

— Я здесь, малышка. Действуй. Ты можешь с этим справиться. Расскажи им правду... обо всем. Даже о том, как мы встретились.

Меня охватывает чувство стыда, и все краски сходят с лица. Наша встреча — не самая лицеприятная история. Но Джордж сказал, что хочет знать всю меня, даже уродливую сторону. Взглянув на Джорджа, я вижу, что он наблюдает за мной, видимо, гадая, на что я смотрю. Я слабо ему улыбаюсь и тяжело вздыхаю.

— Большинство из вас знают, а если не знаете, то уверена, мой отец, Уэйн, объяснил вам, что я приехала из Оклахомы, — Беверли берет со столика рядом с собой коробку бумажных носовых платков и вручает ее мне, и я понимаю, что по щекам у меня текут слезы.

— Спасибо, — благодарю ее я и беру несколько платочков.

— Шесть лет назад произошла авария. Мы с моим братом Акселем ехали на мотоцикле и в нас врезались. Он умер, — я с трудом сглатываю, встречаясь взглядом с отцом, и вижу, что его глаза тоже увлажнились.

— Когда я очнулась, у меня была повреждена спина, сломана нога, но каким-то образом я вышла из комы, вызванной отеком мозга после аварии, чтобы узнать, что Аксель погиб.

Я продолжаю рассказывать, как получилось, что я начала видеть мертвых, как была напугана и как все считали меня чокнутой.

— Родители водили меня к докторам, которые прописывали мне все возможные и невозможные «тяжелые» лекарства, и, конечно же, они не помогали. Лекарства даже делали хуже, так как я была не в состоянии мыслить ясно, но все равно продолжала видеть и слышать мертвых.

— Мы делали то, что считали правильным, Шарлотта, — защищаясь, перебивает мой рассказ отец.

— Ни слова больше, — рявкает на него Снайпер.

— Думаю, для отца это стало последней каплей, поэтому он выдал мне крупную сумму денег и отослал прочь. Я путешествовала по стране последние пять лет, помогая умершим.

— Помогая им в чем, дорогая? — робко интересуется Беверли.

— Я могу видеть только души в состоянии неопределенности — те, которые застряли между нашим миром и тем, что ждет их впереди.

Несколько секунд все молчат, и Айк подходит ко мне.

— Скажи им. Расскажи им обо мне.

По моему лицу текут слезы, потому что я знаю, какие эмоции ждут всех присутствующих в комнате. Знаю, что Джордж будет огорчен, а Айк еще на один шаг станет ближе к уходу из этого мира. Все изменится, и боюсь, не в лучшую сторону.

— Кейси Перселл, — я произношу ее имя, и все сразу же наклоняются вперед. — Я солгала вам, Генри. Я сказала, что обнаружила ее случайно. Но правда заключается в том, что сама Кейси показала мне, где спрятано ее тело. Ее семья распалась, и она не могла уйти, пока не была уверена, что у них все будет в порядке. Они не могли горевать по ней, потому что цеплялись за последние клочки надежды, что она сбежала и жива.

В комнате повисает тишина. Никто не знает, что можно сказать.

— Продолжай, — подбадривает Айк.

— Опустив письмо в ящик, я села в машину и поехала дальше, понятия не имея, что буду делать и куда собираюсь ехать. У меня не было денег, и я вдруг поняла, что очень одинока. Моя жизнь превратилась в сплошную череду помощи мертвым. Я даже не могла жить на одном месте. Я имею в виду, что моя собственная семья мне не верит, так почему должен верить кто-то другой? — я медленно выдыхаю, прежде чем перейти к следующей части рассказа. Нелегко признавать, какой слабой я была, какой слабой по-прежнему остаюсь. — На мосту Анион в моей машине кончился бензин, и я решила, что с меня хватит. Я больше не хотела жить, по крайней мере так, как я живу. Поэтому я забралась на перила моста и собиралась прыгнуть вниз и позволить реке сделать свое дело.

Мой отец встает и ахает:

— Шарлотта, — но сразу же садится, когда Снайпер делает шаг в его сторону. — Дорогая, ты должна была вернуться домой. Я понимаю, что ты считаешь нас ужасными, что мы неправильно к тебе относились, но мы любим тебя, Шарлотта.

Я не смотрю на него. Не могу. Он все тот же человек, который считает меня сумасшедшей... Который думает, что у меня галлюцинации.

— И почему ты не довела дело до конца? — задает вопрос Джордж, и все резко поднимают головы и смотрят на него. Его руки скрещены на груди и он смотрит на меня так, словно не доверяет мне — так, как я и боялась, что он будет смотреть на меня, когда узнает обо всем.

Я с трудом сглатываю и чувствую, как чья-то уверенная рука сжимает мое предплечье. Оглянувшись, я вижу добрые глаза Снайпера; он кратко кивает мне.

— Кое-кто остановил меня, — признаюсь я, и мой взгляд перемещается на Айку.

— Я так рад, что оказался там, — говорит он мне и закрывает глаза, как будто мысль, что его могло там не оказаться, причиняет ему боль.

— Это был Айк, — говорю я тихо, и все, кроме моего отца, одновременно ахают.

Но прежде чем кто-то что-то скажет, я продолжаю объяснять, что сказал Айк и как он привел меня в этот город, рассказав к кому обратиться и куда пойти.

— Мы заключили сделку, — поясняю я. — Он поможет мне найти работу и жилье, а я помогу ему выполнить его незаконченное дело.

— И что же оказалось его незаконченным делом? — рычит Джордж.

Глава 23

Айк

В комнате наступает напряженная тишина; все жаждут услышать ответ Шарлотты на вопрос Джорджа. Глазами, блестящими от слез, она встречается с его напряженным неумолимым взглядом.

Ее губы дрожат, когда она отвечает ему:

— Ты, Джордж. Ты — его незавершенное дело, — руки брата безвольно свисают по бокам, а лицо принимает суровое выражение. Он понятия не имеет, что думать или что сказать, поэтому молчит. — Ты же знаешь, что был не в самом лучшем состоянии, — объясняет ему она, не упоминая при этом о наркотиках.

Шарлотта не хочет выдавать его семье.

— Айк не может уйти, пока не убедится, что ты в порядке. Он был рядом все это время, наблюдал за тобой — за всеми вами.

Шарлотта обводит всех в комнате нервным взглядом. Мой отец встает, садится рядом с матерью и берет ее дрожащую руку в свою. *Ох, мама.*

— Я понимаю, вы все думаете, что это бред сумасшедшего. Я тоже так поначалу думал, — Снайпер вступает в ее защиту. — Но она рассказала мне то, что мог знать только Айк... то, о чем мы шутили или чем занимались в армии. Она говорит правду. Она может общаться с Айком. Он здесь, вот прямо сейчас.

— Ты знал, что она... — Джордж не договаривает. Он хочет сказать «чокнутая», но передумывает.

— В тот вечер, когда тебя избили, — говорит ему Снайпер. — Вот тогда я все и узнал.

— Тебя избили? — вскрикивает мама и поворачивается посмотреть на Джорджа. — Дорогой, ты же сказал, что упал с лестницы, — мне вовсе не хочется, чтобы мать выяснила, насколько плохи дела у Джорджа.

— Значит, ты утверждаешь, что можешь разговаривать с Айком? Прямо здесь и прямо сейчас? — вклинивается в беседу Кэмерон, и, полагая, что он верит ей. Или, по крайней мере, ему хочется верить. Он всегда отличался открытостью взглядов, и в данную минуту я благодарен ему за это.

— Скажи Кэмерону, что я спрятал порно журналы в своем шкафу. Там над полкой есть небольшая щель. Попроси его сходить и принести их, — велю я Шарлотте, нервно улыбаясь.

Она повторяет ему мою просьбу, но сначала бросает на меня *красноречивый* недоверчивый взгляд. Кэмерон вскакивает и спешит вверх, либо радуясь возможности доказать, что Шарлотта не врет, либо тому, что он чуть позже получит эти самые журналы. Даже не знаю, чему он больше рад.

Желая, чтобы остальные тоже поверили Шарлотте, я продолжаю сообщать ей информацию, которой она может поделиться с моей семьей, чтобы они приняли ее так же легко, как это сделал мой младший братишка.

— Генри, вы разговариваете с ним. Чаще всего, когда рыбачите в одиночестве, потому что раньше вы часто занимались этим вдвоем. Айк говорит, что вы говорите ему, какая честь это была быть его отцом, и как вам жаль, что вы так мало времени провели вместе и так много не успели сделать. Он хочет, чтобы вы знали, что вы самый лучший отец на свете. Он не смог бы выбрать никого лучше вас, — рыдание, срывающееся с губ отца, уничтожает мою выдержку и горячие слезы текут по моим щекам. *Иисусе, пап...* Они с мамой крепко обнимаются, переваривая острую боль, вызванную воспоминаниями обо мне.

Шарлотта пытается «сорвать пластырь» и продолжает:

— Беверли, лазанья и тирамису, помните? Именно поэтому я упомянула их. Айк был здесь в тот вечер, когда мы встретились, и я просто повторила то, что он сказал.

Моя мать кивает и подносит дрожащую руку к губам.

— Он просит сказать, что слышит, как вы поете, когда думаете о нем, — слезы ручьями струятся по лицу матери, и мне начинает казаться, что я задыхаюсь. Но как бы тяжело все это ни было для нас, я должен продолжить. Шарлотта смотрит на меня, ее глаза покраснели от непролитых слез. Она молча слушает, как я объясняю ей, что хочу, чтобы она рассказала, затем она, запинаясь, произносит:

— Т-ты мой солнечный свет. Вы пели ему эту песню, когда он был маленьким. Он слышит, что вы и сейчас ее поете, — мама сгибается пополам и безутешно рыдает.

— О, мой малыш, я так сильно люблю тебя, — рыдает она, и я чувствую, как мое сердце разбивается.

— Шарлотта Анна! — отец Шарлотты встает, и на этот раз не позволяет Снайперу запугать его. — Достаточно!

— Ты не можешь велеть этому мужику отвалить? — рычу я. Она должна закончить начатое. Они должны знать, что я могу слышать их. Что я знаю, как им больно.

— Нет, Айк, я не могу, — отвечает она приглушенно, и все замирают.

— Он разговаривает с тобой? — тихо спрашивает мой отец.

— Да, сэр.

— Ч-ч-что он сказал? — спрашивает моя мать.

— Он хочет, чтобы я велела своему отцу отвалить, — тихо признается она, а затем добавляет, обращаясь к отцу: — Извини.

Ее отец поджимает губы; полагаю, ему хочется сказать что-нибудь неприятное, но он не станет делать этого в присутствии моих близких.

В комнате снова повисает тишина до тех пор, пока на лестнице не слышатся тяжелые шаги. Спустя пару секунд в комнату влетает Кэмерон со стопкой порно журналов в руках.

— Они были именно там, где он сказал, — сообщает он.

Все взгляды переключаются на Шарлотту, а она смотрит на меня.

— Продолжай. Они верят тебе, — говорю я ей и слабо улыбаюсь. Затем мы одновременно переводим взгляд на Джорджа и понимаем, что его, похоже, нам убедить не удалось. Шарлотта подходит к нему и берет его руку в свою.

— Та песня... спор, который я выиграла, помнишь? Айк подсказал мне твою любимую песню, — объясняет она, но он отказывается смотреть на нее. — Он так сильно любит тебя, Джордж. Он не может уйти, пока не будет уверен, что у тебя все будет в порядке.

Джордж вырывает свою руку из ее ладони и вылетает через входную дверь. Она бежит следом за ним, а за ними следует Снайпер. Шарлотте удастся догнать Джорджа уже на крыльце.

— Джордж, пожалуйста, — умоляет она. — Мне так жаль, что я не рассказала тебе раньше, но ты был не готов. Ты поначалу даже разговаривать со мной не хотел. Мне нужно было узнать тебя получше, а тебе нужно было прекратить принимать наркотики.

Он дергается в сторону от нее, и в его глазах стоят злые слезы.

— Так все это была чушь собачья? Ты делала вид, что я нравлюсь тебе, чтобы сделать это? — рычит он.

— Что? — ахает она. — Нет. Джордж, я имела в виду все, что говорила, я... я, — Шарлотта умолкает. Она не хочет признаваться, что любит его... и, может быть, это из-за того, что я рядом, а может быть, она не уверена, как он это воспримет.

— Это ты настучала Роджеру обо мне и Мисти? — спрашивает он в лоб, и у Шарлотты отвисает челюсть.

— О, черт, — выдыхаю я.

Широко распахнув глаза, Шарлотта молчит, и он снова повторяет вопрос:

— Ты? Мисти рассказала мне, что кто-то написал Роджеру анонимное письмо. Это ты сделала, да?

Шарлотта переводит взгляд на Снайпера, чьи брови взлетели так высоко, что коснулись бы линии волос, если бы они у него были.

— Я знаю, что это, наверное, кажется ужасным, но... — не успевает она ответить, как Джордж уже преодолевает половину спуска с крыльца.

— Иди за ним! Заставь его понять, — настаиваю я, и она пытается перепрыгнуть сразу все четыре ступеньки, чтобы догнать его, но поскользывается, спотыкается и больно приземляется на колено.

— Твою мать, — ругается Снайпер и бежит за ними.

— Ты в порядке, Шарлотта? — спрашиваю я, но она не обращает на меня внимания.

Джордж разворачивается и, огорченно качая головой, закатывает глаза. Он дергает ее вверх, поднимая на ноги. По тому, как она, не переставая, смотрит на Джорджа, я понимаю, как сильно она его любит и какой разбитой себя чувствует, видя выражение его глаз. По крайней мере, ему не совсем все равно и он не ушел, оставив ее на земле. Но как только она оказывается на ногах, он разворачивается и уносится прочь.

— Джордж, — кричит она и ковыляет за ним, хотя у нее явно сильно болит колено.

Шарлотта быстро хромает за ним, но он не останавливается.

— Она давала тебе наркотики! Мне нужно было, чтобы ты прекратил принимать их, перед тем как я рассказала бы тебе правду. Я должна была спасти тебя, — кричит она. Шарлотта снова спотыкается, но успевает выровняться и продолжает хромать за моим братом.

— Черт возьми, Джордж, — орет Снайпер. — Остановись!

Джордж оборачивается и зло смотрит на них, что дает Шарлотте время догнать его. Она не хватает его, а скорее врзается в него, и не на жизнь, а на смерть вцепляется в него, уткнувшись лицом в его грудь.

— Пожалуйста, не уходи. Как ты не понимаешь, Джордж, — умоляет она. — Он спас меня, чтобы я могла спасти тебя, что в свою очередь означает, что и ты спас меня тоже.

Руки Джорджа безвольно висят по бокам, пока она крепко его обнимает, его челюсти напряжены. Он с трудом сглатывает, отказываясь смотреть на нее, но выражение его глаз говорит само за себя — ему больно. Упоминание обо мне повлияло на него сильнее, чем мы могли себе представить, и я в ужасе, что он может вернуться к старым пагубным привычкам.

— Скажи ему, что я все еще здесь, — прошу я ее. — Скажи ему, что он может сказать или спросить меня, о чем угодно.

Шарлотта выпрямляется и вытирает лицо руками, перепачканными землей.

— Айк хочет, чтобы ты знал, что он все еще здесь, и ты можешь поговорить с ним о чем угодно.

Джордж неверяще качает головой, злость искажает черты его лица.

— Джордж, дружище, она тебе правду говорит, — вклинивается Снайпер. — Это твой шанс, брат, сказать что-нибудь Айку. Непусти свой шанс попрощаться.

— Ты чертов придурок, раз не рассказал мне, насколько она больная на голову, — выплевывает он. — А ты, — добавляет он, тычет пальцем в Шарлотту и она съеживается, — не приближайся ко мне, — развернувшись на пятках, он уходит, но она идет следом.

— Пожалуйста, не уходи, — умоляет Шарлотта, умудрившись схватить его за руку.

Резко развернувшись, он наклоняется так, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Оставь меня в покое! — рычит он ей в лицо. — Не ходи за мной, не приходи и не смотри на меня, и вообще, чтобы я больше тебя никогда поблизости не видел!

Снайпер отталкивает Джорджа от Шарлотты. Ярость в его глазах ощутимо достигла пугающего уровня.

— Мне неприятно говорить это, друг, но ты чертов идиот. Пошел к черту!

Джордж наблюдает, как Снайпер заключает Шарлотту в объятия, а та плачет:

— Мне так жаль, Айк. Мне очень жаль. Я все испортила.

Я так зол, что вижу красную пелену перед глазами.

— Нет, ты ничего не испортила, — пытаюсь я успокоить ее. — Мой брат идиот. Мне жаль, что он так повел себя.

— Джордж, тебе лучше уйти, — предлагает отец Шарлотты, забирает Шарлотту у Снайпера и ведет ее к дому. Шарлотта так ушла в себя от боли, что, кажется, не замечает, кто ведет ее. *Боже, я довел ее до этого.* Она раздавлена. Мы оба подозревали, что Джорджу нелегко дастся правда, но он повел себя как настоящий псих.

С помощью отца Шарлотта поднимается по ступенькам, как вдруг Джордж кричит:

— Шарлотта!

Она оборачивается на его зов, ее лицо опухло от слез.

— Я хочу знать, получил ли он мое последнее письмо.

Он проверяет ее. Хочет проверить, не лжет ли она.

— Ты настоящий мудака, что не спросил Шарлотту об этом перед тем, как вызвериться на нее, — говорю я ему, хотя он и не может слышать меня. Шарлотта переводит взгляд на меня, ожидая ответа, желая получить шанс доказать ему правду.

Я сердито смотрю на Джорджа, и замираю, когда замечаю боль на его лице.

— К черту, — вздыхаю я. — Он писал, что скучает по мне и дожидаться не может, когда я вернусь домой, — Шарлотта кивает и повторяет мои слова, а все молчат, пока Джордж смотрит на нее.

— Я говорю правду, Джордж. Я вижу его вот прямо сейчас, в данную минуту, — шепчет она. — Вы оба красивые, очень похожи, но он чуть крупнее. У него восхитительные карие глаза, с очень мягким выражением, но твои чуть-чуть темнее. Я знаю, в это трудно поверить, но это правда.

Джордж, не отвечает. Одинокая слезинка катится по его щеке и спустя секунду он отворачивается и направляется к своему мотоциклу. А Шарлотта беспрерывно рыдает, пока мы наблюдаем, как он уезжает.

Глава 24

Шарлотта

— Ты в порядке? — спрашивает меня отец, крепко обнимая. Но я накидываюсь на него:
— Тебе разве не все равно? Похоже, Джордж поверил, что я чокнутая, как ты и хотел,
— плачу я.

Отец убирает руки, когда к нам подходит Беверли и уводит меня обратно в гостиную.

— Мне жаль, что Джордж так отреагировал, дорогая. Мы все немного удивлены, —
мягко признается она.

— Я верю тебе, Шар, — вставляет свои пять копеек Кэмерон, листая «Плейбой». Беверли молниеносно выхватывает журнал из его рук и шлепает им Кэмерона по голове.

— Ай, ма, — смеется Кэмерон и почесывает макушку.

— Аик МакДермотт, поверить не могу, что у тебя были такие журналы, — говорит она, и мое сердце замирает. Она верит мне. Она верит, что он здесь. Я бросаю взгляд на Айка, и он нежно улыбается мне. — Он здесь... вот в эту минуту, Шарлотта? — спрашивает Беверли, и когда наши взгляды встречаются, я вижу в ее глазах надежду.

— Здесь, — отвечаю я хрипло.

Следующие два часа я провожу, передавая слова Айка его семье. В итоге мы все снова плачем. Мой отец уходит в какой-то момент, за что я ему искренне благодарна. Генри и Беверли крепко меня обнимают, оба не устают повторять мне слова благодарности.

— Он теперь уйдет? — спрашивает Генри, его глаза блестят от слез.

— Скоро. Если посчитает, что Джордж в порядке... то, наверное, уже скоро.

Глава 25

Шарлотта

Айк принимает решение провести ночь с Джорджем, чтобы убедиться, что тот в порядке. Он обещает, что если возникнут какие-то проблемы, то он сразу же сообщит мне, чтобы я могла позвонить Снайперу. Мы все пришли к единому мнению, что мне нужно дать Джорджу немного свободы. Отец даже не зашел проводить меня, когда я ушла из дома МакДермоттов, но я даже рада этому. Полагаю, он догадывается, что я разбита, и если он будет давить на меня сейчас, ничего хорошего ему это не сулит. Поэтому, когда следующим утром в мою дверь раздается стук, я сердито фыркаю, догадавшись, что это он. И хотя отец последний человек на земле, которого мне хочется сейчас видеть, когда открываю дверь и вижу кто пожаловал, мне жаль, что это не отец.

— Детектив, — угрюмо здороваюсь я. Рядом с ним стоит миниатюрная женщина, а за ней невысокий мужчина с жиденькими волосами. Я сразу же узнаю их. Это родители Кейси. Я видела их в тот вечер, когда встретила Кейси в ресторане в Вермонте.

— Гм, — кто-то прочищает горло, и позади них всех я вижу Генри. — Прости за вторжение, Шарлотта. Но, может быть,пустишь нас?

Я опускаю взгляд на свои спортивные штаны и старую футболку Акселя, понимая, что выгляжу как пугало после того, как проплакала всю ночь, но все равно открываю дверь, не зная, как еще поступить в такой ситуации, и впускаю их. Когда мы все оказываемся в моем крошечном номере, мы с Генри присаживаемся на край кровати, а Перселлы садятся на стулья у маленького столика у двери. Детектив Эндрюс неподвижно стоит рядом с ними.

— Ты знаешь этих людей? — спрашивает Генри, кивая подбородком на Перселлов.

— Родители Кейси Перселл, — отвечаю я.

— Они приехали в город, как только обнаружилось тело Кейси, — объясняет Генри. — Я рассказал им и детективу, что ты можешь знать кое-что, — я перепугано встречаюсь с ним взглядом, и почти готова почувствовать себя преданной, но, когда вижу в его взгляде печаль, понимаю, что он только хочет подарить этим людям утешение, которое я дала им с Беверли. — Будет правильно, если ты все расскажешь, — убеждает меня он.

Закрыв глаза, я глубоко вздыхаю, а затем смотрю на миссис Перселл.

— Я встретила Кейси в Вермонте. Вы обедали с ее сестрой. Кейси тоже была там... просто вы не могли видеть ее. А я могла. Я умею видеть и разговаривать с мертвыми... с их душами, точнее. Они зависают в состоянии неопределенности, если у них есть незавершенные дела, — Перселлы переглядываются между собой, и несложно понять, что они не верят ни единому моему слову.

— Мистер МакДермотт, вы же сказали, что у нее есть какая-то информация. Это просто смешно, — прерывает мой рассказ детектив Эндрюс.

— Просто подождите, детектив Эндрюс, — настаивает Генри, поднимая руку, а затем переводит взгляд на меня и кратко кивает, призывая продолжать.

— Она сказала, что вы разошлись и далеко не в порядке. Что вам нужно узнать, что она умерла, чтобы вы оставили надежду, за которую цепляетесь. Я отправилась в Вирджинию, чтобы лично увидеть тело, прежде чем сообщать о нем. Я написала анонимное письмо. Я понимаю, что вам трудно поверить в то, что я рассказываю, и это именно то, чего я боюсь.

— Ты знаешь, кто убил ее? — робко задает вопрос миссис Перселл.

— Вы уверены, что хотите узнать подробности?

Перселлы снова переглядываются, а затем смотрят на меня, и мистер Перселл кивает.

— Это случилось в пятницу, — начинаю я и желудок у меня сводит, когда я вспоминаю, как Кейси описывала события, которые произошли тем вечером. — Она отправилась потусоваться вместе со своей соседкой по комнате и ее парнем. Они бросили ее;

оба были пьяны и увлечены друг другом. Они знали тех, кто был на вечеринке, поэтому посчитали, что с ней все будет в порядке, и ушли. Кейси упоминала, что взрослый парень пригласил ее потанцевать. Он показался ей милым, и она согласилась. Они выпили пару напитков и Кейси почувствовала, что у нее кружится голова, и сказала парню, что уходит. Она хотела попытаться дойти обратно в общежитие.

Мистер Перселл качает головой.

— Говорил же ей никогда никуда не ходить ночью одной.

— Не сейчас, Леонард, — журит его миссис Перселл. — Пожалуйста, продолжай, дорогая, — подбадривает она меня.

— Где-то по пути домой она отключилась, а когда пришла в себя он... — я не могу озвучить это. Не ее родителям. Об этом даже думать жутко, не то чтобы вслух озвучивать.

Кейси пришла в себя на заднем сиденье фургона, лицо ее было прижато к полу, пока тот парень насиловал ее. Даже она не смогла без слез рассказывать мне обо всем. Желудок завязался в узел, но я должна продолжать. — Он был... сверху, на ней, — сумела выдавить я, и Перселлы мгновенно согнулись пополам и разразились рыданиями.

— Мне лучше остановиться, — говорю я Генри, который круговыми движениями поглаживает меня по спине.

— Нет, мы хотим знать все, — заявляет тонким голосом миссис Перселл; ее голос дрожит. — Если она сумела вытерпеть это, то я, как минимум, вытерплю и выслушаю.

Я понимающе киваю.

— Она кричала так громко, как могла. Пыталась бороться с ним, но он оказался слишком сильным. Кейси говорила, что у нее горло саднило, так громко она кричала, но он начал бить ее чем-то по голове... ей показалось, что это был фонарик. Это последнее, что она помнила.

— Это был тот парень из бара, с которым она танцевала? — интересуется детектив Эндрюс, и я шокирована тем, что он может поверить мне. — Еще одна девушка пропала неделю назад, — сообщает он мне. — Мы считаем, что ее исчезновение может быть связано со случаем Кейси, — мое сердце уходит в пятки.

Мне следовало пойти в полицию и попытаться помочь. Если это один и тот же парень, возможно, я могла предотвратить все это. Мне невыносимо видеть выражение ужаса на лицах Перселлов, и под тяжким грузом вины по моему лицу начинают течь слезы. Я была так занята тем, что пыталась сбежать от своего дара, используя его только в случае крайней необходимости, когда я могла помочь, по-настоящему помочь кому-нибудь.

— Его зовут Джереми. По крайней мере, так он представился ей.

— Она все еще здесь? — спрашивает мистер Перселл, и в его голосе сквозит надежда.

— Нет, сэр. Мне жаль. Она приехала со мной из Вермонта сюда и рассказала немного о вас, о вас обоих. Раз в году вы ездили в Монтану на машине, верно?

Они оба ахают, в их глазах загорается надежда.

— Она не смогла рассказать, куда он отправился? — задает вопрос Эндрюс.

— Это так не работает. Души привязаны к этому миру и только к тем людям, которым они должны помочь. Кейси было необходимо помочь своей семье. Для нее не было ничего более важного.

Миссис Перселл хлюпает носом. Взяв супруга за руку, она смотрит на него полными слез глазами.

— Нас убивало, что мы не знаем ничего. Теперь очень больно, но мы, по крайней мере, знаем, что она действительно умерла.

Мы разговариваем еще какое-то время, и я рассказываю Перселлам все, что знаю. Когда они уходят, они оба обнимают меня, и детектив Эндрюс провожает их из номера.

— Ты ведь не собираешься уезжать из города в ближайшее время, да? — спрашивает он меня напоследок.

— Отец хочет, чтобы я уехала вместе с ним завтра утром.

— У меня еще могут появиться вопросы, — говорит он, как будто эта информация может заставить меня остаться.

— Он продал мою машину, и я только что лишилась работы в ресторане. Не думаю, что при таком раскладе у меня есть особый выбор.

— У нас есть для тебя свободная комната, Шарлотта, — говорит Генри. — Тебе вовсе не нужно никуда уезжать. Ты можешь спать в старой спальне Айка, — я зажмуриваюсь, и в груди разливается боль. Аик скоро уйдет.

— Я свяжусь с вами завтра с утра, — обещает детектив Эндрюс Генри перед уходом, отметив мое эмоциональное состояние.

— Аик особенный мальчик, правда? — говорит Генри, когда заводит меня обратно в номер и закрывает дверь.

— Да, он особенный, — соглашаюсь я, вытирая лицо рукой. — Один из лучших, кого я встречала за всю свою жизнь.

— И Джордж тоже очень особенный, ага? — он понимающе мне подмигивает. *Неужели так очевидно, что я люблю их обоих?*

— Аик спас меня, — объясняю я. — Он появился из ниоткуда и изменил мою жизнь. Он все самое хорошее, что есть в этом мире.

Генри улыбается и кивает.

— Это хорошо его описывает.

— А Джордж, в нем столько любви, знаете? Он кажется таким... суровым, но у него такое нежное сердце. Я влюблена в обоих ваших сыновей, Генри, — признаюсь я, и хотя меня страшит, как он отреагирует на мое заявление, приятно признаться в этом хоть кому-то и снять груз с души.

— Значит, когда Аик уйдет, для тебя это будет, как будто он умер, — хмуро говорит Генри с жалостью в глазах.

— Уходя, он заберет с собой половину моего сердца, — плачу я и вытираю лицо.

— Ты останешься? Я имею в виду... после того, как он уйдет?

В мыслях мелькает образ Джорджа, его темные глаза, непринужденная улыбка — он очень красивый, когда показывает настоящего себя. Когда Аик уйдет, если Джордж не простит меня, от меня останется одна только оболочка. Но он так зол на меня, что я могу поделаться?

— Я люблю Джорджа, Генри, но...

— Но он ведет себя как последний засранец?

Я вяло улыбаюсь.

— Мы с Айком предполагали, что он может воспринять все не очень хорошо, но я не ожидала, такой... злобы.

Генри хлопает меня по плечу.

— Надеюсь, ты не поставишь на моем сыне крест. Дай ему немного времени прийти в себя. Ему просто очень больно.

— Я постараюсь, — обещаю я, но не думаю, что Джордж когда-либо еще обратит на меня внимание.

Глава 26

Айк

Хандра. Хандра. Хандра. Если посмотреть значение слова «хандра» в словаре, то рядом с объяснением можно будет увидеть изображение Джорджа. Погрузившись в раздумья, он ходит, словно в тумане. Его удрученное настроение огорчает меня, но следует признать, он не прибег к наркотикам, а это уже очень хороший знак. Все, что он делает — сидит и бесится.

— Джордж, я знаю, что тебе больно, братишка. Прекрати быть придурком и пойдешь поговори с ней, — советую я ему, и меня жутко огорчает то, что он не слышит моих слов. Мне грустно видеть его таким. Обычно он совсем не такой.

Когда раздается стук в дверь, он на мгновение замирает, очевидно, споря сам с собой: открыть или проигнорировать. Может быть, он думает, что это Шарлотта.

— Джордж, я знаю, что ты там, — кричит из-за двери Снайпер, и Джордж закатывает глаза. — Открой чертову дверь, придурок.

— Проваливай! — кричит в ответ Джордж, так и не встав с дивана.

Дверная ручка проворачивается, но дверь заперта. Ручка дергается еще несколько раз, задвижка щелкает и Снайпер, распахнув дверь, заходит внутрь, держа в руке кредитную карточку.

— Какого черта, чувак? — рявкает Джордж. — Теперь ты вламываешься в мой дом?

— Ой, закройся, — командует Снайпер. — Я не позволю тебе сидеть здесь и злиться. Ты хоть понимаешь, какого беса злишься?

— Оу, ну давай посмотрим, — начинает Джордж, и его голос сочится сарказмом, а Снайпер тем временем устраивается в кресле рядом с диваном. — Шарлотта лгала о том, кто она такая и зачем приехала сюда. Я даже не знаю, что подумать обо всем том сумасшедшем лепете, который Шарлотта там плела — что она может видеть и разговаривать с моим мертвым братом. Ах да, и не будем забывать, что она сдала меня Роджеру, и меня избили.

— Так ты трахал его подружку, — сухо поясняет Снайпер. — Как по мне, в некотором роде это гарант того, что рано или поздно ты получишь по морде.

— Может быть, но она ускорила дело, — отрезает Джордж.

— Шарлотта не хотела, чтобы тебе причинили боль. Она просто хотела, чтобы он напугал тебя и к тебе вернулся здравый смысл.

— Я не боюсь этого уроды, и, дерись мы один на один, я бы победил. Они напали на меня.

— Знаю, — соглашается Снайпер, как и я, впрочем. — Она просто хотела разлучить тебя с Мисти, чтобы ты прекратил принимать наркотики.

Джордж качает головой, затем наклоняется вперед и упирается локтями в колени.

— Я, правда, думал, что она та самая единственная. Я имею в виду, поначалу я не знал, что и думать о ней. Она не такая, как все.

— Джордж, — угрюмо констатирует Снайпер. — Девочка влюблена в тебя.

— Знаю, она пыталась рассказать мне вчера вечером.

— И?

— И как мне ей верить, Снайпер? — спрашивает Джордж, встает и идет на кухню, где достает из холодильника «Кока-колу».

— Ты что, правда, не понимаешь? — спрашивает Снайпер с недоверием, тоже встает и подходит к стойке, отделяющей кухню от гостиной. — То, как она смотрит на тебя. Черт, да даже когда она чихвостит тебя, пытаюсь разозлить, я вижу, что она чувствует.

Джордж качает головой.

— Она сделала все это ради Айка.

— Нет, дурья ты башка, она сделала это ради вас обоих. Ты что, не видел, какое у нее стало выражение лица, когда ты сказал ей, что никогда больше не хочешь видеть ее?

От замешательства с лица Джорджа сходят все краски, он прищуривается, пытаясь вспомнить.

— Я был зол.

— Ты вел себя, как задница. Они с Айком, конечно, знали, что ты расстроишься, и тебе будет нелегко принять правду, но никто из нас не предполагал, что тыотреагируешь вот так.

— Слушай! — кричит Джордж. — У меня только что закончилась ломка, так что я и так на грани. Я влюбился в эту чудаковатую бродяжку, которая покоя мне не давала все время, только чтобы узнать, что все это было затеяно душой моего брата, застрявшего в этом мире из-за меня. Уж прости, что я не мыслю разумно, как тебе того хочется.

— Значит, ты не веришь ей? — напрямую спрашивает Снайпер.

— Не знаю, — вздыхает Джордж. — Она умеет быть чертовски убедительной.

Снайпер качает головой и проводит ладонью по бритому черепу.

— А я верю ей.

— Ее папаша утверждает, что она чокнутая. Ты же его слышал.

— Ее папаша ублюдок, и ты это отлично знаешь, — ревет Снайпер. — Уверен, что Шарлотта не лжет, и если бы ты вчера остался и послушал, то сам бы во всем убедился.

— Мужик, — вздыхает Джордж и ставит банку с «колой» на стойку. — Я знаю, что она всем нравится, и даже я купился на это. Но как ни крути, Снайпер, я недостаточно хорош для нее. Ей следует поехать домой, жить с семьей, они смогут помочь ей.

— Ты, серьезно, позволишь ей уехать? — на лице Снайпера застывает выражение разочарования и шока.

— Думаю, так будет лучше.

— Чушь собачья, — отрезает Снайпер и устремляется к двери. — Я не вижу Айку и не слышу, что он говорит, пока Шарлотта не озвучит мне его слова, но я его знаю, как самого себя, и ты тоже. Я уверен, что он здесь! И уверен, черти меня раздери, что он тоже без ума от нее. Но он мертв, и скоро покинет этот мир. Ему придется покинуть ее. А ты, с другой стороны, ведешь себя, как полнейший мудака. Девчонка может быть с тобой, если ты захочешь, но вместо этого ты предпочитаешь сидеть тут, злиться и хандрить. Может, ты и правда не заслуживаешь ее.

Мои глаза широко распахнуты, пока Джордж молча наблюдает, как уходит Снайпер, с грохотом захлопнув за собой дверь. Спустя секунду дверь снова приоткрывается и Снайпер просовывает внутрь свою лысую башку.

— И ее работа в ресторане остается за ней, если она еще захочет на тебя работать. Если ты уволишь ее, я тоже увольняюсь к чертям, — и он снова захлопывает дверь.

Спотыкаясь, Джордж, отступает назад, пока не упирается в холодильник. Его лицо искажено неуверенностью.

— Не отпускай ее, Джордж, — мне так хочется вдолбить ему немного здравых мыслей, но я не могу. Я, мечтающий обладать Шарлоттой, надеюсь, что, вопреки всему, они с Джорджем будут вместе. *Все чертовски извращенно, да?*

Глава 27

Шарлотта

Снайпер приезжает вскоре после того, как уходит Генри. Мои слезные каналы сейчас «бастуют» — пересохли от чрезмерного использования, но если бы они работали, я бы расплакалась в ту же секунду, когда увидела его унылое лицо. Он заходит и закрывает за собой дверь.

— Прости, Шарлотта, — тихо произносит он.

Я сажусь на кровать и обхватываю колени руками.

— Не извиняйся, — говорю я хриплым голосом, чувствуя, что эмоционально опустошена. — Ты ведь только пытался помочь мне, — но тут появляется Айк и мне сразу становится еще хуже, потому что выражение лица у него грустное и встревоженное. — Айк здесь, — сообщаю я Снайперу.

— Как дела у Джорджа? — спрашиваю я у обоих парней. Они оба фыркают.

— Он все еще дуется, — мягко сообщает мне Айк.

— Он придурок, — бормочет Снайпер. — Знаю, что тебе грустно, но давай-ка, одевайся. Я отведу тебя поужинать. И встретимся с Анной.

— Снайпер, я, правда, не в настроении.

— Знаю, именно поэтому настаиваю, чтобы ты пошла.

— Кто управляет рестораном?

— Пока Джорджа не было всю прошлую неделю, мы временно назначили Либби управляющим менеджером, а Грэга шеф-поваром, когда я отсутствовал. Еще мы наняли нового бармена и двух официантов.

Раздраженно вздохнув, я встаю.

— Мне надо встретиться с отцом.

— Да без проблем. Сначала поужинаем, а затем поедem к МакДермоттам.

Я отказываюсь идти к «Айку и Джорджу», боясь, что могу столкнуться там с Джорджем, поэтому Анна, Снайпер и я сидим в баре «Сэм Снид», что в одном квартале от ресторана близнецов. Я настаиваю, чтобы мы сели в баре, потому что боюсь, что за столом может завязаться разговор, а я не в настроении болтать. Айк пришел с нами — он ни на шаг от меня не отходит, и хотя мы не можем разговаривать, его присутствие меня немного утешает.

Я заказываю салат, но в итоге просто ковыряюсь в нем; от беспокойства желудок словно завязался в узел. Снайпер бросает на меня обеспокоенные взгляды, но в основном старается поддерживать беседу с Анной, чтобы она не докучала мне разговорами. Мы рассказываем ей, что в город приехал мой отец, а мы с ним не очень хорошо ладим, так что, по крайней мере, у нее есть объяснение, почему я веду себя так отстраненно.

После ужина мы выпиваем по паре бокалов, которые помогают мне немного расслабиться, но когда Снайпер уходит в туалет, я сообщаю Анне, что собираюсь выйти ненадолго подышать свежим воздухом. Оказавшись снаружи, я прислоняюсь к стене и дышу прохладным вечерним воздухом. Здесь, в горах осень официально вступила в свои права, и из-за холодного воздуха мое дыхание вырывается облачками пара.

— Как ты, держишься? — обращается ко мне Айк.

— Не лучше, чем можно было предположить.

— Он придет, — говорит он мне.

— Куда ни гляну, повсюду боль, Айк.

— Привет, Шар, — я вскидываю голову, и в паре метров от себя вижу Роджера. Откуда, черт подери, он появился?

— Оу... эм... привет, — мямлю я, гадая, слышал ли он, как я разговаривала с Айком, и что со стороны ему могло показаться, что я разговаривала сама с собой. Мисти, наверное, рассказала ему, что я частенько так поступаю.

— Что ты тут делаешь в одиночестве? — спрашивает он, засовывая руки в карманы куртки.

— Вышла подышать, — объясняю я. — Ты тут встречаешься с кем-то? — глупый вопрос, и вообще не мое дело, но я не смогла придумать, что еще можно сказать.

— Нет. Я один, — уголки его рта приподнимаются в шаловливой улыбке, и мое сердце ускоряет ритм. Он что, собирается приставать ко мне?

— Уходи, Шарлотта, — дает мне инструкции Айк, и я, не задумываясь, направляюсь к «Айку и Джорджу». — Нет, вернись в бар, — шипит Айк, но Роджер уже приблизился и идет рядом со мной. Я могу развернуться и побежать обратно в «Сэм Снид», но не уверена на все сто, есть ли у меня причины паниковать. Он же не ведет себя грубо или агрессивно.

— А где Мисти? — спрашиваю я, пытаюсь хоть как-то разорвать неловкую тишину.

— Понятия не имею, — пожимает он плечами. — Мы больше не вместе.

— Мне жаль слышать это.

— Тебе жаль? Ведь это ты написала мне письмо о ней и Джордже.

Желудок будто тисками сдавливает. Я сделала это, и все закончилось тем, что на Джорджа напали. Я решаю не лгать Роджеру.

— Я не думала, что ты причинишь ему вред.

Роджер фыркает.

— А что ты думала произойдет? Что мы спокойно побеседуем за чашечкой кофе?

Я поджимаю губы. Я думала Роджер напугает его, это правда. Но еще я верила, что с помощью Снайпера смогу помешать его избиению.

— Я вовсе не хотела, чтобы вы с братом напали на него.

Роджер вздыхает и проводит рукой по своим темным волосам.

— Мне просто любопытно, зачем ты сделала это? Ты так сильно хотела МакДермотта или просто так сильно ненавидела Мисти?

— У меня были свои причины, хотя сейчас мне кажется, что эта идея была просто ужасна.

— Не получилось заполучить Джорджика? — дразнит Роджер, и между нами материализуется Айк. Прищурившись, он бросает сердитый взгляд на Роджера.

— Беги к чертям от этого парня! Живо!

Осознав, что мы как раз находимся напротив «У Айка и Джорджа», я останавливаюсь.

— Меня ждут друзья. Мне пора идти. Пока, Роджер, — перепугано говорю я ему.

— Конечно, — согласно кивает Роджер. — Но сначала нам нужно кое-что обсудить.

Я удивленно приподнимаю брови.

— И что же, интересно?

— Ты и Джордж — вы ведь не вместе? — спрашивает он и делает шаг ко мне, вынуждая меня отступить на шаг назад.

— Скажи ему, что это не его собачье дело.

— Существует какая-то причина, по которой тебе важно это знать?

Роджер наступает, а я вынуждена отступать, пока спиной не упрусь в кирпичную кладку ресторана. Он стоит слишком близко ко мне, всего на расстоянии четырех-пяти сантиметров, и сердце в груди колотится, как сумасшедшее.

— Просто подумал, может быть, ты и я... ну, ты понимаешь... могли бы утешить друг друга, — он кладет руки на стену по обе стороны от меня и наклоняется так близко ко мне, что я ощущаю его теплое дыхание.

Облизнув пересохшие губы, я сглатываю нервный комок. Всего несколько дней назад я наслаждалась флиртом с ним, но это было до того, как я узнала, кто он такой. А теперь я напугана. Я стараюсь не показывать ему свой страх, но мой голос дрожит, когда я говорю:

— Не думаю, что это возможно, Роджер.

Он улыбается, уголок его рта приподнимается.

— Я вижу, как ты нервничаешь. Тебе вовсе не нужно нервничать.

— Ты прижал меня к стене, — сообщаю я ему, а моя грудь тяжело вздымается при каждом вдохе.

Он проходит мимо меня взглядом, а затем наши взгляды снова встречаются.

— Ты красивая женщина, Шар, — тихо констатирует он.

— Пожалуйста, отодвинься от меня, Роджер, — спокойно прошу его я.

— Конечно, — соглашается он после короткой паузы. — Но сначала... — Роджер наклоняется и прижимается своими губами к моим. Его борода царапает мне лицо, и я плотно сжимаю губы, когда его язык пытается ворваться мне в рот. Я хватаю его за руки и изо всех сил я пытаюсь оттолкнуть его, но он даже не шевелится.

— Сукин сын! — кричит Аик, и Роджер отлетает от меня. *Как, черт возьми, это получилось?* Когда я смотрю на него, Роджер уже успел вскочить на ноги и теперь сердито смотрит. Затем кто-то хватается за него, и они оба катятся по земле. Мысли в голове начинают бешено крутиться, когда я понимаю, что это не Аик кричал на Роджера... это был Джордж. Он оседлал Роджера и бьет его кулаком по лицу. Роджер извивается и пытается откатиться в сторону, но Джордж двигается слишком быстро.

— Джордж, — вижу я и направляюсь к ним, но передо мной возникает Аик.

— Не подходи к ним, — предупреждает он меня. Внезапно появляется Снайпер и растаскивает Джорджа и Роджера. Лицо Роджера в крови, но ему все же удается медленно встать. Несмотря на то, что его лицо искалечено и в крови, Роджер смеется и вытирает губы.

— Не нравится, когда кто-то трогает то, что ты считаешь своим, да, МакДермотт?

Оба они тяжело дышат, изучая друг друга взглядами, а Снайпер стоит между ними. Плечи Джорджа напряжены, руки висят по бокам, словно он в любую минуту собирается атаковать снова.

Он бросает быстрый взгляд на меня, а затем снова смотрит на Роджера.

— Нет, не нравится, — наконец-то признается он, и часть напряжения отпускает его. Снайпер крепко прижимает ладонь к груди Джорджа, когда тот пытается подойти к Роджеру.

— Я задолжал тебе извинение, — говорит Джордж Роджеру, и у меня отвисает челюсть.

— Черт возьми, — шепчет Анна, и я только сейчас понимаю, что она стоит рядом и удерживает меня. — Он, правда, только что извинился?

— Я был не прав, встречаясь с ней. Я знал, что она занята. Прости, — признается Джордж. Роджер поджимает губы, и они с Джорджем долго изучают друг друга взглядами.

— Что ж, можно сказать, что теперь мы уладили наши дела, — в итоге произносит Роджер, и они пожимают друг другу руки. *Похоже, я буду проклята.* Прежде чем развернуться, он говорит:

— Она хорошая девочка, — и кивает подбородком в мою сторону. — Убедись, что уделяешь ей достаточно внимания. Не повторяй мою ошибку.

Когда Роджер уходит, мы в полной тишине смотрим ему вслед.

— Почему ты была с ним? — не глядя на меня спрашивает Джордж, но в его голосе явно слышатся обвинительные нотки. Он злится.

— Мы были в баре «Сэм Сид». Я вышла подышать воздухом, — отрезаю я, не оценив его тона. — Он тоже вышел.

— Он сделал это специально, понимаешь? — говорит Снайпер, и я перевожу взгляд на него.

— Что? — непонимающе спрашиваю я.

— Он хотел, чтобы Джордж увидел тебя с ним. Хотел показать, каково это.

— Да, но я не хотела целовать его. Он поцеловал меня силой.

— Он поцеловал тебя? — визжит Анна.

— Да, — рычит Джордж. — Прижал ее к стене здания, — взгляд его темных глаз на долю секунды снова встречается с моим, и это очень свирепый взгляд. *Неужели он считает, что я хотела, чтобы Роджер поцеловал меня?*

— Да, а я пыталась отпихнуть его от себя, когда появился Джордж, — говорю я Анне и Джорджу, впрочем, тоже.

— Твой рыцарь в сияющих доспехах, — говорит Анна и улыбается Джорджу, но ее восторга больше никто не разделяет. Она понятия не имеет, что произошло за последние несколько дней, поэтому ее улыбка увядает, когда она замечает, как Снайпер качает головой, давай понять, что ей не стоит затрагивать эту тему.

— Ты в порядке? — спрашивает Джордж, по-прежнему не глядя на меня.

— Посмотри же на нее, Джордж! — кричит Аик из-за моей спины.

— Прекрати кричать, Аик, — спокойно прошу его я. Всплеск его эмоций сильно отвлекает.

— Что он говорит? — хочет знать Снайпер.

— Он говорит Джорджу посмотреть на меня, — тихо отвечаю я.

Взгляд Джорджа встречается с моим, в его темных глазах отражается столько эмоций: боль, злость, замешательство и вина. Мы все молчим с секунду, пока мы с Джорджем скрестили наши взгляды, изучая друг друга. Я молча умоляю его. *Не уходи от меня. Пожалуйста, поверь мне.* Но не уверена, что он слышит эти мои мольбы. Он слишком погрузился в свои мысли.

— Никто не хочет рассказать мне, что происходит? — спрашивает Анна, разрушая момент.

— Я все объясню тебе позже, детка, — обещает ей Снайпер. — Давай дадим им пару минут наедине.

После того, как они удаляются обратно в сторону бара «Сэм Снид», я делаю осторожный шаг в сторону Джорджа.

— Как ты себя чувствуешь?

— Дерьмово, — сразу отвечает он, и желудок у меня сжимается. В последние несколько дней ему пришлось столько всего пережить, включая борьбу с ломкой. Разве может он чувствовать себя хорошо?

— Ломка все еще мучает тебя?

— Это не единственная причина, по которой я чувствую себя дерьмово, — засунув руки в карманы, он задирает голову и смотрит в небо, дыхание вырывается из его рта небольшими облачками пара.

— Он чувствует себя паршиво из-за того, как обращался с тобой, — поясняет мне Аик, пока мы оба смотрим на Джорджа. — Он любит тебя, Шарлотта.

Я перевожу взгляд на Айка, и в моих глазах закипают слезы. Челюсть Айка напряжена, мышцы подергиваются, пока он пытается защитить брата. Он хочет, чтобы мы были вместе, хотя сам тоже влюблен в меня.

— Он здесь? — спрашивает Джордж, возвращая меня к реальности.

— Здесь, — отвечаю я и прочищаю горло в попытке скрыть опустошение, вызванное словами Айка. — Джордж?

— Да?

— Я знаю, что тебе сейчас нелегко, ты злишься на меня и тебе больно, но... не сходишь ли ты со мной в одно место?

— Куда? — неуверенно спрашивает он.

— Домой к Мерсерам. Их дочь, она тоже разговаривает со мной. Я еще не рассказала им. Мы собирались сначала все рассказать тебе.

Он фыркает и качает головой, словно поверить не может тому, что я говорю.

— Мы?

— Мы с Айком решили, что ты должен узнать первым, и я пообещала Мэгги Мерсер, что как только ты все узнаешь, я помогу и ей тоже.

— Не думаю, что это хорошая идея, Шарлотта, — высказывает свою точку зрения Джордж и потирает заднюю часть шеи.

Отчаянно нуждаясь в возможности показать ему, что я умею делать, и отвлечь его от горя, я хватаю его за руку.

— Если ты пойдешь со мной и позволишь показать тебе кое-что, я никогда больше ни о чем не попрошу тебя. Завтра утром я уеду из города с отцом, и тебе больше никогда не придется вспоминать обо мне снова.

— Шарлотта, тебе вовсе не обязательно уезжать из города, — возмущается Айк.

— Если он не поверит мне, я уеду, Айк, — говорю я Айку. Нахмурившись, Джордж зло смотрит на меня. Но я больше не собираюсь игнорировать Айка — он заслуживает лучшего отношения. Если Джордж решил не верить, что я могу видеть и общаться с его братом, то это его выбор.

Но Айк здесь, и я буду признавать его существование, пока смогу видеть его. Не знаю, то ли благодаря моему умоляющему взгляду, то ли благодаря отчаянию в моем голосе, но Джордж кивает и идет за мной после того, как я умоляю его:

— Пожалуйста, Джордж, пожалуйста.

Снайпер остается за главного в ресторане, пока мы с Джорджем совершаем наше небольшое путешествие в поля. Мы берем «Бронко» Джорджа, он даже помогает мне забраться внутрь, но, в отличие от прошлого раза, его прикосновение посылает разряд боли по всему телу. Поездка проходит в тишине: мы оба не знаем, что сказать. Мне нечего сказать. Теперь я могу только показать ему и надеяться, что этого окажется достаточно, чтобы он понял.

Когда мы без предупреждения появляемся возле их дома поздним вечером, Мерсеры, не задумываясь, приглашают нас войти, хотя миссис Мерсер уже в своей хлопковой ночнушке и в халате, готовая отправиться спать.

Они приглашают нас пройти в гостиную, и миссис Мерсер собирается угостить нас кофе, хотя мы настаиваем, чтобы она не беспокоилась. Пока она занимается приготовлением кофе, мистер Мерсер перекидывается парой слов с Джорджем, и Джордж изо всех сил старается быть вежливым, хотя пребывает в замешательстве.

Мэгги молча и терпеливо стоит за спиной отца, но в итоге не выдерживает и спрашивает:

— Я помню, что мне не следует разговаривать с тобой в их присутствии, но ты пришла сюда ради меня?

Я киваю в ответ. Когда все мы пьем кофе с печеньем — Боже, благослови миссис Мерсер, она не может позволить гостю сидеть за столом без угощения или напитка — я прочищаю горло и начинаю объяснять, каким даром обладаю, и сообщаю, что могу видеть их Мэгги. Миссис Мерсер сразу же раздражается слезами, когда я повторяю то, что Мэгги просит меня сказать им, то, что известно только им одним. Мистер Мерсер кладет руку жене на плечо, его лицо ничего не выражает и невозможно понять, что он чувствует.

Джордж сидит тихо, пытаясь понять происходящее, но когда я встаю, он тоже встает.

— Могу я пройти в ее комнату? Она просит меня об этом. Есть что-то, что она хочет, чтобы я нашла для вас.

Мистер Мерсер кивает, и мы с Мэгги идем впереди, а они все следом за нами. Когда мы оказываемся в ее комнате, Мэгги показывает на шкаф и просит открыть его. Внутри по-прежнему висит ее одежда — полагаю, в том же порядке, как она оставила ее.

— Накануне смерти я надевала куртку. Цепочка, о которой тебе говорила мама, в кармане. Вон в той, в голубой, — и Мэгги показывает пальцем на голубую куртку.

Запустив руку в карман, я нащупываю цепочку и вытаскиваю ее. Миссис Мерсер распахивает глаза, а мистер Мерсер спотыкается. Джордж поддерживает его и помогает ему сесть на кровать, чтобы прийти в себя.

— Мэгги говорит, что цепочка порвалась, и она засунула ее в карман, собираясь показать вам, но она неважно себя чувствовала и забыла, — я аккуратно кладу крестик и цепочку в руку миссис Мерсер, пока она всхлипывает. Затем я передаю им прощальные слова Мэгги. Я повторяю ее слова благодарности и выражения любви, пока Мерсеры тихо всхлипывают, вслушиваясь в каждое мое слово.

— Она дождется, пока мы с Джорджем не уйдем, и останется еще ненадолго, чтобы вы могли попрощаться с ней, но затем она тоже уйдет.

— Куда? — спрашивает Джордж. — Куда она уйдет?

Я сочувственно пожимаю плечами. Я сама бы хотела знать ответ на этот вопрос.

— Туда, куда уходят все после перехода.

Мы прощаемся с Мерсерами, которые крепко обнимают меня и без конца благодарят. Перед самым уходом мистер Мерсер возвращает мне мою цепочку и смотрит на меня покрасневшими припухшими глазами.

— Она твоя, девочка моя, — говорит он мне.

— Нет, сэр. Я все еще должна вам денег, — отказываюсь я, пытаюсь вернуть ему свою цепочку.

— Нет, ты ничего нам не должна. Ты подарила нам покой, и мы всегда будем должны тебе за это.

— Вы ничего мне не должны, сэр. Вы помогли мне в одну из самых холодных и мрачных ночей в моей жизни, и я никогда не смогу отблагодарить вас за это.

Он грустно улыбается.

— Я знаю хороший способ. Приходи к нам поужинать снова. Нам нравится твое общество, — затем он переводит взгляд на Джорджа. — Ты тоже, сынок. Будем рады тебе в любое время.

— Вполне вероятно, что завтра я уеду домой, — сообщаю я, не глядя на Джорджа, чтобы узнать, как он отреагирует. Если ему все равно, мне будет только больнее, а сейчас я и так испытываю только боль.

Я обещаю Мерсерам, что не уеду из города, не попрощавшись, а затем мы с Джорджем уходим. В тишине он отвозит меня обратно в мотель. Мне хочется разузнать у него, что он думает по поводу увиденного, видит ли он теперь правду, чувствует ли ее? Но молчу.

Я решаю дать ему возможность обдумать все, а когда он будет готов — если он вообще когда-либо будет готов — он сможет спросить меня о чем угодно. Когда Джордж останавливается напротив моей комнаты, он смотрит прямо перед собой, отказываясь смотреть на меня.

Справа от меня припаркована машина Снайпера. Он сказал мне, что оставит ее, а домой его отвезет Анна, когда они закроют ресторан. Снайпер не хочет, чтобы я оставалась без средства передвижения, особенно принимая во внимание, что мой отец оказался таким *козлом*, что продал мою машину. Не могу с ним не согласиться.

Я понимаю, что, возможно, это последний раз, когда я вижу Джорджа МакДермотта, человека, чья душа так идеально подходит моей. Моему сердцу хочется умереть от этой

мысли, но я сделала все, что могла. Тот факт, что я могу видеть мертвых, а его брат привел меня сюда, чтобы я могла спасти его, может показаться нереальным. Я понимаю это, некоторым людям трудно поверить в такое. Но если Джордж любит меня — по-настоящему любит — неужели глупо надеяться на то, что он проявит немножко слепой веры?

Секунды перетекают одна в другую; краткие вспышки времени. Тем не менее, они могут оказывать кардинальное влияние на наши жизни. Или же мы хватаем их и используем в своих целях, или же просто отпускаем.

Полагаю, сейчас мы упустили момент, оставив при себе только сожаление — самое сильное чувство, которое никогда не покидает нас. И в этот момент я знаю, что должна предпринять последнюю попытку достучаться до Джорджа, или буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Особо не раздумывая, я быстро перелезаю на его сиденье и сажусь ему на колени, обхватываю его лицо ладонями и вынуждаю посмотреть на меня. Джордж удивлен, но не отталкивает меня, вместо этого робко кладет руки мне на бедра. Во рту у меня пересыхает, пока я смотрю на него, желая, чтобы он увидел меня, понял правду.

Мне хочется сказать ему тысячу слов, мне так многое хочется попытаться ему объяснить, но боюсь, что я просто впустую потрачу силы. Расстегнув цепочку, которую брат подарил мне много лет назад, я надеваю ее Джорджу на шею.

— Аксель подарил мне его в последнее Рождество, когда был жив, — рассказываю я, поглаживая пальцами крестик. — С тех пор я носила его каждый день, пока в тот первый вечер, когда приехала сюда, не отдала мистеру Мерсеру в качестве залога, пока не верну ему деньги. Я хочу, чтобы он был у тебя.

— Шарлотта, я не могу...

— Просто возьми его. Пожалуйста. Я хочу дать тебе что-то, одно из своих сокровищ в этой жизни, — затем я нагибаюсь и нежно прижимаюсь к его губам. Поцелуй начинается мягко, но затем углубляется, пока я стараюсь выразить свое отчаяние, потребность того, чтобы он принял мой подарок, принял меня.

Поначалу он не отвечает, и все внутри меня увядает, но спустя мгновение он зарывается пальцами в мои волосы и его язык проскальзывает мне в рот, распалая пожар. Мои внутренности пылают от желания и страха, но я абстрагируюсь от всего этого, и когда понимаю, что не могу целовать его дольше, иначе уничтожу сама себя, я отстраняюсь и встречаюсь со взглядом его темных глаз.

— Я люблю тебя, Джордж МакДермотт, — шепотом признаюсь я, и мой голос надламывается, пока я стараюсь не расплакаться. — И если этого недостаточно, если ты считаешь меня чокнутой или аферисткой, или что ты там еще обо мне думаешь, надеюсь, что, когда уеду, у меня получится не забыть, что я испытываю к тебе. Хочу помнить, что я люблю тебя, и что ты потрясающий мужчина. Может быть, ты сломлен, но и я тоже. То, что мы сломлены, не означает, что мы хуже других, это означает, что мы любили кого-то так сильно, что потеря любимых для нас равнозначна потере частицы себя. Я не хочу терять и тебя тоже, — говорю я выразительно, надеясь выразить ему, как важно, чтобы он понял это.

— Даже если ты считаешь, что я мошенница, надеюсь, что ты поговоришь с ним и скажешь ему «прощай». Он услышит тебя, — я еще раз нежно его целую, позволяя губам задержаться чуть дольше положенного, затем слезаю с него и выскакиваю из машины. Он ждет, пока я не захожу в свой номер, а затем уезжает. Я же залезаю в кровать и плачу, а Аик сидит рядом со мной и пытается утешить меня.

— Пожалуйста, останься со мной сегодня ночью, — умоляю я его.

Я засыпаю, а он обещает мне:

— Я здесь, детка. Рядом с тобой.

Но его слова только усиливают боль, потому что я знаю, что он не пробудет рядом долго.

Глава 28

Айк

Пока Шарлотта не проснулась, я отправляюсь проверить как дела у Джорджа, но, появившись в его комнате, с удивлением обнаруживаю, что он уже не спит, а сидит на диване и тупо пялится в телевизор. Брат уже успел принять душ, и это хоть какое-то достижение. Он поднимает голову и обводит взглядом комнату, как будто может почувствовать мое присутствие.

— Айк? — зовет он, и я удивленно приподнимаю брови.

— Я здесь, Джордж, — откликаюсь я на его зов.

Он опускает голову и смотрит на блокнот, лежащий у него на коленях, верхний лист которого весь исписан. Он вырывает страницу, складывает ее и кладет рядом с собой. Когда снова поднимает голову, он говорит:

— Не знаю, здесь ли ты, но мне кажется, что ты рядом, — он долго молчит, а затем продолжает: — У меня такое чувство возникало частенько с тех пор, как ты погиб, как будто ты можешь присматривать за мной.

Я подхожу к нему и опускаюсь на корточки рядом с ним.

— Я присматривал, Джордж.

Глаза Джорджа начинают слезиться, но он делает глубокий вдох и ему удается сдержать слезы.

— Мне жаль, что я подвел тебя, что не оказался лучше или... сильнее, но теперь я в порядке, Айк. Не хочу, чтобы ты был вынужден торчать тут из-за меня. Обещаю, что не вернусь к наркотикам. Клянусь. Я собираюсь пройти реабилитацию.

Пока он говорит, остатки груза, который я вынужден носить, исчезают. Он не лжет. С ним все будет в порядке. Но что будет с Шарлоттой? Неужели он окажется настолько глуп, что отпустит ее?

— Я люблю ее, — признает он, как будто читает мои мысли. Я смотрю на него и удивленно хмурюсь. — Знаю, ты переживаешь за нее. Догадываюсь, что ты, должно быть, тоже влюбился в нее. Разве можно было не влюбиться? — фыркает он.

От его слов в груди что-то сжимается. Он все это выдумывает или на самом деле может чувствовать меня? Теперь, когда он знает, что я еще здесь, позволяет ли он нашей связи, той самой связи, которая присуща не просто братьям и сестрам, а близнецам, сообщать ему что-то?

— Я все испоганил. Я был так зол на самого себя, а выместил все на ней.

— Да, ты тот еще придурок, — бормочу я и встаю.

— Я придурок, — вторит он мне, качая головой. — Я собираюсь приложить максимум усилий, чтобы у нас с ней все было правильно. Если она дождется меня, я на все пойду ради нее. Так что... не беспокойся на этот счет, если ты вдруг волнуешься. Я буду хорошо о ней заботиться. Обещаю.

Джордж трет глаза тыльной стороной ладоней и говорит:

— Я люблю тебя Айк. Спасибо тебе за то, что ты любил меня так сильно, что остался и присматривал за мной, но я хочу, чтобы ты покоился с миром, брат. Мне тоже нужно знать, что с тобой все в порядке, — по его щеке катится слеза, но затем он встает и вытирает ее. Вернувшись в спальню, он быстро собирается на работу.

Когда Джордж выходит из спальни, в руке он держит мои армейские жетоны. *Зачем они ему на работе?* Схватив ключи и сложенный пополам листок бумаги со стола у двери, он тяжело вздыхает и говорит:

— Прощай, Айк. Я люблю тебя, братишка, — и выходит на улицу.

— Прощай, Джордж. Я тоже люблю тебя, — печально киваю я и исчезаю.

Глава 29

Айк

Когда я возвращаюсь в комнату Шарлотты, она только-только просыпается.

— Вставай, — зову я ее. — Пойдем на наше место.

Мне удастся уговорить ее встать, затем я заставляю ее принять душ и одеться. Она определенно не жаворонок. Она должна встретиться с отцом, но мне кажется, что прежде я должен отвести ее в какое-нибудь красивое местечко.

— Наше место? — переспрашивает она.

— Угу, под деревом у реки. Возьми с собой плед.

Мы забираемся в машину Снайпера и едем на гору. За весь путь никто из нас не произносит ни слова. Если раньше притяжение просто раздражало меня, то теперь мне в буквальном смысле приходится бороться с ним, иначе оно утащит меня прочь. Но я пока не могу уйти. Джордж теперь на самом деле в порядке. Он отпустил меня, а Шарлотта помогла ему в этом. Он знает, что я в порядке, и мое дело сделано. Теперь проблема заключается в том, что он не считает себя достойным Шарлотты. Он никому в этом не признается, даже самому себе, но порой некоторые люди знают тебя лучше, чем ты сам себя. Я только молюсь, что он вытащит голову из задницы до того, как станет слишком поздно и он потеряет Шарлотту навсегда.

День сегодня теплый, ярко светит солнце, подчеркивая затейливые краски ранней осени. Шарлотта хватается за плед с заднего сиденья машины, и мы направляемся к воде. Расстелив плед, мы садимся бок о бок и любимся водой; на воде отражаются блики солнца.

Мне перехватывает горло. Не знаю, как долго смогу бороться с притяжением, а я еще должен так много сказать ей.

— Времени почти не осталось, да? — спрашивает она, не отводя глаз от воды.

— Да. Уже скоро.

— Тебе страшно? — спрашивает Шарлотта. Она уже задавала мне этот вопрос раньше, и мой ответ остается неизменным. Мне не страшно. Мне грустно. Мне грустно оставлять ее и всех, кого я люблю, но это часть цикла — то, что должно произойти. Я знаю, что должен вести себя, как ни в чем не бывало. Если уж на то пошло, это она остается одна.

Я уйду, а если Джордж не возьмет себя в руки, то и его у нее тоже не будет. Уверен, что если Шарлотта останется в Уорм-Спрингс, то Мерсеры будут присматривать за ней. А если она готова простить свою семью, то может уехать домой, но я знаю, что это не совсем то, чего она хочет. Ей нравится здесь... или нравилось. Ей нравилось, что она чувствует себя как дома, нравились люди, магия небольшого городка, который может похвастаться простотой и красотой.

— Нет. Мне не страшно. Но... я буду скучать по тебе. Я ведь люблю тебя, и ты это знаешь.

Она всхлипывает, и этот звук разрывает мне сердце.

— Думаю, мне не следует говорить тебе все это, но я не знаю, как промолчать. Ты... ты подарила мне покой, Шарлотта... во многих отношениях. Я никогда не смогу отблагодарить тебя за это, — на глазах у меня тоже закипают слезы, пока она всхлипывает, подтягивает колени к подбородку, обхватывает их руками и прячет лицо.

Мне отчаянно хочется облегчить ее страдания, поэтому я предлагаю:

— Ложись.

Она смотрит на меня покрасневшими, опухшими глазами, ее губы дрожат.

— Зачем?

— Хочу попробовать кое-что. Ты приляжешь? — она делает, как я прошу, слезы стекают по ее щекам на шею. — Закрой глаза, пожалуйста, — бросив на меня долгий взгляд,

который говорит мне, что она не хочет, но все равно сделает, как я прошу, потому что доверяет мне, Шарлотта закрывает глаза.

Понятия не имею, сработает ли моя задумка, поможет ли она вообще, но я должен попытаться.

— Помнишь, как мы обсуждали наше первое свидание?

Уголки ее губ едва заметно изгибаются.

— И наш первый поцелуй, — добавляет она.

— И первый раз, когда мы занимались любовью.

— Это произошло бы прямо вот тут.

— И я бы вырезал буквы «А» и «Ш» в сердечке на этом большом дереве позади нас, — ее улыбка увядает, словно она поражена, представив, *как все могло бы быть*. — Живи со мной этими мечтами прямо сейчас, — она хмурит брови и готова открыть глаза, но я прошу ее не делать этого. — С самого начала, представь себе, что это буду я. Никогда мы не будем ближе к реальности, чем сейчас, но клянусь, эти воспоминания я заберу с собой. Для меня все будет как по-настоящему.

Слезы ручьями текут из ее закрытых глаз, и она дважды кивает, чтобы дать мне понять, что готова начать.

— Ты первый.

Я приподнимаюсь и придвигаюсь к ней. Она красивая. Ее темные волосы веером рассыпались вокруг головы так, что кончики оказались за пределами пледа и лежат на хрупких опавших листьях, окружающих ее идеальную фигурку.

— Ты будешь на работе, а я приду с букетом цветов, — начинаю я, ложась рядом с ней и «соединяя» наши руки. Никогда больше я не буду ближе к ней, чем сейчас. Но пока я продолжаю рассказывать, случается какая-то магия. Я вижу себя ее глазами, и мне кажется, что наши души соединяются. Глядя на нее, я улыбаюсь, мое сердце полно покоя. Часть меня навсегда останется с ней.

Глава 30

Шарлотта

Ума не приложу, как он это делает, но каким-то образом у меня получается представить то, что он описывает. Визуальные ощущения кажутся почти настоящими, в них такая глубина, которую я ни за что не смогла бы придумать сама. Его полный нежности голос плавно проводит меня по всем этапам события. Мы в ресторане, и он подходит ко мне с букетом лилий — это мои любимые цветы. Аик вежливо улыбается. Тепло и искренне.

Он приглашает меня на свидание именно так, как мы обсуждали ранее.

— Свидание по принуждению, — улыбаюсь я, пока мы представляем, как ужинаем и смеемся за столиком в глубине ресторана «у Айка и Джорджа». — Ты мог бы хотя бы отпустить меня в заднюю комнату переодеться.

— Нет, — не соглашается он. — Ты красива в любом наряде.

Я грустно улыбаюсь. Как бы мило ни было представлять все это вместе с ним — это причиняет боль.

— Не надо, — мягко предупреждает он. — Ты нужна мне здесь, рядом со мной, малышка. У нас не очень много времени. У тебя будет много времени впереди, чтобы погрустить.

И прежде, чем я успеваю возразить, он продолжает рассказывать. Мы стоим вплотную друг к другу перед дверью в мой номер в мотеле. Ночь прохладная, и на мне его куртка. Я запахиваю ее и прижимаю воротник к плечу. Она пахнет точно также, как я и представляла.

— Ты пахнешь потрясающе, — признаюсь я.

— Это одеколон, которым я пользовался, — объясняет он. И я купаюсь в восхитительном аромате его мужественного теплого запаха.

Наши взгляды встречаются, его мягкие карие глаза смотрят на меня так, будто я драгоценность. И в этот момент я не чувствую себя странно, я чувствую, что меня ценят.

— Ты красивая, — шепчет он. Затем Аик нежно прижимает ладонь к моему лицу, проводит своими длинными пальцами по моим щекам и наши губы встречаются в нежном поцелуе.

От прохладного вечернего ветерка руки и спина покрываются мурашками, и я наслаждаюсь теплом его губ. Он делает мне редкий подарок, дарит нечто, что я даже представить себе не могла, что у меня когда-то будет.

Поцелуй очень нежный и сладкий, и он длится и длится, пока все вокруг не начинает вращаться, и мы рука об руку не оказываемся в столовой его родителей. Мы сидим бок о бок и смеемся вместе с его семьей. Кэмерон рассказывает какую-то шутку, от которой мы все чуть не лопаемся со смеху.

— Конечно же, ты видишься и с моими родителями, — говорит он мне и улыбается.

— Конечно, — соглашаюсь я.

Мы сидим совершенно неподвижно. Аик приближается ко мне, и образы и звуки его семьи растворяются в воздухе. На первой картинке мы подпеваем радио, пока едем куда-то, и оба смеемся над тем, как ужасно это звучит.

Следом за первой сразу же появляется еще одна, где мы пешком взбираемся в гору через парк, а я ною, что мы забрались так далеко. Видимо, я не могу подстроиться под физические способности солдата. А на следующей картинке, я сижу на спине Айка и он несет меня вниз с горы, потому что я неуклюжая и умудрилась потянуть щиколотку.

— Ты несешь меня всю дорогу вниз, да? — тихо уточняю я.

— Ага. Причем с удовольствием.

Меня окутывает теплом.

На всех описываемых им картинах, я замечаю, что мы постоянно улыбаемся. И от этого в груди становится больно.

Он продолжает говорить, а я представляю, как мы вместе готовим спагетти, как я оседлала его на диване, пока мы ласкаем друг друга и он ласкает меня пальцем.

По телу струится тепло, пока я наблюдаю, как он захватывает мои волосы в кулак и наши рты болезненно прижимаются друг к другу, как будто мы не можем прижаться достаточно близко. В этот момент я чувствую острый приступ желания.

— Мне нравится твоя грудь, — задыхаясь, признается Аик.

— Извращенец, — шучу я, и он улыбается.

— На данный момент мне кажется, что у меня там все уже посинело, но ты вынуждаешь меня ждать.

В описываемой им картине, он только что стянул с меня футболку. И хотя на мне лифчик, он смотрит на меня, взгляд его карих глаз сосредоточен на мне, словно я самое красивое, что было в его жизни. Вижу, как я смотрю на него в ответ, и наше желание и потребность в тот момент словно можно руками потрогать; оно живет и дышит само по себе. Мне необходимо видеть этот момент с Айком.

— Может быть, теперь я уже готова.

В этой красивой мечте наяву окрестности сменяют одна другую, и вот мы уже у реки, под большим деревом, смотрим друг на друга. Мягкий взгляд Айка встречается с моим, и помимо желания и потребности в них я вижу также и боль.

Это будет так же болезненно, как и красиво. Мы отдаемся друг другу так, как можем, но после мы все равно столкнемся с неизбежным. Мы должны отпустить друг друга.

— Сними рубашку, — велю я ему. Аик не в своей военной форме. На нем темная рубашка и джинсы. Мы глаз не сводим друг с друга, пока он медленно, пуговица за пуговицей расстегивает рубашку, а я снимаю куртку и сбрасываю обувь. Когда рубашка падает на землю, во рту у меня пересыхает.

Он великолепен. Широкие плечи и накачанные гладкие руки, солдатские жетоны покоятся на крепкой груди. Рельефные мышцы живота покрыты едва заметным пушком, полоска которого спускается за пояс джинсов.

— Теперь твоя очередь, — настаивает он.

Глава 31

Айк

Шарлотта нервничает. А еще она красивая. Скрестив руки, она тянется к подолу футболки и стягивает ее через голову. Ее длинные волосы поднимаются вместе с футболкой, но затем падают вниз и рассыпаются по плечам и спине, и она отбрасывает их набок. Хотя я только представляю это, картинка такая яркая и кажется такой настоящей. Шарлотта подходит ко мне, тянется к моему ремню и начинает расстегивать его, а затем переходит к пуговице моих джинсов. Прежде чем она тянет их вниз, я провожу руками по ее плечам, тянусь за спину и расстегиваю застежку лифчика. Он падает на землю, а я отступаю на шаг и наслаждаюсь ею, запоминая каждый изгиб тела, который открывается моему взгляду. Быстро подхватив ее, укладываю на плед. День теплый, но в воздухе чувствуется легкая прохлада, отчего ее кожа покрывается мурашками. Я стягиваю с нее джинсы и трусики и быстро раздеваюсь сам. Прежде чем опуститься на колени и прижаться к ее телу, я смотрю на обнаженную Шарлотту, которая ждет меня. *Черт*, она такая утонченная. Все внутренности сводит от того, как я ее хочу, но боль там тоже присутствует. Вот и все. Вот все, что нам доступно. Но я и на это рассчитывать не смел, поэтому хватаюсь за представившуюся возможность. Как только я чувствую ее под собой, ее грудь прижимается к моей груди, я натягиваю на нас край пледа, стараясь обеспечить вокруг нас и между нами как можно больше тепла.

— Ты готова?

Она облизывает пересохшие губы и согласно кивает.

— Еще никогда я не была более готова ни к чему в своей жизни.

Время замирает, когда мы становимся единым целым. Мы смотрим друг другу в глаза, и я вижу печаль в ее взгляде. Она знает, что я скоро уйду. Еще никогда я не испытывал ничего более болезненно-прекрасного. Я молюсь, чтобы не забыть этот момент, чтобы, когда окажусь по другую сторону, кто бы там ни был главным, он позволил бы мне сохранить это воспоминание. Только эту мечту, которая могла бы случиться с нами в другое время и в другой жизни. Ее дыхание овеивает мою шею, пальцы скользят по мышцам спины. Все эти трагично-красивые воспоминания остро необходимы мне, потому что я не уверен, что смогу прожить вечность без них. Обхватив мое лицо ладонями, Шарлотта обрушивает свои губы на мой рот и яростно меня целует. Я целую ее в ответ, проклиная мир за то, что не могу оказаться еще ближе к ней. Мои толчки ускоряются, когда она вцепляется в меня, зажимает мои губы зубами, сводя меня с ума. Я отрываюсь от ее губ, когда она вскрикивает и ее тело напрягается.

— Я люблю тебя, Айк, — выкрикивает она, и по ее щеке катится слезинка. Кончиком языка я слизываю ее, а затем снова обрушиваюсь на ее рот. Несколько мгновений спустя она кричит от наслаждения, а я кончаю спустя несколько секунд после нее и прижимаюсь своим лбом к ее, пока мы оба пытаемся выровнять наше дыхание. Я целую ее в шею, в подбородок и снова в губы, и она хнычет. Сев, я притягиваю ее к себе и плотнее закутываю нас в плед. Ее голова покоится на моем плече, пока мы наблюдаем, как сверкает вода в реке. Я бы все отдал, лишь бы это было по-настоящему, а не выдуманной мечтой.

— Как я могу отпустить тебя, Айк? — шепчет она.

У меня нет ответа на этот ее вопрос. Поэтому я снова погружаюсь в нашу мечту, где сжимаю ее крепче. Местоположение меняется, мы оказывается на берегу реки и по очереди описываем совместную жизнь, которой у нас никогда не будет.

Мы наблюдаем, как тысячи сценариев разыгрываются перед нами, просто над поверхностью воды. Мои самые любимые: день нашей свадьбы, то, как она улыбается мне, когда подходит к алтарю. Или тот, когда она дремлет на диване, а ее живот округлился,

потому что она носит нашего ребенка. И, конечно же, тот день, когда рождается наша дочь и лежит на руках у Шарлотты, пока сама Шарлотта с любовью улыбается мне.

Картинки красиво и беспорядочно сменяют одна другую. Не все они идеальны, на некоторых мы ругаемся, но вслед за ними следуют те, где мы миримся.

— Полагаю, ты пока еще не понял, что я всегда права, — подкалывает меня Шарлотта, пока наблюдает, как она швыряет в меня подушку и визжит.

— Неа, — отвечаю я, когда вижу, как я хватаю ее и яростно целую, тем самым остужая весь ее гнев. — Я просто хочу завести тебя, чтобы у нас потом случился чумовой примирительный секс, — она хмыкает и утыкается лицом мне в основание шеи. — Что мы упускаем? — спрашиваю я ее.

— Это, — отвечает она и описывает картинку, где пожилая пара сидит бок о бок в креслах качалках. Это мы, прожившие вместе долгую жизнь. Она вкладывает свою сморщенную ладонь в мою и мы смотрим на горы с нашего крыльца, наслаждаясь великолепием осени.

В этой фантазии я целую ее в висок, закрываю глаза и молюсь, чтобы однажды у нее все это было. Молюсь, чтобы это было с Джорджем. Она любит его, точно так же, как любит меня — очень-очень сильно. Шарлотта тихо плачет, слезы струятся по ее красивому лицу. Наклонившись к ней, я говорю:

— Если будешь скучать по мне, приходи сюда и разговаривай со мной. Это место всегда будет нашим.

— Ты будешь здесь? — всхлипывает она.

— Часть меня навсегда останется здесь... — оглянувшись на дерево позади нас, я вздыхаю. — Мне жаль, что я не могу вырезать на дереве сердечко с нашими *инициалами* для тебя.

— Мне много чего жаль, Айк, — стонет она, пытаясь подавить рыдания. Момент кажется трагичным и болезненным, он задевает самые глубокие струны моей души. И хотя мне ненавистна мысль, что я покину ее, мне нужна пара минут, чтобы разложить все для себя по полочкам, прежде чем исчезну навсегда.

— Шарлотта, — говорю я и крепко сжимаю ее руку. — Мне нужно немножко времени наедине с собой. Мне жаль, я просто... Ты будешь тут в порядке?

— Конечно же, — тихо соглашается она. — Я вернусь в мотель. Ты же еще придешь попрощаться, да? — она переводит на меня взгляд своих серых глаз, на ее лице написаны надежда и печаль.

Проведя костяшками пальцев по ее щеке, я отвечаю:

— Обещаю, детка, — а затем исчезаю.

Глава 32

Шарлотта

Когда открываю глаза, Айка уже нет, поэтому я, не шевелясь, лежу на пледе и смотрю в небо. Все, что мы только что представили вместе, казалось таким настоящим; таким умиротворяющим. Но кажется это настоящим или нет, Аик скоро уйдет. И нет слов, которыми я могу описать боль, терзающую меня изнутри. Эта боль бесконечна, она тянется от кончиков пальцев на ногах до кончиков волос. Беспощадная, зияющая пропасть, состоящая из пыток. Когда Аик уйдет, он заберет часть меня с собой; часть, которую никогда и никто не сможет заменить, ведь она принадлежит ему — он владеет ею. За долгое время он стал первым человеком, который утешил меня и предложил мне свою дружбу. И я начинаю понимать, что именно Джордж испытывал очень долгое время — агонию боли от того, что необходимо отпустить Айку.

Другая половина моего сердца принадлежит Джорджу. И боль там совсем иного характера. Вопреки здравому смыслу, я влюбилась в него. И Боже, как же сильно я влюбилась. Джордж мог бы обладать частью меня, мог бы взять ее и любить, даже ценить, но он предпочел отвергнуть меня. И по этой причине я чувствую себя безнадежно потерянной. Как мне жить дальше, если от сердца ничего не осталось? Как жить, если в груди пусто и остались только одни «что, если»? Мне хочется забиться обратно в какую-нибудь темную норку, но боль невыносима. У меня есть план. Покончить со всем этим, и как бы печально это ни звучало, часть меня верит, что так будет лучше, чем влачить такое существование. Потеря братьев МакДермотт станет моей гибелью. Аик спас меня, но ради чего? Чтобы я вернулась к жизни, которой жила последние пять лет, но теперь уже с болью, познав любовь и боль потери? Понятия не имею, заговорит ли Джордж когда-нибудь еще со мной, и я не хочу говорить «прощай» своему лучшему другу. Мне уже пришлось пройти через это с Акселем, и тогда я с трудом выжила. Разве смогу я сделать это еще раз? Неужели мне суждено всегда быть в одиночестве?

Я трясую головой, пытаюсь разогнать мрачные мысли. Я никогда не буду жалеть об этом. Ни об одной секунде. Встреча и любовь к каждому из них — мое самое огромное достижение в жизни. Я не знала, что такое жизнь, пока на моем пороге не появилась смерть. И я представить себе не могла, что из себя представляет любовь, пока Аик не заставил меня жить. Он дал моей жизни второй шанс, когда привел меня в этот городок и показал его прелести.

«Сюда все приезжают восстанавливаться», — шутил Аик. Я жила во всепоглощающей темноте — едва двигаясь — а он вывел меня к свету. И хотя боль просто адская, я никогда не забуду то короткое время, что провела в тепле; я отказываюсь отпускать это время.

Я фыркаю, когда до меня доходит размах того, насколько извращенной оказалась наша ситуация. Я только что представила себе целую жизнь с Айком. Мы смеялись, любили, ругались, и это было красиво. Наша ситуация такая сложная. Я люблю обоих братьев одинаково, но по совершенно разным причинам. И хотя внутренний голос нашептывает, что неправильно было представлять себя с Айком — пусть это и была только мечта — когда все мои надежды связаны с тем, что Джордж придет в себя и мы будем вместе, я все равно никогда не пожалею об этом. Если бы душой, обнаружившей меня у моста, оказался Джордж, а не Аик, я бы представила себе эту красивую жизнь с ним. Но это был не Джордж. Меня нашел Аик. И именно Аик любит меня так, что в состоянии понять, что он делит мое сердце со своим братом-близнецом.

Вскочив, я стряхиваю с себя плед и возвращаюсь к машине Снайпера. Оказавшись в салоне, я открываю ящик с инструментами, лежащий на заднем сиденье, и вытаскиваю оттуда большой охотничий нож.

Возвращаясь к берегу и крепко сжимая в руке нож, я принимаю решение, что осталось сделать единственную вещь, которая волновала Айка — показать ему, что он значит для меня.

К тому времени, когда Аик появляется в мотеле, я уже успеваю принять душ и переодеться в пижаму. Я лежу в кровати, когда он внезапно появляется рядом со мной. Он ложится на бок, так что наши глаза оказываются на одном уровне.

— Привет, красавица, — шепчет он.

— Привет, — отвечаю я и изображаю самую радостную улыбку из своего арсенала.

— Ты проводывал Джорджа?

— Еще утром, пока ты спала.

— Как он?

— С ним все будет в порядке. Он попрощался со мной.

Я удивленно распахиваю глаза.

— Значит, он верит, что ты был там?

— Думаю, да, — отвечает Аик и кивает. — Я больше не чувствую тяжести долга.

Мне хочется заплакать, потому что я совершенно не готова к его уходу, но точно так же я чувствую себя уже очень много дней подряд.

— Когда, Аик? Когда ты уйдешь?

Аик закрывает глаза и с трудом сглатывает. Ему нет необходимости озвучивать свой ответ, я и так понимаю, что это произойдет очень скоро.

— Нам лучше попрощаться прямо сейчас, Шарлотта.

Бесповоротность происходящего убивает меня. Вот и все. Я не могу выразить, как много он значит для меня. Не существует таких значимых или красивых слов, которые могли бы описать, что я чувствую, или которые воздали бы ему должное. Поэтому я хладнокровно произношу:

— Мне будет тебя очень не хватать.

Аик улыбается мне своей фирменной озорной улыбкой.

— И по чему ты будешь скучать сильнее всего? По моему потрясающему чувству юмора или по сексуальному телу? — он взмахивает рукой, указывая на все свое тело от макушки до пят.

Не в силах удержаться, я улыбаюсь сквозь слезы, которые еще пару секунд назад я отказывалась проливать.

— По твоему заду. Это мой окончательный ответ. Больше всего я буду скучать по твоей сексуальной заднице, — смеюсь я.

Аик громко смеется, его глаза блестят.

— Так и знал, что нравлюсь тебе только из-за моей легендарной задницы. Ты такая банальная, — шутит он.

Мы оба умолкаем, и я предпринимаю еще одну попытку выразить мои к нему чувства.

— Я буду скучать по твоей улыбке, твоей убийственной улыбке, и, Аик, у тебя она правда убийственная. Порой она причиняет боль, но она такая красивая. Я буду скучать по тому, как тебе всегда удастся найти способ рассмешить меня. Я буду скучать по перезвону солдатских жетонов у тебя под футболкой, когда ты ходишь.

Он смотрит мягким взглядом своих карих глаз мне в глаза, впитывая каждое слово.

— Мне будет не хватать твоего «грязного» ротика, — говорит он мне, и мы оба улыбаемся. — Я буду скучать по тому, как мирно и спокойно ты выглядишь во сне. Ты представить себе, наверное, не можешь, как сильно мне хотелось коснуться тебя, пока ты

спала. Твоя кожа, наверняка, такая гладкая и мягкая. И я буду скучать по твоему мужеству и доброте.

— Спасибо, Айк, — благодарю я, но мои губы дрожат. — Я так ни разу и не поблагодарила тебя за то, что ты спас меня.

— Ох, детка, это ты спасла меня, — возражает он мягко и нервно потирает заднюю часть шеи. — Я мертв и умудрился влюбиться в своего лучшего друга. Я везучий засранец.

— К-как думаешь, мы еще увидимся когда-нибудь? Я имею в виду, там, на другой стороне?

Он глубоко вздыхает.

— Думаю, да. Но не скоро, — требует он. — Ты должна взрослеть, Шарлотта. Ты должна прожить долгую и красивую жизнь. Счастливую жизнь, которую ты заслуживаешь.

— Но когда придет время, если сможешь, ты ведь постарайся найти меня? Ведь именно ты первым встретишь меня на той стороне? Я хочу знать, что у тебя все в порядке.

— Невзирая на любые трудности, — обещает он. — И я, правда, имею это в виду. Если я смогу стать тем, кто сопроводит тебя к... куда бы там ни надо было, я сделаю это. Но мне нужно кое-что от тебя.

— Все, что угодно, — я тихо плачу.

— Дождись Джорджа. У него есть план. Дай ему немного времени, он вернется.

Я вытираю щеку об подушку, на которой покоится моя голова, и киваю.

— Я хочу, но что, если он не придет?

— Придет, — заверяет меня Айк. — Знаю точно, что придет. И прекрати чувствовать себя виноватой за то, что любишь его, Шарлотта. Может быть, многие люди и не поняли бы этого, но я понимаю. Я знаю, что у тебя на сердце. Знаю, как сильно ты любишь нас обоих. Просто ты любишь нас по-разному. Не стыдись этого.

Прощаясь, мы беседуем не один час. Я постоянно молю дать мне сил. Я обещаю ему, что никогда не стану той девушкой, которую он нашел на мосту в ту ночь, когда мы встретились. В этом я уверена. Он изменил мой взгляд на жизнь, теперь я гораздо сильнее, потому что он верит в меня. Айк обещает, что его сердце останется на земле, со мной.

И я знаю, что даже когда я не смогу видеть или слышать его, память о нем всегда будет придавать мне сил. Он рассказывает мне истории из своего детства, красивые и простые истории, которые оберегают меня, чтобы я не сломалась окончательно. У него талант отвлекать меня, чтобы я не сломалась. И хотя я не знаю, сколько сейчас времени, мои веки начинают тяжелеть, и я с трудом удерживаю глаза открытыми.

— Засыпай, детка, — шепчет он.

— Ты еще будешь тут, когда я проснусь?

Теплый взгляд его глаз встречается с моим, и он нежно улыбается.

— Я всегда буду с тобой, Шарлотта. Всегда. Прямо здесь, — и он показывает себе на грудь.

Это означает «нет». Вот и все. Мне хочется протестовать. Умолять его не уходить, но у меня не осталось сил. Когда мои веки слипаются, отказываясь оставаться открытыми, хотя я отчаянно не хочу, чтобы они закрывались, я говорю ему самые правдивые и откровенные слова, на которые способна:

— Я люблю тебя, Айк МакДермотт.

— Я тоже люблю тебя, детка, — шепчет он в ответ. — Здесь, там... везде.

И когда наступает утро, я понимаю, что это был последний раз, когда я видела или говорила с этой красивой и замечательной душой по имени Айк МакДермотт.

Глава 33

Айк

Я наблюдаю за спящей Шарлоттой, пока первые лучи солнца не начинают проникать в комнату. Она спит беспокойно, тихо всхлипывает во сне и зовет меня, умоляя не уходить.

Я был бы рад злиться и ненавидеть всех и вся из-за того, как несправедливо сложилась жизнь, но не могу, потому что действительно испытываю чувство покоя. Жизнь сделала мне подарок. Эта красивая девушка не только спасла моего брата, но и сумела полюбить меня. Поэтому я могу только радоваться.

Собрав всю силу воли в кулак, я наконец-то встаю и медленно изучаю ее взглядом — мой последний визуальный опыт в жизни.

Я должен уйти до того, как она проснется, так как промедление только усиливает ураган эмоций, с которым нам обоим придется сражаться. Ей нужно начать процесс исцеления, но она не сможет этого сделать, пока я рядом. В эти последние несколько секунд я стараюсь запомнить каждую деталь ее внешности — ее длинные темные волосы, мягкие розовые губы, гладкую кожу.

Но самое лучшее в ней — это вновь приобретенный жизнерадостный и пылкий характер. Я представляю, как она смеется и как легко и красиво звучит ее смех. И представив, не в силах не улыбнуться. Эти воспоминания будут поддерживать меня в том, что ждет меня впереди. Воспоминание о ней и о том, что она сделала ради меня и моей семьи — только благодаря этому мне хватает мужества двигаться дальше.

Я улыбаюсь и бросаю на нее последний взгляд.

— Прощай, Шарлотта, — шепчу я и растворяюсь в воздухе.

Я стою на нашем месте у воды, наблюдая, как блики солнца отражаются на поверхности воды. Осень в самом разгаре, и я слабо улыбаюсь. Мое любимое время года. Притяжение становится все сильнее, и я понимаю, что если не сосредоточусь, то исчезну в любую секунду. Но мне нужна еще одна минутка. Всего одна.

Развернувшись, я иду к огромному дереву, желая оставить Шарлотте хоть частичку себя, настоящее воспоминание, которое она будет видеть и которого сможет коснуться. Подняв голову, я застываю в шоке. На дереве вырезаны буквы «А» и «Ш» внутри большого сердечка. Долю секунды я просто стою и смотрю, желая вернуться и рассказать ей, как много это значит для меня. Но на это уже нет времени.

— Пора, — напоминаю я себе и, подойдя ближе к дереву, касаюсь ладонью наших инициалов. Бросив последний взгляд на искрящуюся воду и держа руку на дереве, я закрываю глаза и позволяю притяжению забрать меня.

Я, наконец-то, ухожу...

Глава 34

Шарлотта

Горе. Какое же это ужасное чувство, и я постоянно ощущаю его. Я испытываю агонию, вспоминая, что он был здесь, что он существовал. Милый, красивый Айк ... он всегда улыбался.

В то утро, когда Айк ушел, появился мой отец. Когда я отказалась уезжать, он то ли пожалел меня, то ли решил, что нет смысла спорить со мной и оплатил мое проживание в мотеле до конца месяца, чем шокировал меня до глубины души. На короткий чудесный миг я даже подумала, что он смирился и понял, что мой дар на самом деле существует, но отец опроверг мои предположения, когда сообщил, что детектив Эндрюс просит меня остаться, хотя технически я не обязана оставаться.

Затем, забивая последний гвоздь в крышку моего гроба, отец поставил меня перед фактом, что он еще вернется через несколько недель, но уже вместе с моей мамой.

Позже в этот же день ко мне заглядывает Снайпер и обнимает меня, пока я плачу. Я превратилась в развалину, но он ни словом не упоминает об этом. Он просто говорит мне, что Айк бы хотел, чтобы я была счастлива, и я знаю, что он прав.

Когда позже Снайпер собирается уходить, он говорит:

— Не уверен, что сейчас самое подходящее время, но Джордж просил меня передать тебе это, — и кладет конверт на кровать рядом со мной.

Не помню, попрощалась ли я с ним, не помню, как он уходил, но когда я подняла голову, Снайпера в комнате уже не было. В голове крутится только одна мысль, что это прощальное письмо от Джорджа. Наверное, для него слишком тяжело встретиться со мной лицом к лицу. Может быть, он боится, что я выйду из себя, если он скажет это мне лично. Не знаю, что он хочет мне сказать, но надеюсь, что по крайней мере его письмо будет добрым. Мои чувства к нему не изменились, и если его письмо — это отказ, боюсь, я не справлюсь с этим.

Проходит час или около того, прежде чем я решаюсь вскрыть письмо. Конверт толстый на ощупь и я понимаю, что там есть еще что-то, помимо самого письма. Мои руки дрожат, когда я вскрываю его и заглядываю внутрь. Внутри письмо и армейские жетоны. В горле встает ком, когда я аккуратно вытаскиваю цепочку с двумя небольшими жетонами на ней.

Прижав жетоны к груди, я падаю спиной на кровать и громко плачу. Мне никогда не забыть звяканье жетонов у Айка под футболкой, когда он шел рядом. Джордж отдает их мне? Я всхлипываю, наверное, целую вечность, прежде чем у меня получается снова сесть. Наконец-то, я разворачиваю лист бумаги, который был в конверте, и задерживаю дыхание, готовясь к худшему.

Дорогая Шарлотта.

Прости, что пишу тебе это письмо вместо того, чтобы поговорить с тобой с глазу на глаз, но, честно говоря, мне очень стыдно из-за того, как я вел себя последние пару раз, когда мы виделись. Я говорил тебе, что я не такой, как тот мужчина, с которым ты познакомилась, когда только приехала сюда. И это правда. Настоящий я не из тех, кто подсаживается на наркотики и спит с доступными женищинами, и мне больно, что именно таковым стало твое первое впечатление обо мне. Также я говорил тебе, что хочу быть мужчиной, достойным тебя, и что хочу быть достойным твоего высокого мнения обо мне. Это тоже правда. Но рассказать тебе, какой я на самом деле, и показать — это совершенно разные вещи. Поэтому я собираюсь пройти курс реабилитации, Шарлотта. Хочу избавиться от этой гадости и прочистить мозги. Знаю, что не обеспечил тебе необходимое количество причин верить в меня, но я очень надеюсь, что ты будешь ждать меня. Надеюсь, что ты останешься и дашь мне шанс доказать, что я достоин тебя. Если же нет, я пойму. Ведь я обеспечил тебе кучу причин уехать. Но знай, Шарлотта... Когда ты призналась мне в любви тем вечером, что-то изменилось во мне. Ты пометила меня, и я никогда не смогу забыть это или изменить. Пожалуйста, верь, что я все сделаю, чтобы стать достойным твоей любви, если ты дашь мне такой шанс. Вернусь через месяц. Твоя работа остается за тобой. Я обсудил это со Снайпером. Пожалуйста, береги себя, и не важно, что бы ты ни решила, Шарлотта, прошу тебя, будь счастлива. К письму прилагаю жетоны Айка. Поскольку ты отдала памятную вещьцу своего брата, будет честно, если я поступлю так же. Уверен, он бы захотел, чтобы они были у тебя.

Джордж.

Засунув письмо обратно в конверт, я снова падаю на кровать и рыдаю.

Глава 35

Джордж

Меня не было тридцать дней. Не так уж долго, но мне этот месяц показался вечностью. Теперь же я готов вернуться домой и столкнуться с миром лицом к лицу. Я жутко нервничаю. Меня захватило тревожное ощущение, потому что я понимаю, что мне предстоит посмотреть в глаза всем, кого люблю, и столкнуться с последствиями своих прошлых поступков. Уверен, что семья простит меня. Снайпер тоже. Больше всего я волнуюсь из-за *нее*. Сможет ли она по-настоящему простить меня за то, как я вел себя? А я был колоссальным засранцем — эту точку зрения Снайпер высказал мне столько раз, что я сбился со счета. Весь прошедший месяц я провел, копаясь в прошлом и вытаскивая наружу все проблемы, но помимо всей этой фигни, я осознал, как много есть всего, за что мне следует научиться прощать себя. Единственное, в чем я уверен, — мне нужна Шарлотта. Черт, я люблю ее. Я оказался слишком труслив, чтобы сказать ей об этом. Я жажду Шарлотту так же сильно, как жажду дышать. Она всегда незримо присутствовала рядом, и я как будто слышал ее слова: *я не хочу потерять еще и тебя*. Так тяжело было проходить реабилитацию. Лихорадку и ночную потливость я бы и самому худшему врагу не пожелал. Но я дал обещание своему брату, и, черт возьми, собираюсь сдержать его. Айк заслуживает этого. Мне еще повезло, что я сумел вырваться из ада самоуничтожения. И теперь чертовски стыдно, что из-за собственной злости я так долго был вдали от Шарлотты, что так долго не принимал ее такой, какая она есть. Но, несмотря ни на что, я никогда не переставал хотеть ее.

В последний вечер, когда я видел ее, после того, как мы уехали от Мерсеров, я был поражен. То, как она вернула им чувство покоя, напоминало чудо. Словно их боль мгновенно исцелилась. Позже тем вечером, когда она забралась мне на колени и поцеловала меня, я понял, что никогда и ни за что не отпущу ее. Но в тот момент речь о том, что я могу удержать ее, тоже не шла. Шарлотта заслуживает лучшего, но по какой-то причине она любит меня. Она хочет быть со мной, или, по крайней мере, хотела. И чтобы у нее было лучшее, по крайней мере, с моей стороны, я должен исправить что-то в себе, прежде чем начинать что-то с ней.

Отец только что забрал и везет меня домой после реабилитации, по пути что-то небрежно рассказывая, но все мои мысли только о ней. *Как она? Где она?*

— Как Шарлотта? — прерываю я его монолог, не в силах больше сдерживаться. Отец улыбается, но не сводит глаз с дороги.

— Неплохо, я полагаю. Почему ты спрашиваешь? — и, судя по тому, как он ухмыляется, он прекрасно знает, почему я спрашиваю.

— Ты отлично знаешь, пап, — бормочу я.

Взяв свою кружку-непроливайку из нержавеющей стали, он делает медленный глоток, а затем говорит:

— Она чудесная девушка, Джордж. Надеюсь, у тебя получится убедить ее остаться.

Я переплетаю пальцы и сжимаю их так сильно, что кончики белеют.

— Она говорит, что собирается уезжать? — робко спрашиваю я, и у меня перехватывает горло от этой мысли. Я не могу винить ее, если она примет такое решение. Не то чтобы благодаря мне у нее были причины остаться. Но, черт меня возьми, если я не хочу, чтобы она осталась.

— Ее родители приезжали на неделю или что-то около того. Они умоляли ее уехать с ними, но она отказалась.

Я шумно выдыхаю от облегчения. *Она остается.* Может быть, просто может быть, у меня все же есть шанс. Отец продолжает болтать, а мне приходится прилагать усилия, чтобы не потерять нить беседы.

— Суд над убийцей Кейси Перселл состоится через неделю или две. Она сказала, что останется как минимум до слушания дела.

— Где она сейчас?

Мои нервы на пределе и я безостановочно постукиваю правой ногой. Ожидание скоро во мне дыру прожжет.

Отец искоса бросает на меня взгляд и самодовольно ухмыляется, его глаза искрятся весельем.

— Она у нас дома, ждет, чтобы поприветствовать тебя по возвращении.

Я расплываюсь в улыбке и потираю подбородок, а затем быстро вытираю вспотевшие ладони о брюки. Сделав глубокий вдох, я настраиваюсь на встречу.

Не испорть все, Джордж.

Глава 36

Шарлотта

— Кэмерон, если ты съешь еще хоть один рулет с ветчиной, я тебя придушу! — кричит Беверли, а Кэмерон вылетает из гостиной, где на одном из больших столов МакДермоттов накрыт обед, достойный короля.

Снайпер, Анна и я ухмыляемся, когда проносящийся мимо нас Кэмерон, запихивает в рот еще один рулетик.

— Я еще вернусь за печеньками, — бормочет он с набитым ртом, хотя и едва слышно.

— Они чертовски хороши, — признает Снайпер. — Беверли частенько присылала Айку посылку с ними. Жадный ублюдок выделял мне только одну-две штучки.

— Ты нервничаешь? — шепотом интересуется Анна, подхватывая меня под локоть. После вечера, когда Джордж и Роджер подрались, Снайпер рассказал ей о моем даре и обо всех событиях, которые произошли между мной, Джорджем и Айком. Она восприняла все довольно легко, и с тех пор мы очень сблизились.

— Безумно, — честно признаюсь я, пока она ведет меня на крыльцо. Весь прошедший месяц я ждала Джорджа, зная, что мои чувства к нему остались неизменными. Только вот не уверена, как он отреагирует на то, что я живу здесь. Что, если он передумал насчет меня, пока проходил реабилитацию?

Несмотря на порхающих в животе бабочек, я так горжусь, что он решился пройти реабилитацию, что захотел стать лучше. И если быть честной, то этим он и мне предоставил возможность взять себя в руки. Я была подавлена после того как Аик ушел, и мне нужно было немного времени, чтобы прийти в себя. Каждый день мое сердце по-прежнему тоскует по Айку, но постепенно, день за днем, мне становится лучше.

Вся моя надежда на Джорджа, только тогда я смогу жить дальше. Но глубоко в душе живет страх, что, может быть, он не чувствует то же самое. Может быть, он больше не хочет меня.

— Ты выглядишь сказочно, — заверяет Анна, пихая меня плечом в плечо и прерывая поток моих мыслей. Конечно, я выгляжу отлично, ведь меня одевала Анна. На мне бордовое платье с рукавами в три четверти, колготки и туфельки. Анна собрала мои волосы в высокий хвост и наложила чуть более яркий макияж, чем обычно. Но даже самый замечательный наряд и макияж не могут скрыть ужас, который я испытываю внутри.

— Они подъезжают, — сообщает Кэмерон, выйдя на крыльцо и кивнув в сторону подъездной дорожки. Мое сердце пропускает удар. На крыльце к нам присоединяется Беверли и Снайпер. Кэмерон обнимает Беверли за плечи и целует ее в висок, когда ее глаза заволакивают слезы. Снайпер берет меня за руку и сжимает ее, затем подмигивает мне, давая понять, что все будет в порядке. *Дыши, Шарлотта.*

Пока Генри паркуется, я еще раз напоминаю себе о необходимости дышать. Я так сильно нервничаю, что коленки дрожат. Будет не очень хорошо, если ноги подведут меня сейчас.

Снайпер, Анна, Кэмерон и Беверли слетают с крыльца и окружают Джорджа сразу же, как только он показывается из машины. Мне его почти не видно, так тесно они его окружили. Спустя несколько мгновений, они разрывают объятия, его великолепные темные глаза встречаются с моими, и у меня перехватывает дыхание.

Теперь они кажутся более ясными и менее зловещими. И пока остальные болтают между собой, Джордж отходит от них и направляется ко мне. Сердце молотом стучит в груди, пока он, не сводя с меня взгляда, идет ко мне. Он выглядит потрясюще, гораздо лучше, чем в последний раз, когда я видела его. Он немного набрал в весе, кажется немного более подкачанным, а еще он коротко подстригся.

Я слегка задыхаюсь, но заставляю себя стоять. Когда Джордж подходит ко мне, он берет меня за руку и проводит большим пальцем по тыльной стороне ладони. Едва касаясь, ласкает мою руку.

Он кусает нижнюю губу несколько секунд, пока изучающе смотрит на меня.

— Как дела? — спрашивает он, его голос звучит низко и хрипло, отчего все мои внутренности закручиваются в узел.

— У меня все хорошо, — удается ответить мне спустя несколько секунд. — А у тебя как дела? — добавляю я. — В-выглядишь очень хорошо, Джордж, — нервно заикаясь, заканчиваю я свою мысль.

Он улыбается и согласно кивает.

— Это потому, что я теперь чист.

Остальные бочком проходят мимо нас, молча обмениваясь понимающими взглядами. Не секрет, нам с Джорджем есть, что обсудить, и мое сердце разбухает от счастья, что все они болеют за нас. Приятно знать, что я, наконец-то, чувствую себя тут как дома, а они хотят, чтобы мы были вместе и счастливы.

Все заходят в дом, но Джордж не уходит и по-прежнему держит меня за руку. Он притягивает меня к себе, крепко прижимая к своему телу. От неожиданности я поначалу напрягаюсь, но быстро прижимаюсь к нему и робко обнимаю его за шею. Он тоже крепко обнимает меня и жарко дышит мне в шею. И это так приятно. Моя грудь крепко прижата к его груди. Напряжение между нами, наверное, можно руками пощупать. Долгую минуту мы просто стоим так, никто из нас не в силах вымолвить ни слова. Потом его губы касаются моего уха, и он шепчет:

— Я скучал по тебе, как сумасшедший. Я должен провести немного времени со всеми, но потом я бы хотел прогуляться с тобой наедине. Мне нужно сказать тебе кое-что. Не против?

— Конечно, — шепотом отвечаю я, все еще цепляясь за него не на жизнь, а на смерть. Джордж не отпускает меня, и я не уверена, как долго мы бы стояли вот так, если бы в дверях не появилась голова Кэмерона и он не кашлянул.

— Мне крайней неприятно нарушать вашу любовную идиллию или как там это у вас называется, — он описывает рукой круг вокруг нас, — но мама говорит, что мы не сядем за стол, пока вы оба не придете. А у меня растущий организм, — добавляет он. — Мне нужно кушать.

Джордж фыркает, отстраняется от меня и поворачивается к Кэмерону.

— Мы сейчас подойдем, — удовлетворенный его ответом Кэмерон уходит, и Джордж встречается со мной взглядом. — На случай, если забуду сказать тебе потом, сегодня вечером ты просто красавица, Шарлотта.

По шее поднимается волна тепла и щеки заливает краска, когда он не сводит с меня жаркого взгляда. Но прежде, чем успеваю ответить, я опускаю взгляд и вижу, что на нем цепочка моего брата. Я улыбаюсь и нежно провожу по ней пальцами.

— Ты носишь ее.

С трудом сглотнув, Джордж берет мою руку в свою и прижимает ее к своей груди.

— У меня цепочка твоего брата, а у тебя — жетоны моего, — затем он склоняет голову, нежно целует меня в лоб и ведет в дом, чтобы присоединиться к остальным за обедом.

Обед проходит отлично. Мы все смеемся и предаемся воспоминаниям, а когда всплывает тема Айка, Джордж задает мне вопросы о том времени, которое я провела с ним, и я воспринимаю это как хороший знак.

Когда на глазах у меня появляются слезы, он протягивает мне салфетку, чтобы вытереть лицо, и сжимает мою ногу под столом, чтобы утешить меня. Джордж рассказывает нам о том, какую борьбу ему пришлось вести против своей зависимости, как и почему, как ему кажется, он оказался в такой ситуации, и извиняется перед всеми нами за все обидное, что он сказал или сделал.

Когда вечер подходит к концу, мы берем свои пальто, но прежде, чем я выхожу на крыльцо, Беверли притягивает меня к себе и крепко обнимает.

— Спасибо за то, что спасла моего сына, — шепчет она и целует меня в щеку. Я улыбаюсь ей, хотя знаю, что Джордж самостоятельно принял решение пройти реабилитацию и тут меня не за что благодарить.

— Вы двое сегодня не забывайте о безопасности, — Кэмерон подмигивает и кладет одну руку Джорджу на плечо. — И под безопасностью, я подразумеваю...

— Кэмерон, — прерывает его Беверли.

— Что? — Кэмерон прикидывается дурачком. — Я собирался напомнить им пристегнуть ремни... под безопасностью я имел в виду ремни безопасности. А что ты?.. О, мама, не может быть. Пап, мы должны что-то сделать с извращенным умом этой женщины. Она оказывает на меня плохое влияние.

Лицо Беверли заливается краской, а мы все смеемся. Генри не выдерживает и тоже хохочет, даже когда Беверли шлепает его по груди.

Мы обнимаем на прощанье Снайпера и Анну и садимся в «Форд Фокус», который моя мать заставила отца купить мне, когда они приезжали в Уорм-Спрингс. Мама пришла в ужас, узнав, что отец продал мой внедорожник, так как прекрасно понимала, что для меня значила машина, принадлежавшая Акселю.

Поездка к дому Джорджа проходит в тишине. Я чувствую, что он нервничает так же, как и я, но когда мы заезжаем на подъездную дорожку и я паркуюсь, он разворачивается ко мне. Я напрягаюсь, когда замечаю боль в его глазах.

Глядя на меня, он потирает заднюю часть шеи.

— Шарлотта, прости меня за все то, через что тебе пришлось пройти по моей вине, — шепчет он, придушенно кашляет и опускает взгляд. Его руки дрожат, когда я протягиваю руку, чтобы прикоснуться к нему. Он берет мою руку в свою и начинает выводить пальцем круги на моей ладони, наконец-то, снова подняв на меня взгляд.

— Я хочу, чтобы все происходило постепенно, но я, черт возьми, умираю внутри, — добавляет он и наклоняется ближе. — Весь последний месяц я чертовски боялся, что ты уедешь к тому моменту, когда я вернусь, или передумаешь насчет меня, — с грустью признается он. Склонив голову набок, Джордж протягивает руку и большим пальцем проводит по моей правой щеке. — Мне необходимо знать... мы еще можем предпринять попытку?

С трудом сглотнув, я киваю, но сразу же отворачиваюсь от него и открываю дверцу машины со своей стороны. Выскользнув наружу, я поднимаюсь по ступенькам крыльца его дома и жду его у двери. Спустя мгновение я слышу, как открывается, а затем захлопывается дверца машины, и вот Джордж уже рядом со мной. Я делаю несколько быстрых вдохов; нервозность и волнение не покидают меня.

Облизнув губы, я подхожу ближе к его двери. Не встречаясь с ним взглядом, я смотрю на дверь и говорю:

— Я хочу провести эту ночь с тобой. Ты не против?

Он не произносит ни слова, но подходит ближе ко мне. Он так близко, что на долю секунды я забываю, как дышать. Сердце выскакивает из груди, когда он кладет руки мне на талию. Затем Джордж открывает дверь и жестом предлагает мне войти первой. Как только мы заходим, он включает свет и осматривается.

— Мы с твоей мамой все тут убрали вчера. Хотели, чтобы все было красиво к твоему возвращению.

— Тебе вовсе не обязательно было делать это, но я, правда, ценю это, — выдавливает он. Решив облегчить его мучения, я наконец-то встречаюсь с ним взглядом. Подойдя к нему, я протягиваю руку и провожу ею по его волосам.

— Я тоже по тебе скучала, — шепчу я, а он опускает руки мне на бедра. — Я хочу быть с тобой... но мне нужно кое-что знать.

Мое сердце колотится, и я напоминаю себе, что нужно дышать.

— Что ты хочешь знать? — спрашивает он, с трудом сглотнув, и его адамово яблоко подпрыгивает вверх-вниз.

— Мне нужно знать, что ты веришь мне, — хрипло говорю я. Во рту внезапно становится сухо, и непослушным языком я облизываю губы. — Ты не верил мне тогда. И это нормально, не все поначалу верят. Черт, даже мой отец до сих пор не верит мне. Но Джордж, я не сумасшедшая, — добавляю я и смотрю ему прямо в глаза. — Я никогда не просила о таком... «даре», но теперь он у меня есть. Было время, когда я ненавидела его всеми фибрами души, но больше не ненавижу, потому что, если бы не он, я бы никогда не оказалась здесь. Я была в таком состоянии, что, наверное, свела бы счеты с жизнью в тот вечер... уверена в этом.

Я бросаю на него взгляд, но не могу понять его реакцию, потому решаю продолжить.

— А так как я могу видеть мертвых, я жива. Аик спас меня и привел сюда. Без этой моей способности я бы никогда не встретила тебя, — я вспоминаю о цели своего рассказа и нервно заправляю прядь волос за ухо. — Мой дар никуда не исчезнет. Вероятно, я буду видеть мертвых всю жизнь, и если мы будем вместе, это может временами осложнять наши отношения, особенно, если ты не веришь мне.

Джордж отстраняется, и мое сердце камнем падает вниз.

Он не верит мне.

Глава 37

Джордж

— Если бы я мог вернуться и заново прожить тот вечер, когда ты рассказала мне все, клянусь, я поступил бы иначе. У меня в голове была такая сумятица и... — у меня совсем не получается объяснять ей все как следует. — Слишком много всего свалилось на меня.

— Понимаю, — говорит она, глядя в пол.

— Шарлотта. Посмотри на меня, пожалуйста, — когда она поднимает голову, я вижу в ее взгляде нотки грусти. — У меня было много времени, чтобы обдумать все это. Я поверил тебе в тот вечер.

— Поверил? — удивленно переспрашивает она.

— Я разозлился. Жутко, но поверил, — со стыдом признаюсь я и провожу рукой по волосам.

— Но, почему?

Это самая тяжелая часть. Теперь я должен попытаться объяснить, почему повел себя, как мудака.

— Я ревновал.

— Что?

— Я ревновал, что ты можешь видеть его, а я нет. И завидовал, что вы двое можете так много времени проводить вместе. Меня постоянно обуревали различные эмоции, — она хмурит брови, пока слушает меня. — Шарлотта... с того дня, как он умер, я постоянно испытывал чувство вины. Это чувство душило меня. Айк был лучше меня, смелее, и он погиб на войне. Если кому из нас двоих суждено было уйти, то это должен был быть я, Шарлотта. Когда я узнал, что ты можешь видеть его... общаться с ним... что он по-прежнему здесь, я не знаю, это только обострило все эти чувства. Это он должен был остаться жив, а не я. И в довершение всего из-за того, что я не сумел справиться с собой, он застрял здесь.

— Джордж... — тихо произносит Шарлотта мое имя. — Я скучаю по Айку, — шепотом признается она и на мгновение закрывает глаза, очевидно, ощутив укол боли в сердце. — И я буду скучать по нему каждый день всей своей жизни, но я бы никогда не променяла тебя на него. Айк действительно был таким чудесным, каким ты только что его описал, но ты недооцениваешь себя.

Она делает шаг ко мне, ее серые глаза с нежностью смотрят на меня.

— Ты такой замечательный брат и человек. Айк не мог бросить тебя, пока не понял бы, что ты справился с его уходом. Джордж, его любовь к тебе спасла нас обоих. Разве ты не понимаешь, насколько это прекрасно?

Грудь сдавливает, и по телу прокатывается волна ужаса. Ненавижу саму мысль, что она пыталась свести счеты с жизнью. Мне не нравится, когда она упоминает об этом. *Где, черт возьми, я бы оказался, если бы не она?* С трудом сглотнув, я качаю головой.

— Я просто не считал, что заслуживаю тебя...

— А теперь?

Я провожу ладонью по своему лицу и шумно вздыхаю.

— Теперь... ну, теперь я надеюсь, что ошибался. Теперь я понимаю, что все, что я делал, причиняло боль тебе, мне самому и даже Айку, — она с пониманием смотрит на меня, и мой мир словно сходит со своей оси. Все, чего мне хочется, — прижаться лицом к изгибу ее шеи и провести губами по гладкой коже.

Подойдя к ней, я обхватываю ее лицо ладонями и смотрю ей в глаза.

— Так вот, отвечая на твой вопрос... я действительно тебе верю, и я верю в тебя. И не имеет значения, насколько сильно твой дар может порой усложнять жизнь, я хочу стать ее

частью. Шарлотта... я хочу тебя. Всю тебя. Хорошую, плохую и даже уродливую. Я люблю тебя.

И сейчас мне хочется потеряться в ней. Я приподнимаю ее, и она взвизгивает от неожиданности, когда я усаживаю ее на кухонный стол. Надобность в словах отпадает, когда ее губы встречаются с моими. Подавив рык, я вжимаюсь теснее между ее ног. Знаю, что мне не стоит так торопиться, но я не в силах остановиться.

Она сводит меня с ума, но я и не хочу, чтобы было как-то иначе. Если Шарлотта продолжит издавать все эти крошечные стоны, я очень быстро лишусь контроля. Я крепче сжимаю ее изящные бедра, желая тепла ее тела.

— Детка, — выдыхаю я у ее губ. — Ты знаешь, как сильно я люблю тебя?

Она дрожит от моих прикосновений, и мне хочется поглотить каждый сантиметр ее тела.

— Ммм... хмм, — бормочет она в ответ и снова прижимается своими губами к моим. Ее поцелуй сообщает мне все, что я надеялся услышать. Он подтверждает, что она хочет меня не меньше, чем я ее... что она моя.

Я обнимаю ее и подсовываю руки под ее попку.

— Обхвати меня ногами, Шарлотта, — шепчу я ей в шею. Она сразу же делает, как я прошу, и наши тела сливаются, желая и нуждаясь друг в друге.

Зарывшись пальцами ей в волосы, я отклоняю ее голову назад и прокладываю дорожку поцелуев вниз по ее подбородку, а затем по плечу. Когда я легонько прикусываю ее кожу, она ерзает на мне.

— Джордж, пожалуйста, — хнычет она, в ее голосе слышатся умоляющие нотки. Я накрываю ее рот своим, желая снова ощутить ее вкус. Она посасывает мой язык, и у меня вырывается стон, когда я зажимаю ее нижнюю губу губами.

— Ты готова? — задыхаясь, спрашиваю я, и она кивает, ее глаза полны желания. Я несу ее в спальню, по пути Шарлотта охотно прижимается грудью к моей груди.

Занимаясь любовью, Шарлотта отдается мне так, словно никогда никому не дарила себя, и это самый роскошный подарок, который я получал за всю свою жизнь. Мы исследуем тела друг друга часы напролет, пробуем друг друга на вкус, а после она засыпает, свернувшись калачиком у меня под боком, а я лежу и не сплю.

Я очарован красотой ее души и теряю остатки контроля, которые у меня еще оставались. Теперь она часть меня. С того дня, когда мы узнали, что Аик погиб, я чувствовал себя потерянным; словно я просто плыл по жизни, не в силах пристать к берегу. Но сейчас, вот в эту секунду, с Шарлоттой в моих объятиях, я чувствую, что обрел почву под ногами.

Какая-то часть меня всегда будет ощущать пустоту. Аик был моим близнецом, и его отсутствие ощутимо. Я чувствую это при каждом вдохе и выдохе. Но теперь я уверен, что смогу выжить. И вместо того, чтобы позволить воспоминаниям о нем и о его потере разрушить меня, я позволяю им придать мне сил. Мой брат спас меня. Он подарил мне эту девушку, женщину, которую он любил.

Шарлотта никогда не рассказывала мне, что происходило между ними, ни слова о тех чувствах, которые они испытывали друг к другу, но в глубине души, уверен, что они любили друг друга. То, как она отзывается о нем, говорит обо всем. И если быть честным, я немного ревную, но еще я уверен в том, что меня она тоже любит. Если ей и суждено подарить свое сердце другому мужчине, мой брат первый и единственный мужчина, кому я позволю получить его.

После всего горя и боли, которые я причинил ей, она по-прежнему здесь.

И она хочет меня.

— Она любит меня, Аик, — бормочу я. Я смотрю на дремлющую фигурку Шарлотты и улыбаюсь. Я чувствую себя чертовски счастливым. У меня есть вопросы, которые я был бы рад задать ей, мне бы хотелось узнать больше о том, как они проводили время вместе, но я не

стану спрашивать ни о чем. Все, что имеет значение — Шарлотта здесь, в моих объятиях, и она любит меня.

— Я буду любить ее за нас обоих, Аик, — шепотом обещаю я брату.

Нежно поцеловав Шарлотту в лоб, я вдыхаю исходящий от нее сладкий аромат. Вдохнув нежный аромат духов, я довольно вздыхаю. Она всегда будет принадлежать мне. Я закрываю глаза, испытывая ощущение покоя, которого не чувствовал уже очень долгое время.

Эпилог

Шарлотта

— Они будут здесь через пять минут, — кричит Джордж из нашей спальни, где он сейчас переодевается.

— Знаю, детка, — смеюсь я. — Думаю, ты нервничаешь куда сильнее меня.

Когда он выходит в гостиную, я вынуждена прикусить губу. Он выглядит великолепно в черной футболке и джинсах. Боже, я люблю его.

— Эй, не смотри на меня вот таким взглядом, — просит он. — Или им придется подождать снаружи какое-то время, прежде чем они смогут войти.

— Думаешь, это хорошая идея? — спрашиваю я в сотый раз.

Притянув к себе, он целует меня в лоб.

— Думаю, использовать твой дар с такой благой целью просто прекрасно, Шарлотта. Мы подписались только на один год. Если что-то пойдет не так, мы не будем продлевать контракт.

Когда состоялся суд по делу Кейси Перселл и ее убийцу привлекли к ответственности, молва обо мне распространилась быстрее лесного пожара. Очень скоро со мной связались с канала «Лайфтайм» и предложили участие в телевизионном шоу. (*Примеч. «Лайфтайм» — американский кабельный телеканал, специализирующийся на шоу, фильмах, комедиях и драмах, где главные роли играют исключительно женщины*).

После долгих раздумий, мы с Джорджем решили попробовать. Мы будем ездить из штата в штат, а «Лайфтайм» будут следовать за нами с камерами и постоянно снимать, как я использую свой дар. Большую часть вырученных денег мы планируем пожертвовать колледжам Вирджинии, чтобы обеспечить бесплатный транспорт для студентов по ночам.

Хотя предложение будет распространяться и на студентов мужского пола, я очень надеюсь, что именно студентки воспользуются этим преимуществом. Может быть, у нас получится предотвратить то, что случилось с Кейси. Мы назвали эту акцию «Поездка Кейси». Перселлы были очень тронуты, и даже согласились дать интервью для шоу, чтобы поведать миру, какую огромную помощь я оказала тем, что добилась справедливого наказания для убийцы Кейси.

Глядя в темные глаза Джорджа, я говорю ему:

— Люблю тебя. Спасибо, что ты рядом со мной в этом проекте.

Он нежно целует меня в губы и улыбается.

— Спасибо, что любишь меня.

Наша с Джорджем жизнь прекрасна. Проведя так много времени в темноте, я не могу объяснить, что значит жить на свету. Мой дар, который раньше был проклятием, чем-то, что я люто ненавидела, теперь самая большая ценность. Он привел меня в Уорм-Спрингс. Он привел ко мне Айка МакДермотта, познакомил с Джорджем, моим мужем.

Раз в неделю мы ужинаем у Мерсеров. Они не устают спрашивать, когда мы с Джорджем собираемся завести детей; хотят понянчиться. Я никогда не смогу заменить им их дочку Мэгги, но думаю, в какой-то степени мы заполняем пробел в жизни друг друга. Я для них, как дочь, а они для меня, как мать и отец, в которых я так нуждаюсь.

Я все еще навещаю «наше место», как называл его Аик. И находясь там, я разговариваю с ним. Представляю себе, как он стоит в воде с удочкой в руках и с этой своей знаменитой улыбочкой на лице. И молюсь, чтобы его надежды оправдали себя и он оказался в месте, похожем на то, что мы себе тогда представляли.

Я рассказываю ему о Джордже и как у него все хорошо, и пытаюсь дать ему понять, что и у меня все хорошо тоже. А еще я благодарю Айка. За его любовь, за спасение и за Джорджа.

Мы с Джорджем очень сильно любим друг друга. Потому что, когда Айк ушел, он унес с собой не только частицу меня, но и частичку Джорджа тоже. Этим, среди прочего, мы с ним тоже связаны. И я уверена, что однажды, мы все окажемся вместе, и мы с Джорджем снова станем цельными. Но сейчас мы с Джорджем стараемся жить каждый день, любя друг друга и наслаждаясь жизнью.

Как Айк и хотел, чтобы мы жили.

*** КОНЕЦ ***